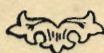

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ
БОЛГАРСКОЙ
ГРАММАТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

10

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

*(Обсуждение проспекта
«Основные вопросы болгарской грамматики»
на совещании в Институте славяноведения АН СССР
12—14 мая 1952 г.)*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · 1953

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

С. Б. Бернштейн (отв. ред.), *В. И. Злыднев*, *В. Д. Каромок*,
С. В. Никольский, *Е. В. Чешко*

ОТ РЕДАКЦИИ

Институт славяноведения Академии Наук СССР в числе других работ по славянскому языкознанию подготавливает коллективный труд «Основные вопросы болгарской грамматики».

Составленный авторским коллективом проспект «Основные вопросы болгарской грамматики» был обсужден на совещании специалистов по славянским языкам, состоявшемся в Институте славяноведения в мае 1952 г. В обсуждении приняли участие не только болгароведы, но и специалисты по русскому и чешскому языкам. Были получены также отзывы из Института болгарского языка Болгарской Академии Наук и от кафедры славяноведения Карлова университета в Праге. В ходе обсуждения проспекта были затронуты важнейшие проблемы болгарской грамматики.

В настоящем выпуске «Кратких сообщений» публикуются сокращенная стенограмма совещания и проспект «Основные вопросы болгарской грамматики», переработанный авторским коллективом с учетом замечаний, сделанных на совещании и в присланных отзывах.

СОКРАЩЕННАЯ СТЕНОГРАММА
ОБСУЖДЕНИЯ ПРОСПЕКТА
«ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ
БОЛГАРСКОЙ ГРАММАТИКИ»

12—14 мая 1952 г.

З А С Е Д А Н И Е П Е Р В О Е

(12 мая 1952 г., утро)

*Председательствует директор Института
проф. П. Н. Третьяков*

П. Н. Третьяков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Начиная работу по изучению основных проблем болгарской грамматики, сектор славянского языкознания Института славяноведения составил проспект будущего труда, который был направлен на рассмотрение ученых-славистов Советского Союза и в славянские страны народной демократии. Институт получил отзывы из Праги — от кафедры славяноведения филологического факультета Карлова университета — и Института болгарского языка Болгарской Академии Наук. Представлены отзывы и некоторыми нашими советскими исследователями и организациями. Все они содержат ценные указания и пожелания, вносят в «Прспект» ряд уточнений и, несомненно, помогут нашему коллективу выполнить стоящую перед ним ответственную задачу.

Мы надеемся, что предстоящее обсуждение еще больше укрепит и сцементирует ту основу, на которой впоследствии будет развиваться работа по составлению труда «Основные вопросы грамматики болгарского языка». Широкое обсуждение больших коллективных трудов имеет очень большое значение.

Работа над основными проблемами болгарской грамматики будет вестись в Институте одновременно с другой важной работой наших языковедов — с исследованием в области сравнительной грамматики славянских языков. Это очень большая задача.

И. В. Сталин в своих работах по языкознанию указал, что сравнительное изучение славянских языков принесет большую пользу в деле изучения законов развития языка, и нет сомнения, что работа в области болгарской грамматики в нашем Институте будет находиться в тесной связи с работой по сравнительному исследованию славянских языков. Хотелось бы, чтобы и сегодняшнее обсуждение в известной мере ориентировалось на это будущее.

Полагаю, что Институт поступает правильно, сосредоточив свое внимание именно вокруг вопросов грамматики, которая получила в трудах И. В. Сталина по языкознанию такое блестящее, ясное, четкое и вместе с тем глубокое определение, какого никогда не давал ни один лингвист. Грамматический строй языка, наряду с основным словарным фондом,

является наиболее устойчивой частью языка, составляет основу языка, сущность его специфики. Этим определяется то, что наш Институт прежде всего должен сосредоточить свои усилия именно в области грамматики. Надеемся, что через несколько лет коллектив Института сможет поднять и другие проблемы славянского языкознания — проблемы лексического состава языка, которые позволят связать работу историков и лингвистов. Однако и в области грамматики, особенно когда речь идет о сравнительной грамматике славянских языков, нам удастся, я полагаю, установить известные точки соприкосновения между лингвистами, историками и представителями других родственных дисциплин.

Хочу выразить надежду, что в результате совещания наш «Перспектив» будет обстоятельно рассмотрен, оценен и улучшен.

С. Б. Бернштейн

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка открывает перед советскими лингвистами широкие перспективы. Указав на то, что «грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления»¹, товарищ Сталин ставит перед нами задачу — установить внутренние закономерности грамматического строя, раскрыть познавательное значение грамматических категорий, определить основные виды абстракции в развитии структуры языка. «Исследование разных видов грамматической абстракции, — пишет академик В. В. Виноградов, — одна из важнейших проблем общего языкознания, к разработке которой на материале разных языков Советского Союза и зарубежных стран уже приступили советские языковеды»².

Изучение грамматического строя современных литературных языков — насущная задача языкознания. Стоит она, естественно, и перед славистами и особенно актуальна для специалистов по южным славянским языкам. Мы можем назвать выдающиеся исследования в области изучения грамматического строя русского языка, серьезные труды, посвященные грамматическому строю современных чешского и польского языков, но южнославянские литературные языки — болгарский, македонский, сербохорватский и словинский — изучены еще слабо. Несмотря на известные достижения, можно согласиться с болгарским академиком А. Теодоровым-Баланом, писавшим в 1947 г., что изучение литературного языка отстает от других разделов болгарского языкознания.

Изучение болгарского литературного языка фактически началось совсем недавно, в 30-е годы XX в. До этого времени слависты не имели в своем распоряжении научной грамматики литературного языка. Крупнейшие деятели болгарской лингвистической науки прошлого (Л. Милетич, Б. Цонев и др.) много сделали в области изучения языка древних памятников письменности, в области диалектологии и в какой-то степени подготовили появление сводных работ по истории языка. Большой вклад в изучение истории болгарского языка был сделан русскими лингвистами, главным образом В. Н. Щепкиным и А. М. Селищевым. Что же касается литературного языка, то к нему обращались только в том случае (я имею в виду лингвистов), когда он давал ценный материал по истории языка. Нужно сказать, что подобное положение мы можем обнаружить не

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 24.

² В. В. Виноградов. Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке. См. сб. «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». М., 1951, стр. 10 0

только в болгарской науке: изучение истории языка всюду предшествовало научному изучению современного литературного языка. Как известно, чтение университетских курсов по современным славянским литературным языкам началось лишь в XX в.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что первые опыты «научных грамматик» были мало удачными. Исследователи (речь в данном случае идет не только о болгарских лингвистах) обращали главное внимание не на грамматический строй языка, а на историю отдельных его сторон. Еще в 1930 г. академик Л. В. Щерба справедливо писал: «До сих пор еще большинство «научных грамматик» составляются так, что прослеживается судьба прошлого, а не генезис настоящего, которое иногда и вовсе ускользает от исследователя»¹. Это он писал в некрологе И. А. Бодуэна де Куртенэ, подчеркивая особо заслуги нашего выдающегося лингвиста в разработке теории научных грамматик. Нужно сказать, что именно в русском языкознании впервые были четко сформулированы задачи и методы изучения грамматического строя языков.

В 30-е годы появляется несколько грамматик современного болгарского литературного языка. В 1930 г. выходит из печати первый том болгарской грамматики А. Теодорова-Балана, посвященный фонетике. В 1934 г. преподаватель Пловдивского учительского института П. Калканджиев издал «Краткую болгарскую грамматику», второе издание которой вышло в 1938 г. В 1939 г. появились две новые грамматики: «Болгарская грамматика» Н. Костова и «Грамматика болгарского языка» академика С. Младенова и С. Василева.

В 1940 г. вышла из печати «Новая болгарская грамматика» академика А. Теодорова-Балана — самостоятельный труд, не связанный с вышедшей ранее фонетикой. В 1942 г. была издана «Болгарская грамматика» Д. Попова — лектора болгарского языка Высшего торгового училища в Варне (ныне город Сталин). Наконец, в 1944 г. появилась «Основная болгарская грамматика» Любомира Андрейчина, изданная в 1949 г. у нас в русском переводе. Из вышедших в последние годы грамматик следует отметить «Болгарскую грамматику для гимназий» Андрейчина, Костова и Николова (София, 1947).

Не все указанные грамматики имеют одинаковую научную ценность. Так, грамматики Калканджиева, Костова и Попова — полезные учебные пособия — не представляют большого интереса в теоретическом отношении. Наименее удачна грамматика Младенова и Василева. Наибольший интерес представляют обе грамматики Теодорова-Балана и особенно грамматика Андрейчина, которая, бесспорно, является самым значительным трудом, посвященным изучению грамматического строя современного литературного языка.

Указанные грамматики вызвали появление многих рецензий. В ряде случаев возникали дискуссии. Из критических трудов наибольший интерес имеет книга А. Теодорова-Балана «Состояние болгарской грамматики» (София, 1947). Из грамматик болгарского языка, вышедших за пределами Болгарии, важно учесть «Граматику болгарского языка» французского слависта Леона Больё (Париж, 1933).

Ценность всех указанных грамматик — одних большая, других меньшая — состоит в том, что авторы их подытожили прежде всего результаты многолетних эмпирических наблюдений над родной речью, собрали и

¹ Л. В. Щ е р б а. И. А. Бодуэн де Куртенэ, некролог. «Изв. по русскому языку и словесности», т. III, кн. 1, 1930, стр. 349.

обобщили ценный грамматический материал, накопленный со времени выхода в свет первых грамматик болгарского языка: Неофита Рыльского (1835), Ивана Богорова (1844), Иоакима Груева (1858) и др.

Как я уже говорил, до 30-х годов XX в. основное внимание болгарских лингвистов было направлено на изучение истории родного языка. Современным литературным языком занимались, как правило, не лингвисты, а методисты, преподаватели средних школ и учительских институтов. Это, естественно, не могло не сказаться на теоретическом уровне грамматических трудов. Отрицательно сказалось почти полное отсутствие специальных монографических исследований отдельных сторон грамматического строя литературного языка. О необходимости подобных предварительных монографий наглядно свидетельствует личный опыт Л. Андрейчина, который до написания своей грамматики посвятил несколько лет углубленному изучению структуры болгарского глагола. Я имею в виду его исследование на польском языке, посвященное категории пересказывания¹. Именно поэтому наибольший интерес в «Грамматике» Андрейчина представляет раздел глагола. Предварительные монографические исследования отдельных сторон грамматического строя являются совершенно необходимым условием для создания сводных капитальных грамматик.

Плодотворная работа в этом направлении невозможна без серьезной работы в области специальных теоретических проблем грамматики и фонетики. На это нужно обратить особое внимание. Необходимо критически пересмотреть многие теоретические положения. Приведу примеры.

Как известно, при изучении грамматической системы современного языка нужно всегда строго различать позиционные фонетические изменения и чередования звуков, которые служат средством выражения различных морфологических категорий. Короче, чередования самостоятельных фонем в составе одной морфемы являются характерным признаком грамматического строя языка, а не звукового.

Чередования *к//ц*, *г//з*, *х//с* в далеком прошлом были фонетически обусловлены. Исследователь общеславянского языка с полным основанием относит их к фонетике. Совсем иное значение указанные чередования имеют в современном болгарском языке. Они позиционно не обусловлены и представлены лишь в определенных морфологических категориях. Аналогичных примеров можно привести очень много.

В большинстве болгарских грамматик не различаются позиционные фонетические изменения и чередование звуков. Так, в грамматике Младенова и Василева никогда не дифференцируются современные, живые фонетические процессы и древние, результаты которых уже давно стали морфологическими чередованиями. Поэтому читатель не может получить верного представления о фонетической системе современного литературного языка.

Первую попытку разграничения данных фактов языка мы найдем лишь в грамматике Л. Андрейчина. Он различает «современные звуковые законы болгарского литературного языка» и «исторические звуковые законы». Однако дело не только в этом. Мало их разграничить. Необходимо «исторические звуковые законы» рассматривать при изучении грамматического строя языка.

Четкое разграничение фонетических, позиционных изменений и морфологических чередований возможно лишь при установлении состава

¹ L. A n d r e j z i n. Kategorie znaczeniowe konjugacji bułgarskiej. Kraków, 1938.

фонем, так как фонетические изменения представляют собою изменения одной фонемы, а в чередованиях мы имеем дело с различными фонемами. Таким образом, нельзя получить верное представление о грамматическом строе языка, если одновременно не определены состав фонем данного языка и их позиционные возможности. Вот почему мы должны знать фонологический состав болгарского языка.

В этом направлении сделано очень мало. В настоящее время имеются серьезные труды в области фонологии русского, чешского, польского и сербского языков. Необходимо начать работу и в области болгарской фонологии.

Остановлюсь еще на одном теоретическом вопросе — на проблеме членности производных основ на морфеме, важнейшей проблеме теоретической грамматики. При членении производных основ необходимо строго различать разные эпохи в истории языка. Одно и то же слово в различные периоды будет выделять разные морфемы. Необходимость конкретно-исторического подхода к членению производных основ в русском языкознании была осознана уже давно. Однако до сих пор многие лингвисты путают морфологию и этимологию, занимаются абстрактным членением основ, выделяют несуществующие морфемы.

В той или иной мере смешение морфологии и этимологии характерно для авторов всех указанных нами грамматик болгарского языка. Особенно показательна в этом отношении грамматика Младенова и Василева, так как в ней вопросам словообразования уделяется сравнительно много места.

Академик Младенов (именно он является автором главы о словообразовании) полагает, что в словах *Перун* и *кълвун* (клев) представлен один суффикс — *-ун*. Данное членение вполне оправдано для слова *кълвун* (ср. *кълва́*, *кълва́ч*). Действительно, здесь мы имеем дело с двумя морфемами: *кълв-* и *-ун*. Дает ли основание наличие в болгарском языке морфемы *-ун* членить *Пер-ун*? Конечно, нет. Ведь при таком членении первый слог (*Пер-*) не является морфемой. Членение производных основ идет не по слогам, а именно по морфемам. Академик Младенов полностью игнорирует понятия морфемы. Вот почему он совершенно свободно сопоставляет собственное имя *Петруна* со словами: *морюна*, *кратюна*, *майюна*, *фортюна* и др. В слове *пещера* он выделяет суффикс *-ера* на том основании, что это слово образовано от *пещ*, которое в отличие от *Пер-* (ср. *Пер-ун*), *майм-* (ср. *майм-уна*) и других действительно в языке имеется. Но и это членение нельзя признать верным, так как в современном языке слова *пещ* и *пещера* совершенно разошлись и семантически уже не связаны. Членение *кра-ва* спорно и этимологически. Для современного языка подобное членение, очевидно, ошибочно, так как при этом выделяются элементы, которые не имеют никакого значения.

Останавливаясь на этом вопросе так подробно потому, что он имеет первостепенное значение. Перед каждым преподавателем болгарского языка постоянно возникает вопрос о членении основ. Наибольшие трудности возникают при членении производных глагольных основ. С этим приходится сталкиваться не только при изучении глагольного словообразования, но и при изучении форм словоизменения (в частности, форм настоящего времени). Вот почему на нашем первом же совещании мы поставили специальный доклад на тему о принципах классификации глагольных основ и об их морфологическом членении.

Приведенные мною примеры очень наглядно свидетельствуют о необходимости серьезной теоретической работы в области грамматики.

Итак, интенсивное развитие научно-исследовательской работы в области изучения современного болгарского литературного языка, бесспорно, является одной из наиболее актуальных задач болгаристики. Как я уже говорил, первые опыты создания обобщающих грамматик показали, что необходимо приступить к детальному изучению отдельных явлений, к созданию монографий, посвященных различным сторонам фонетического и грамматического строя болгарского языка. Именно такую задачу ставит наш коллектив. Создание монографий по современному литературному языку — задача не только болгарских ученых, но и болгароведов других стран. Стоит она и перед советскими славистами. Вот почему в план исследовательских работ сектора языкознания Института славяноведения включена большая тема «Основные вопросы болгарской грамматики», над которой работает группа болгароведов Института.

В 1951 г. был составлен «Перспектив» будущей работы, для обсуждения которого мы здесь и собрались. Обсуждению нашего «Перспектива» мы придаем очень большое значение, так как оно поможет нам определить направление нашей работы, наметить важные и актуальные вопросы, решить ряд конкретных задач. Мы хотели бы услышать здесь выступления и по общетеоретическим вопросам, и по вопросам структуры, и по всем частным вопросам, например, по вопросу о выборе авторов (этот вопрос нас очень интересует), по вопросу о хронологических границах исследования, о целесообразности привлечения, кроме художественной литературы, также и специальной литературы — военной, экономической, юридической и др. Всем этим вопросам — а таких вопросов много — мы должны уделить на данном совещании большое внимание. От решения всех этих вопросов будет зависеть успех нашей работы.

В своей работе мы исходим из того положения, что исследователь современного болгарского литературного языка не может и не должен игнорировать болгарский литературный язык второй половины XIX столетия.

Считаю необходимым это особо подчеркнуть, так как имеется мнение, что язык Хр. Ботева и Вазова уже устарел, что нужно исследовать язык только современных писателей. Конечно, между языком Л. Каравелова, Ботева и раннего Вазова, с одной стороны, и языком Елин-Пелина, Хр. Смирненского, Н. Вапцарова, Г. Караславова — с другой, имеются известные различия. Вышло из употребления много слов, главным образом турецкого происхождения, появилось огромное количество новых слов и устойчивых фразеологических сочетаний, особенно после 9 сентября 1944 г. Обнаруживаются различия в орфоэпии, в некоторых особенностях грамматического строя, что связано преимущественно с влиянием западных говоров Болгарии. И тем не менее произведения Хр. Ботева написаны на современном болгарском языке.

Напомню известные слова И. В. Сталина о русском литературном языке:

«Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина.

Что изменилось за это время в русском языке? Серьезно пополнился за это время словарный состав русского языка; выпало из словарного состава большое количество устаревших слов; изменилось смысловое

значение значительного количества слов; улучшился грамматический строй языка. Что касается структуры пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась во всём существенном, как основа современного русского языка»¹.

Думаю, что это положение И. В. Сталина дает нам полное основание строить нашу работу на литературных текстах, начиная с эпохи Каравелова и Ботева.

Я не механически переношу высказывания товарища Сталина о русском языке на болгарский язык. Современники Пушкина в Болгарии не писали на современном болгарском языке. Я думаю, что мы имеем право и должны начинать с произведений Каравелова и Ботева.

Все утверждения о том, что литературный язык после 1944 г. претерпел якобы коренную ломку, являются, конечно, глубоко ошибочными. Авторы этих утверждений исходили из немарксистского положения о надстроечном, классовом характере языка.

Применяя сталинское понимание современного языка к болгарскому материалу, мы приходим к выводу, что язык таких классиков болгарской литературы, как Христо Ботев и Иван Вазов, заложивших основы болгарского литературного языка и игравших в его развитии роль, приближающуюся к роли Пушкина в истории русского языка, должен составить начальную хронологическую грань обследуемого периода. Естественно, что основным нашим источником будут произведения писателей XX в. — лучших писателей современной народно-демократической Болгарии, лауреатов Димитровских премий, научная литература, современные литературные и политические журналы («Септември», «Ново време») и газеты.

Важной своей задачей мы считаем прослеживание отдельных изменений звукового и грамматического строя болгарского литературного языка, которые происходили после освобождения болгарского народа от турецкого ига, особенно за последние полвека. Именно поэтому мы вынуждены привлекать не только собственно литературный материал, но и данные народных (территориальных) говоров, главным образом балканских и некоторых западных, прежде всего софийского говора. Без необходимого диалектного материала невозможно вскрыть причины колебания орфоэпических норм современного литературного языка, особенностей в употреблении глагольных времен отдельными писателями, появление ряда новообразований.

В некоторых случаях авторы «Основных вопросов болгарской грамматики» вынуждены будут давать исторические экскурсы, например, при рассмотрении глагольного вида, при изучении некоторых местоименных форм и др. Однако мы не можем перегружать грамматику современного языка историческим материалом. Поэтому все исторические справки будут даны лишь в тех случаях, когда они совершенно необходимы, когда без этих справок нельзя понять современного материала.

Каждый литературный язык имеет различные жанрово-стилистические варианты. Имеет их и болгарский язык. Изучение этих вариантов — одна из задач науки о болгарском языке. Однако в этом отношении сделано еще очень мало. Мы в своей работе подобной задачи не ставим, так как не располагаем для этого вполне надежными источниками. Почти все наши выводы мы должны будем делать на основе письменных источников: художественной прозы и научно-публицистических произведений. Стихотворная форма принимается во внимание лишь для некоторых разделов.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 9—10.

Всякое грамматическое исследование, посвященное изучению литературного языка, должно в полной мере учитывать разговорную речь. Это особенно необходимо при изучении болгарского языка, так как в Болгарии разговорный язык существенно отличается от письменного. Кроме того, разговорный язык столицы во многом отличается от разговорного языка городов Восточной Болгарии. Без специальных наблюдений над современной разговорной речью невозможно будет решить ряд важных проблем современного литературного языка. Однако нужно сказать, что мы старались эти проблемы не включать в наш проспект. Объясняется это тем, что в нашем распоряжении нет вполне надежных источников современной разговорной речи. Какими источниками мы пользуемся для этой цели? Драматическими произведениями писателей-реалистов, диалогами в произведениях реалистов-прозаиков. Мы прекрасно видим недостатки этих источников, их ограниченность. Как мы можем, например, решать вопрос о правомерности употребления в литературном языке полного члена? В какой степени он характерен для современного болгарского литературного языка? Тут источники, которыми мы пользуемся, ничего дать не могут. Если автор не поставил полного члена, то его поставит корректор. Должен еще раз подчеркнуть, что для нас это самая трудная проблема. Целый ряд вопросов литературного языка мы опустим, потому что решать их в отрыве от разговорного языка Болгарии невозможно. Такие проблемы должны решать только болгарские лингвисты. Кое-что, может быть, нам дадут наблюдения над языком тех болгар, которые у нас учатся. В связи с этим мы предполагаем произвести экспериментально-фонетическое исследование произношения студентов-болгар, обучающихся в вузах Москвы и Ленинграда. Конечно, выводы нужно будет делать очень осторожно. Мы сами очень часто не беремся решать вопрос о степени распространения того или другого явления в русском языке, тем более трудно это сделать при изучении чужого языка.

Авторы «Основных вопросов болгарской грамматики» предполагают производить сопоставления болгарского языка с русским языком, но только там, где это необходимо. В отдельных случаях понадобятся и краткие ссылки на материал других славянских языков. Разумеется, грамматика отдельного славянского языка не может давать развернутой картины языкового родства славянских наций в области грамматического строя, но она должна быть построена так, чтобы в максимальной степени облегчить осознание фактов этого родства для читателя, знакомого с другими славянскими языками, прежде всего — с русским языком.

Как я сказал, мы не ставим перед собой задачу написания новой грамматики литературного языка. По нашему плану это будет сборник статей и монографий по отдельным, наиболее важным и наименее разработанным вопросам. Авторы «Основных вопросов болгарской грамматики» не расходятся между собой в решении кардинальных проблем грамматики. Однако в решении ряда конкретных вопросов грамматики болгарского языка между авторами пока имеются известные расхождения. Они, может быть, проявятся и при обсуждении нашего «Проспекта». На эти вопросы нам хотелось бы обратить серьезное внимание и обсудить их на нашем совещании.

Разрешите перейти к характеристике общего плана работы нашего коллектива.

Во введении читатель найдет краткие сведения о славянских языках и месте болгарского языка среди других славянских языков. Здесь будет дано краткое изложение учения И. В. Сталина о грамматическом строе языка. Особое место будет уделено критическому обзору имеющихся

трудов по болгарской грамматике. Этот обзор даст нам возможность не только определить свое отношение к существующим трудам, но и поможет нам самим сформулировать приемы и методы своего подхода к грамматическим явлениям.

По первоначальному плану этот раздел у нас должен был быть кратким. Теперь мы предполагаем дать большую историографическую часть, где будут подвергнуты критическому анализу не только отдельные работы, но и целые направления в области изучения болгарского языка.

Первая часть книги под названием «Основные вопросы фонетики и фонологии болгарского языка, графика и орфография» будет посвящена фонетике и фонологии. Болгарская фонология, как я уже говорил, до сих пор не разработана. Нет ни одного удовлетворительного опыта изучения фонологического состава болгарского литературного языка.

До сих пор не установлен даже состав фонем. Так, существуют диаметрально противоположные мнения о фонологической природе мягких согласных. Одни считают их самостоятельными фонемами, другие — вариантами твердых фонем. Не определены все позиционные возможности фонем. Отсутствие соответствующих работ отрицательно сказывается на решении некоторых важных практических вопросов.

Мы предполагаем дать в нашей книге очерк болгарской орфографии, который был бы построен на основе фонологического изучения болгарского языка, определения состава фонем и всех позиционных возможностей фонем. Вот почему этот раздел — «Принципы болгарской графики и орфографии» — будет писаться после изучения фонем.

Мы считаем целесообразным дать в работе описание акустической и физиологической природы звуков болгарского языка. Такие работы имеются, и некоторые из них выполнены крупными специалистами. Однако до сих пор многие важнейшие вопросы болгарской фонетики остаются нерешенными и мало исследованными. Нам необходимо также изучить возможные колебания в произношении болгар, говорящих на литературном языке, характер редукции безударных гласных, степень смягчения согласных перед гласными переднего ряда, произношение звука х, наличие или отсутствие йотации перед начальными и поствокальными е и и в разных группах слов и стилях произношения. Для этой цели в лаборатории Ленинградского университета им. А. А. Жданова, созданной академиком Л. В. Щербой, будет произведено тщательное экспериментально-фонетическое исследование болгарского литературного произношения. Основными объектами этого исследования будет произношение двух болгар из Софии и Тырнова. Кроме того, будут привлечены дополнительные объекты из Пловдива, Старой Загоры и других мест Болгарии.

Вторая часть нашей книги посвящается общей характеристике грамматического строя болгарского языка. Это будет сравнительно небольшая, но очень важная часть, которой мы придаем большое значение. Нам представляется, что не всегда правильно определяется взаимоотношение так называемых «аналитических» и «синтетических» средств языка. Отсутствие надежных именных флексий является одной из наиболее характерных особенностей болгарского языка. Однако это не дает нам основания говорить об аналитическом строе болгарского языка. До некоторой степени этому противоречит система местоименного склонения. Я уже не говорю о глаголе, который располагает богатым выбором флексий. Таким образом, можно говорить об аналитическом строе болгарского склонения, и то с некоторой оговоркой в отношении местоимения.

В этой части у нас будут два раздела: 1) грамматические средства болгарского языка и определение его формального строя и 2) понятие отдельного слова применительно к болгарскому языку.

При написании второй части книги перед авторами будут стоять большие трудности. Очень легко можно поддасться соблазну интерпретировать материал согласно заранее созданной схеме, а такая схема у нас есть. Для того чтобы избежать всякого априоризма в решении данных вопросов, мы считаем целесообразным приступить к написанию второй части после завершения третьей части. Должен сказать, что уже теперь мы могли бы внести существенные коррективы в изданный «Прспект» в отношении второй части. Об этом мы будем говорить специально дальше. Авторы ждут, что данный раздел «Прспекта» будет детально обсужден на совещании. По всем затронутым нами вопросам мы хотели бы услышать мнение не только болгароведов, но и специалистов по другим языкам. Некоторые аналогии могут возникнуть перед специалистами по романским языкам.

Основная и главная часть нашей книги — третья, где будут охарактеризованы морфология и синтаксис частей речи. В этой части предполагается дать следующие главы: а) части речи в болгарском языке и их грамматические категории, б) выражение падежных отношений имени в болгарском языке, в) категория определенности и неопределенности имени в болгарском языке, г) употребление энклитических местоимений и «двойных форм» личного местоимения, д) вид и время, е) проблема так называемых определенных и неопределенных времен и пересказывательного наклонения. Уже после издания «Прспекта» мы решили включить еще одну главу: «Проблема морфологического членения глагольных основ».

На наш взгляд, мы выбрали наиболее сложные проблемы морфологии и синтаксиса частей речи. Именно по всем указанным вопросам до сих пор существуют большие расхождения между специалистами по болгарской грамматике. Хотелось бы по этому поводу услышать мнение участников нашего совещания. Может быть, мы упустили какие-нибудь вопросы, которые должны быть разработаны в первую очередь. Наша работа находится в начальной стадии. Ценные позитивные предложения могли бы быть нами учтены в полной мере. В этом, между прочим, состоит одна из основных задач нашего совещания. В определении содержания будущей книги мы не должны исходить из личных вкусов и интересов. Они должны быть подчинены задачам всего нашего исследования.

В грамматической литературе, как известно, по-разному решается вопрос о месте, которое занимает раздел, рассматривающий значение и употребление отдельных форм слова, отдельных морфологических категорий. В нашей работе мы считаем целесообразным изучение морфологии проводить в органической связи с самим употреблением форм. Таким образом, мы не выделяем специально синтаксиса частей речи. Данное решение вопроса мы не считаем обязательным во всех случаях. Возможно, что в систематическом курсе грамматики литературного языка изучение форм не должно смешиваться с их употреблением. Что же касается специальных грамматических исследований, то здесь возможно, а порой и необходимо, производить изучение форм в тесной связи с их значением и употреблением. Хотелось бы и по этому вопросу услышать мнение присутствующих.

Считаю необходимым затронуть еще один общий теоретический вопрос, имеющий для нас большое значение, — о связи лексики с грамматикой. Очевидно, что мы не можем игнорировать то, какая лексика охватывается

изучаемой нами грамматической категорией. В целом ряде случаев это совершенно необходимо, например при изучении глагольного вида и некоторых других вопросов. Академик В. В. Виноградов совершенно справедливо пишет, что исследователь грамматических категорий «в их живом движении во всех формах их выражения не может уклониться от определения самого характера охвата ими лексического материала»¹. Это, бесспорно, так.

Во время господства так называемого «нового учения» о языке была сделана попытка с помощью лексики и семантики ликвидировать грамматику. Товарищ Сталин в своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» подверг сокрушительной критике эти вульгаризаторские упражнения марристов и их последователей. Товарищ Сталин вскрыл подлинное соотношение между грамматикой и лексикой.

В своем исследовании грамматического строя болгарского языка мы обращаемся к лексике только в том случае, когда она помогает уяснить сферы распространения данной морфологической категории, выяснить соотношение параллельных форм. Так, говоря о глаголах, непарных в видовом отношении, мы не можем «отстранить от себя вопроса о том, какие лексические разряды и словообразовательные типы глаголов и по каким причинам не могут функционировать в двух соотносительных видовых формах и значениях»².

Нельзя, однако, закрывать глаза на то, что среди советских лингвистов нет полного единства в вопросе о взаимодействии лексики и грамматики. «Некоторые расхождения между лингвистами, — пишет академик В. В. Виноградов, — в понимании, например, задач грамматики, естественны и неизбежны. Такие вопросы, как вопрос о взаимодействии лексики и грамматики, вопрос о частях речи и членах предложения, вопрос о соотношении учения о словосочетании и учения о предложении в синтаксисе, решались у нас неодинаково... С углублением теоретических основ советского языкознания ошибочное в этих CONCESSIONS отпадает»³. Хотелось бы и по этому вопросу услышать мнение присутствующих.

В первой главе третьей части мы предполагаем дать общую характеристику частей речи. Здесь будет дан обзор знаменательных и служебных слов, охарактеризованы основные лексико-грамматические группы слов внутри частей речи. Особое внимание будет уделено изучению категории состояния — новый вопрос в болгарской грамматической науке.

Вторая глава будет посвящена одному из основных вопросов всего нашего исследования — вопросу о выражении падежных отношений в современном болгарском языке. Нужно прямо сказать, что это одна из наиболее сложных и запутанных в нашей науке проблем. Трудность ее состоит в том, что она поднимает большие грамматические вопросы общего значения, выходящие собственно за рамки болгарского языка. Речь идет о выражении падежных отношений в языках, не имеющих именных падежных флексий.

Можно ли говорить о падежных отношениях в таких языках, как болгарский, французский и многие другие? Вопрос этот сложный и по-разному решается специалистами. Нет единой точки зрения и у специалистов по болгарскому языку. Нельзя сказать, что вопрос о падежных

¹ В. В. Виноградов. Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию», М., 1951, стр. 79.

² Там же.

³ В. В. Виноградов. Развитие советского языкознания..., стр. 99—100.

отношениях окончательно решен авторами «Основных вопросов болгарской грамматики». У нас имеется пока лишь предварительное решение, которое мы выносим на обсуждение совещания.

Мне представляется, что в современном болгарском языке имеются три падежа: именительный, винительный и дательный. В единственном числе употребляется еще звательная форма. В местоимениях эти три падежа имеют различные формы: *той* — *него* — *нему*, *кой* — *кого* — *кому* и т. д. В имени именительный и винительный падежи выражаются лишь синтаксическими средствами. Формальные разграничения с помощью членных форм искусственны и не отражают особенностей живого языка. Так же, как и в местоимении, здесь винительный падеж является падежом прямого дополнения. Имеются для определенных групп слов еще формальные средства разграничения именительного и винительного падежей (*Иван*, но *виждам Ивана*). Однако в литературном языке они уже почти не встречаются. Еще обычные в языке Вазова формы *Ивана*, *Стояна* и другие, как в функции прямого дополнения, так и в сочетании с предлогами, в современном литературном языке воспринимаются как архаизмы. При изучении данного вопроса нельзя игнорировать тот факт, что часто именительный и винительный падежи разграничиваются с помощью форм местоимения: *котка я ухапа куче*. Косвенное приглагольное дополнение и приименное дополнение выражаются обычно в болгарском языке при помощи предлога *на*. Этот же предлог может выражать различные локальные отношения. В первом случае мы имеем дело с предлогом, который выражает дательный падеж. В предложениях: *Три бункера завършваха системата на укрепленията* и *Тези, които дават силите си на своята свободна родина* — предлог *на* лишен всякого конкретного значения и служит лишь для выражения грамматического подчинения.

Местоимения эти же отношения выражают формами дательного падежа. В предложениях: *Варненци тичат на обекта си* и *Неговото ядро работи на големия мост при завоя между селата Злати-рът и Пчелински-рът* — предлог *на* обладает собственным лексическим значением. Выражая значения места или направления, он не выражает падежных отношений. Вообще все локальные отношения выражаются предлогами, которые не выражают никаких падежных отношений. Среди всех болгарских предлогов только предлог *на* может выражать падежные отношения, т. е. быть «пустым», по терминологии французских грамматик.

При рассмотрении данного вопроса нельзя игнорировать тот факт, что в современном болгарском языке сохраняются именные формы дательного падежа у слов личного значения. Правда, эти формы архаичны или характеризуют лишь диалектную речь, но существенного значения это не имеет. Они сейчас редко употребляются, но они известны каждому болгарину.

Обсуждению данного вопроса мы уделяем большое внимание. Именно с этой целью поставлен на нашем совещании специальный доклад Е. В. Чешко, посвященный выражению падежных отношений в болгарском языке. Этот раздел нашего «Проспекта» вызывает наибольшее число критических замечаний. Нам очень важно выслушать по этому вопросу не только славистов, но и специалистов по романским и германским языкам.

В третьей главе третьей части будет трактоваться вопрос о категории определенности и неопределенности в болгарском языке. Этот вопрос впервые во всем его значении был поставлен проф. Цоневым в его известной ректорской речи. Однако до сих пор многое остается нерешенным.

В этой главе должны быть освещены вопросы употребления членных форм, выяснено смысловое содержание противопоставления форм без члена формам с членом в разных сочетаниях и типах контекстов. Особое место будет отведено изучению так называемого неопределенного члена. Хотелось бы услышать, правильно ли трактуется неопределенный член у нас в «Перспекте».

В этой же главе будет рассмотрена категория количественно-определенной множественности в противоположность нейтральной, или неопределенной, множественности.

Глагольную категорию определенности и неопределенности мы выделяем в особую, шестую, главу, где рассматриваем ее в связи с пересказательным наклонением. Нужно сказать, что в нашем коллективе пока нет полного единства во взглядах на проблему так называемых определенных и неопределенных времен болгарского глагола.

Четвертая глава посвящается местоимениям, пятая — глагольному виду. Никаких серьезных работ по болгарскому глагольному виду до сих пор нет, а это вопрос очень важный, так как болгарский глагольный вид отличается большим своеобразием.

Во время подготовительной работы над «Перспектом» мы почти не затронули вопросов глагольного словообразования, вопросов членения глагольных основ, а в связи с ними — и вопроса классификации глагольных основ. В процессе работы выяснилось, однако, что без решения этого вопроса нельзя решить многих других поставленных нами вопросов. Эту проблему поэтому нужно не только включить в наше исследование, но и начать разрабатывать ее в первую очередь. Бесспорно, данная проблема требует коренного пересмотра. Нельзя считать правомерным членение *пътув-аш* наряду с *чет-еш*. В глаголах так называемого III спряжения звук *а* входит в состав основы. Вот почему я полагаю, что в 3-м л. ед. ч. глаголы I спряжения будут иметь окончание- *е*, глаголы II спряжения — *и*, а в III спряжении будет нулевая флексия.

Данному вопросу мы придаем очень большое значение. Именно поэтому мы решили вопрос о членении глагольных основ поставить на нашем совещании. Доклад на эту тему сделает Ю. С. Маслов.

В «Перспекте» вопросам словообразования уделено мало внимания. Между тем болгарское словообразование разработано слабо, и нам хотелось бы услышать позитивные предложения по поводу расширения раздела словообразования.

Пятая часть содержит одну главу, посвященную ударению. Вопрос этот имеет большое теоретическое и практическое значение. В этой главе будет подробно рассмотрено место ударения в различных частях речи. Особое внимание должно быть уделено описанию подвижного ударения существительных при членных формах, при образовании множественного числа, в глаголе при приставочных и бесприставочных основах в аористе и др. Все эти вопросы очень важны при практическом изучении болгарского языка. Каждому преподавателю болгарского языка приходится тратить много сил на то, чтобы учащийся научился правильно ставить ударения. Болгарские пособия в этом отношении не могут оказать нам большой помощи, так как в них, естественно, обращается внимание лишь на случаи колебаний в месте ударения. Нам же нужны пособия, в которых были бы детально рассмотрены с приведением полных списков слов все случаи с подвижным ударением. Это и будет сделано.

Большое место в нашей книге должно быть уделено изучению колебаний в месте ударения, которые обнаруживаются в современном литературном языке. Изучение этого вопроса нельзя считать законченным. Речь

идет главным образом об ударении в некоторых типах аориста. Нужно сказать, что мы обнаруживаем в отношении ударения аориста существенные расхождения между данными болгарских грамматик и наблюдениями над устной речью. Вопреки указаниям Андрейчина и других авторов болгарских грамматик о предпочтении ударения в аористе на конечном слоге, наблюдения над стихотворной речью современных болгарских поэтов говорят о широком распространении корневого ударения в аористе. Пока наблюдений у нас еще мало, и поэтому рано делать какие-либо заключения. Необходимо провести тщательное обследование места ударения в причастиях, особенно в причастиях страдательного залога. Хотелось бы услышать мнение присутствующих — целесообразно ли выделить ударение в отдельный раздел или его следует рассматривать в соответствующих разделах грамматики.

В последней, шестой части нашей книги будет трактоваться вопрос о синтаксисе простого предложения. Здесь предполагается дать классификацию простых предложений на односоставные и двусоставные, обзор членов предложения. Центральное место в главе будет отведено анализу различных типов составного сказуемого. Будут подвергнуты исследованию предикативный член в составном сказуемом (так называемый «второй именительный», «второй винительный» и их замены). Кроме того, мы включили сюда и изучение безличных предложений, чего прежде не предполагалось делать.

Таков план нашей работы. В ней участвует наш небольшой коллектив. Каждый работает над самостоятельной главой, однако коллективное обсуждение отдельных разделов в самом процессе их написания дает возможность каждому принимать деятельное участие в создании всей книги. К работе над нашей книгой мы стараемся привлекать и аспирантов и студентов болгарского цикла Славянского отделения МГУ. Нам хотелось бы обсудить вопрос о возможном расширении нашего коллектива, вопрос о необходимости при планировании диссертационных тем по болгарскому языку учитывать ту работу, которую мы проводим.

Как уже было сказано, наша работа строится в основном на текстах художественной и политической литературы. Главными источниками для нас являются художественные произведения Ботева, Вазова, Константинова, Елин-Пелина, Караславова, Вежинова, произведения Благоева, Киркова, Димитрова, Коларова, Червенкова, газеты «Работническо дело» и «Отечествен фронт», журнал «Ново време». Будут использованы законодательные тексты, специальная научная литература. Сейчас идет полным ходом работа по расписыванию текстов. Естественно, что большая часть их расписывается выборочно; в результате создается большая и ценная картотека, которая будет храниться в Институте славяноведения и сможет быть использована для различных исследований по болгарскому языку. Она может быть предоставлена в распоряжение каждого болгароведа.

Таков в кратких чертах план нашей будущей работы. Как следует из сказанного, она будет представлять собою специальные монографии, посвященные отдельным сторонам грамматического строя современного болгарского литературного языка. Основная задача, стоящая перед нами, — применение достижений советского языкознания к изучению родственного русскому болгарского языка.

Лингвисты народно-демократической Болгарии упорно работают над решением задач, поставленных перед советскими лингвистами товарищем Сталиным. Труд товарища Сталина — «подлинное руководство как в деле развития языкознания вообще, так и специально в деле развития болгар-

ского языкознания»¹, — пишет академик Вл. Георгиев. Определяя задачи болгарских лингвистов в связи с работами товарища Сталина по языкознанию, Вл. Георгиев указывает, что важнейшей задачей является «составление подробной грамматики современного болгарского языка... Эта грамматика, — продолжает Георгиев, — будет иметь не только важное теоретическое, но и чрезвычайно большое практическое значение»².

В решении этой задачи посильное участие примут и болгароведы Советского Союза.

¹ Вл. Георгиев. Сталинското учение за езика и проблемите на българското езикознание. «Проблемите на българското езикознание в светлината на сталинското учение за езика», София, 1951, стр. 33.

² Там же стр. 30.

Е. В. Чешко

ОБ ИЗУЧЕНИИ ФУНКЦИЙ ПРЕДЛОГОВ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Система выражения синтаксических отношений существительного в болгарском языке представляет значительные отличия от других славянских языков. Эта область грамматики болгарского языка изучена недостаточно. Остаются нерешенными важные теоретические вопросы о системе падежей, о роли предлогов в выражении падежных отношений, о соотношении флективных и аналитических средств в системе выражения синтаксических отношений существительного.

Я изложу здесь свое мнение по некоторым из этих вопросов, в частности — по вопросу о том, что считать падежными отношениями в болгарском языке и какую роль в выражении этих отношений играют предлоги.

Вторая часть доклада будет касаться вопроса о задачах и методе изучения синтаксических отношений имени, выражаемых предложными сочетаниями.

Раскрывая реальное содержание синтаксических отношений, выражаемых падежами и предлогами, академик В. В. Виноградов пишет: «В падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности. Тут объединяется множество грамматических категорий, выражающих семантические оттенки пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других отвлеченных отношений. Формы и функции падежей соотносительны с грамматической системой предлогов, с присущими им значениями»¹.

Эта соотносительность значений падежей и предлогов естественна, так как в значениях предлогов отражается тот же круг отношений реальной действительности. «В семантической системе предлогов, — пишет В. В. Виноградов, — открывается сложная область отвлеченных отношений, выражающих общественное понимание самых разнообразных связей между предметами, признаками, состояниями и действиями»².

Являясь выразителями одного круга отношений реальной действительности, отображаемых человеческим познанием, падежи и предлоги не только вступают в тесное взаимодействие, но могут замещать друг друга в передаче тех или иных значений. «С развитием аналитических отношений, расширяющих функции предлогов и усложняющих значение падежей, груз грамматического выражения перекладывается с падежной формы на предлог»³.

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. Учпедгиз, 1947, стр. 167.

² Там же, стр. 689.

³ Там же.

Этот процесс наблюдается во всех славянских языках. Но если в большинстве славянских языков процесс этот развивается в рамках падежной системы и новые оттенки значений, отражающие развитие человеческого мышления, создаются путем взаимодействия значений падежных форм и предлогов, то в болгарском языке мы наблюдаем значительное разрушение системы падежных форм. В болгарском языке, утратившем формы родительного, творительного и местного падежей, сохранившем особые формы дательного и винительного падежей лишь в местоимениях-существительных и частично (только в личных именах мужского рода) в имени существительного, основную роль в выражении значений, передаваемых в других славянских языках и в древнеболгарском косвенными падежами, играют предлоги.

Л. Милетич в своей рецензии на книгу Пеева-Плачкова «Идеологическата класификация на българските предлози» (Пловдив, 1890), пишет: «Желающий изучать болгарские предлоги не должен забывать, что избрал ту часть болгарского синтаксиса, которая в других славянских синтаксисах считается сравнительно легкой, а у нас, напротив, это очень трудная часть, так как она содержит в себе учение о болгарском косвенном падежном употреблении имен, которое в значительной степени является предложным и сильно отличается от употребления косвенных падежей в других славянских языках»¹.

Таким образом, одним из важных вопросов, которые ставились болгарскими учеными при изучении функций предлогов в болгарском языке, является вопрос о роли предлогов в выражении так называемых падежных отношений, т. е. тех синтаксических отношений имени, которые в древнеболгарском языке выражались падежными формами.

Историков болгарского языка интересовала эта проблема в связи с изучением вопроса о путях перехода болгарского языка от флективной системы выражения синтаксических отношений имени к аналитической. Они считали, что «замена этих старых падежей предложными формами была бы лучше уяснена, если бы выяснилось, какой падеж заменяется словом с тем или иным предлогом, для чего служила синтаксическая падежная форма в предложении и для чего служит предложная»².

Тенденция рассматривать современную систему синтаксических отношений имени с точки зрения ее соответствия значениям старославянских падежей характерна не только для историков языка, где такой подход имеет определенные основания, но также и для некоторых ученых, занимающихся грамматикой современного языка, например, А. Теодорова-Балана, Л. Андрейчина.

Возникает вопрос, что считать падежом в болгарском языке, с каким критерием надо подходить к определению категории падежа, сколько падежей следует различать в болгарском языке и как квалифицировать те значения предложных сочетаний, которые в древнеболгарском и других славянских языках имеют падежное выражение, а в современном болгарском языке выражаются только при помощи предлогов.

В болгарской грамматике существовали два основных направления в решении вопроса о системе падежей болгарского языка. Одни грамматисты подходили к рассмотрению этого вопроса со стороны значения падежей (в конечном счете — значения старославянских падежей), другие —

¹ Л. Милетич. Рецензия на книгу И. Пеева-Плачкова «Идеологическата класификация на българските предлози».

² В. Попович. Рецензия на книгу И. Пеева-Плачкова «Идеологическата класификация на българските предлози.» Пловдив, 1890. Периодическо списание, 1892, стр. 484—486.

со стороны формы, считая возможным говорить применительно к современному болгарскому языку лишь о тех падежах, которые имеют в языке особые падежные формы. Эти два направления наметились еще в грамматиках XIX в.

В истории болгарского литературного языка первая половина XIX в. характеризуется борьбой двух направлений: так называемой «словено-болгарской школы» (грамматики Неофита Бозвели, 1822; Хр. Павловича, 1845) и «болгарской школы», представителями которой являются Иван Богоров (ему принадлежит «Първична българска граматика», Букуреш, 1844), Петр Берович, Априлов.

Шел спор о том, какой язык, книжный старославянский или живой народный, должен лечь в основу болгарского литературного языка. Сторонники «словено-болгарской школы» старались изгнать из грамматики все, что в новоболгарском языке отклоняется от старославянского.

Вполне естественно, что вопрос о падежах и их эквивалентах в живом болгарском языке был актуальным вопросом для грамматистов того времени. Поэтому в ряде грамматик новоболгарского языка середины и конца XIX в. (например, в грамматиках Неофита Рыльского, Ив. Момчилова, Важенова, Шишкова)¹ значение падежей определяется логически с помощью вопросов: как? на кого? кому? кого? и т. п. И таким путем устанавливается наличие в языке пяти падежей: именительного, родительного, дательного, винительного и звательного. При этом авторы иногда оговариваются, что древние падежи (падежные формы) вышли из употребления (кроме некоторых архаизмов) и заменены предлогами, которые, сочетаясь с именами предметов, показывают отношения одного предмета к другому. Понятие же падежей вводится для более легкого определения этих отношений².

Другие грамматисты XIX в. подходили к рассмотрению падежей с формально-грамматических позиций, определяя падеж как изменение окончаний, которое показывает взаимные отношения предметов. Число падежей эти грамматисты определяют по-разному, в зависимости от того, принимаются или не принимаются во внимание архаические формы. Так, например, Груев насчитывает в болгарском языке четыре падежа: именительный, звательный, дательный и винительный³. Панаретов — только три: именительный, винительный и звательный. «Кроме этих трех падежей, — замечает он, — некоторые грамматисты принимают еще один, который именуется дательным. Дательный падеж употребляется сейчас большей частью в собственных именах и имеет окончание *у* или *ю*, например: *Ивану, Благою*. Но так как этот падеж обыкновенно выражается винительным с предлогом *на*, что является более свойственным современному языку, мы оставляем его в стороне»⁴.

Наконец, Д. Миркович в своей грамматике пишет: «Мы в своем языке имеем только два падежа: именительный и звательный, и то лишь для единственного числа. Отношения других падежей выражаются посредством частицы *на* и именительного падежа или просто этим последним: так,

¹ «Българска граматика сега перво сочинена от Неофита П. П. ...из...обители Рыльскій в Крагуевцѣ», 1835, стр. 124 сл.; Писменница на Момчилова на церковно-славянски език. Белград, 1847; Грамматика за новобългарския език от Ив. Момчилова, изд. 4. Търново и Руссе, 1881; Т. Шишкова. Начална българска граматика. Търново, 1872; Грамматика на българский език от С. Д. Важенова. Пловдив, 1880.

² См. Ив. Момчилов. Грамматика на новобългарския език. 1881, стр. 16.

³ И. Груев. Начала от българскѣ граматикѣ, Пловдив, 1873, стр. 23.

⁴ С. Панаретов. Българска граматика. Цариград, 1881, стр. 39.

вместо родительного и дательного говорили «на челоуѣкъ», вместо винительного — «челоуѣкъ»¹.

Многие современные грамматисты также подходят к определению падежей в болгарском языке со стороны их формального выражения. Такой подход к решению вопроса о падежах находим в грамматиках П. Калканджиева, Н. Костова, С. Младенова и Ст. Василева, Л. Больё, В. Н. Щепкина².

Все эти грамматисты отмечают в современном болгарском языке наличие четырех падежей: именительного, винительного, дательного и звательного.

Однако не все современные ученые разделяют эту точку зрения. Так, например, Теодоров-Балан считает неправильным такой подход к решению вопроса о падежной системе болгарского языка. Он упрекает своих современников в том, что они незаконно смешивают понятия падежа и падежной формы. По мнению Балана, падежом называется отношение, в которое становится или ставится имя в зависимости от своей службы в речи.

«Падеж и падежная форма есть различные вещи: падеж определяет падежную форму, а не обратно; и без особой падежной формы можно иметь особый падеж. Нет речи без падежей, но есть языки без падежных форм»³.

При решении вопроса о том, сколько и какие падежи имеются в современном болгарском языке, следует, по мнению Балана, исходить из фактов «болгарской речи, книжной и народной обиходной и поэтической. А эти факты, — пишет он, — отражают историю болгарского языка, начиная от староболгарского книжного периода... Семь «падежей» староболгарского склонения заставляют различать семь падежных отношений»⁴. Однако некоторые из них (местный и творительный) утрачены давно и современным языковым сознанием перестали осознаваться (остатки этих падежных форм воспринимаются как наречия образа действия, места или времени). «Сохранившиеся в практике нового языка пять падежных отношений осознаются, чувствуются в его синтаксисе: это отношения именительного, звательного, винительного, дательного и родительного падежей. Хотя и теперь, как было и в старое время, некоторые падежные отношения и для некоторых разрядов имен не имеют своих особых простых форм, но бывают выражены формами других падежей, а также составными формами»⁵.

Критикуя грамматистов, которые отказываются признавать в болгарском языке категорию родительного падежа, и упрекая Младенова в том, что тот, говоря об остатках староболгарского родительного падежа, вместе с тем оставляет без внимания новоболгарский способ выражения родительного части: *зърно жито, резен хлеб* и т. п., Балан говорит: «Разве не сознается здесь и теперь отношение, которое в старое время выражалось родительным падежом?»⁶

¹ Д. Миркович. [Кратка и методическа българска граматика. Цариград, 1860, стр. 36.

² П. Калканджиев. Българска граматика. Пловдив — София, 1936; Н. Костов. Българска граматика. София, 1939; Граматика на българския език от д-р Стефан Младенов и Стефан П. Василев. София, 1939; Leon Beauclieux. Grammaire de la langue bulgare. P., 1933; В. Н. Щепкин. Учебник болгарского языка. М., 1909.

³ А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940, стр. 43.

⁴ Там же, стр. 105.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 106.

Таким образом, Теодоров-Балан подходит к определению падежной системы современного болгарского языка с точки зрения падежной системы языка старославянского. Правда, Теодоров-Балан отказывается различать в современном болгарском языке местный и творительный падежи, ссылаясь на языковое чутье. Но языковое чутье не может быть признано за лингвистическое доказательство, если не выяснены его грамматические причины. Поэтому позиция Теодорова-Балана является непоследовательной.

Более последовательно проведен указанный принцип в последних грамматиках Л. Андрейчина — «Основна българска граматика» (София, 1944) и в гимназической грамматике 1947 г., составленной Андрейчиным, Н. Костовым и Е. Николовым. В этих грамматиках падеж определяется как отношение, в котором находится данное существительное с глаголом или другим именем в предложении. Эти отношения, указывают авторы, очень разнообразны, но могут быть сведены к нескольким основным типам, которые и именуются падежами: именительным, винительным, звательным, дательным, местным, творительным и родительным. В винительном падеже ставится имя, когда оно выражает объект глагольного действия; в дательном стоит имя, когда выражает предмет или лицо, для которого предназначено действие; в местном — когда предмет или лицо связаны с глагольным действием по месту; в творительном — когда предмет или лицо, о котором говорится, есть орудие, средство, с помощью которого совершается действие; в родительном — когда выражается отношение принадлежности¹.

Итак, Андрейчин называет падежами основные типы смысловых отношений имени с глаголом или другими именами и подходит к определению этих основных типов с точки зрения значений славянских падежей, восстанавливая для современного болгарского языка систему семи старославянских падежей.

В отличие от всей предшествующей болгарской грамматической традиции, исключавшей из рассмотрения падежной системы все обстоятельственные отношения, выражаемые существительным в сочетании с различными предлогами, Л. Андрейчин признанием творительного, а особенно местного падежей, распространил понятие падежных отношений почти на все предложное употребление имени, потому что в локативном значении могут употребляться почти все предлоги.

Решение вопроса о значении отдельных падежей, не имеющих в болгарском языке соответствующих падежных форм, не опирается на объективные грамматические критерии и поэтому всегда будет в той или иной мере произвольным. В самом деле, почему творительный падеж определять только как выражение значения орудия действия и тем самым исключать его другие значения (образа действия, сравнения и пр.) из категории существительных основных типов отношений? Почему выражение причинных, целевых и прочих отношений должно молчаливо признаваться несущественным в болгарском языке?

Не случайно традиционная болгарская грамматика отказывалась классифицировать по падежам многочисленные обстоятельственные значения, выражаемые сочетаниями существительного с предлогом. Подобная классификация, возможная лишь с позиций языкового строя других славянских языков, привела бы к невероятной путанице и субъективизму, тем более, что круг значений формально выраженных падежей болгарского

¹ Л. Андрейчин, Н. Костов, Е. Николов. Българска граматика. София, 1947, стр. 78.

языка не совпадает полностью со значениями этих падежей в других славянских языках. Следовательно, определив значение этих падежей в болгарском языке, исследователь был бы поставлен перед необходимостью все прочие значения, которые данными падежами в болгарском языке не выражаются, распределить между оставшимися падежами — творительным и местным, что, весьма вероятно, вошло бы в противоречие с системой данных падежей в других славянских языках.

Таким образом, если последовательно применять принцип классификации падежных отношений имени в болгарском языке, исходя из их соответствия значению славянских падежей, это должно привести к созданию классификации, в значительной мере искусственной и произвольной, которая вряд ли может способствовать раскрытию живых синтаксических связей имени в болгарском языке и пониманию его грамматической структуры.

Единственно правильным, научным подходом к изучению грамматического строя любого языка является рассмотрение его с точки зрения его собственной системы, его собственных внутренних связей и закономерностей. По справедливому замечанию Л. В. Щербы, нужно «подходить к каждому из них (языков. — Е. Ч.) как к совершенно автономному явлению, а не рассматривать его сквозь призму других языков»¹.

Это требование обязывает нас изучать формы самого языка, а не способы передачи в данном языке значений тех или иных грамматических категорий, свойственных другим языкам.

Часть существительных в болгарском языке образует особые формы именительного, винительного и дательного падежей. Об этих падежах, да еще о звательной форме, мы и можем говорить как об особых формальных категориях, характеризуя падежную систему болгарского языка.

Наличие особой морфологической формы, хотя бы в части слов, позволяет пользоваться ею как эталоном при определении круга значений данного падежа. Исследовать формальную категорию — это значит «не только вскрыть данное значение на каком-нибудь одном факте, но и найти все факты языка, обнаруживающие его, как бы они ни были разнообразны»².

Применительно к болгарскому языку это значит определить способы, которыми передается данное падежное значение у тех имен, которые соответствующей падежной формы не имеют. Исследовать категорию винительного падежа — это значит изучить роль порядка слов и плеонастического употребления местоимений; исследовать категорию дательного падежа — это значит изучить соответствующие конструкции с предлогом *на* и т. п.

Руководствуясь этим принципом, мы считаем, что термин *падеж* следует оставить только для обозначения синтаксических отношений, имеющих в языке падежные формы, т. е. для именительного, винительного и дательного падежей, которые можно считать в болгарском языке формальными категориями.

А. М. Пешковский определяет формальную категорию как «ряд форм, объединенных со стороны значения и имеющих, хотя бы в части составляющих его форм, собственную звуковую характеристику»³.

На основании этого критерия мы можем выделить в болгарском языке и м е н и т е л ь н ы й падеж по его противопоставлению в и н и -

¹ Л. В. Щ е р б а. О частях речи в русском языке. Сб. «Русская речь», под ред. проф. Л. В. Щербы, ч. II. Л., 1928, стр. 5.

² А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934, стр. 44.

³ Там же, стр. 26.

т е л ь н о м у в категории местоимений-существительных и личных существительных мужского рода (*той — мене, ме; Иван — Ивана; брат — брата*). В других категориях слов формы именительного и винительного падежей совпадают и различаются лишь синтаксически. Особые формы дательного падежа имеют также только местоимения-существительные. Иногда в книжном языке встречается особая форма дательного падежа личных имен существительных мужского рода (*декану на факултет*).

Падежные формы имен существительных в современном болгарском литературном языке являются архаическими формами, особенно форма дательного падежа. Тем не менее это не может иметь существенного значения в решении вопроса о системе падежей современного болгарского языка, так как падежные формы винительного и дательного падежей представлены в местоимениях-существительных. Местоименные формы не только могут заменять в предложении имя существительное (*виждам башта си — аз го виждам*), показывая тем самым адекватность синтаксического отношения, выражаемого падежной формой и определенным аналитическим средством. Краткие падежные формы личных местоимений в болгарском языке могут употребляться, кроме того, при существительном специально для выражения падежного отношения, например: *котката я ухапа кучето; конете ги хранят с плява*. Особенно характерно это для народной речи. При этом иногда падежное отношение оказывается выражено дважды — падежной формой и аналитическим способом, например: *на Иван му се сторило, че са го излъгали*. Плеонастическое употребление местоимений показывает в данном случае полное тождество значения падежной формы и предложного оборота с предлогом *на*.

Итак, в болгарском языке мы различаем три падежа, имеющих собственные падежные формы, — именительный, винительный, дательный — и звательную форму. Выделение родительного падежа как самостоятельной грамматической категории является неправомерным, так как он не имеет своей особой формы и выражается формой дательного падежа, причем эта форма выполняет не все функции славянского родительного падежа, а лишь функцию приименного дополнения.

Определяя общие значения индоевропейских падежей, Мейе писал о родительном приименном: «Всякое дополнение к существительному ставится в родительном падеже, какова бы ни была логическая связь имен. Родительный означает здесь только, что существительное определяет другое существительное»¹. В данной функции выступает в современном болгарском языке дательный приименный, выражающий различные possessивные отношения.

Употребление одного падежа для выражения possessивных отношений и отношений собственно дательного падежа, обозначающего лицо или предмет, яляющийся адресатом действия, вполне согласуется с аналитизмом именной структуры болгарского языка. То, в каком значении употребляется дательный падеж, зависит от общего смысла предложения, от того, в какое словосочетание входит дательный падеж в данном предложении: в сочетании с глаголом он выступает в значении адресата действия (*донеси ми дрехите*), в сочетании с именем выражает отношение принадлежности (*донеси дрехите ми*). Внутреннюю связь этих значений тонко подметил Теодоров-Балан. Анализируя предложение *Убих лисица за кожух на мама*, он пишет: «словосочетание *на мама*, состоящее из предлога *на* и имени *мама*, по его связи по смыслу со сказуемым *убих* будет

¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 347.

косвенное дополнение, а по его связи с обстоятельством *за коужух* будет определением имени *коужух*, т. е. *коужух на мама — мамин коужух*¹. Таким образом, выражение адресата действия и possessивного отношения одним падежом дает возможность одновременно показать отношение предмета (лица) и к действию, и к предмету, владельцем которого он становится в результате совершения данного действия: «коужух, данный или предназначенный для мамы, становится коужухом мамы, ее принадлежностью, маминим коужухом»².

Такова внутренняя, логическая связь этих двух отношений, выражаемых одним падежом.

Говоря о выражении значений дательного падежа, мы включаем в систему этого падежа конструкцию с предлогом *на* в значении адресата действия и приименного дополнения. Значение и функции данных предложных сочетаний полностью совпадают с синтаксическими функциями форм дательного падежа личных местоимений. Это проявляется, как мы видели, в следующем:

1) имя существительное с предлогом *на* в значении адресата действия может быть заменено местоимением в форме дательного падежа;

2) имя существительное с предлогом *на* и краткая форма дательного падежа местоимения могут быть употреблены вместе при обозначении адресата действия и в безличных оборотах;

3) оборот с предлогом *на* и форма дательного падежа местоимения одинаково изменяют свое значение в зависимости от употребления их при глаголе или при имени: в словосочетании с глаголом они выступают в значении адресата действия, в сочетании с именем выражают отношение принадлежности.

Таким образом, тождественность падежного значения формы дательного падежа и конструкции с предлогом *на* доказывается не только языковым путем, сознанием идентичности этих значений, но рядом объективных показателей.

Теодоров-Балан выдвинул в своей грамматике положение о том, что предлоги болгарского языка *на* и *от* в оборотах, выражающих отношение родительного и дательного падежей, являются формальными предлогами (*обликов предлог*). Это положение можно считать справедливым только в отношении предлога *на*.

Критикуя И. И. Мещанинова за то, что он механически применил положение о грамматикализации предлогов к фактам английского языка, О. С. Ахманова обращает внимание на тот факт, что даже наиболее отвлеченные предлоги английского языка, такие, как *to* и *of*, сохраняют свою семантику³. Она ссылается при этом на работы Татарской и Раппопорт. Э. Г. Раппопорт, исследуя вопрос о выражении определений с помощью послелога *s* (являющегося падежной формой) и предлогом *of*, пришла к выводу, что «являясь оформителем определения, предлог *of* имеет не чисто грамматическую функцию, но и сохраняет в какой-то степени значение *т*, или, другими словами, предлог несколько меняет отношения, выражаемые послелогом *s*, привнося в них свое лексическое значение»⁴. А именно предлог *of* создает значение отделимости (отчуждаемого обладания), в то время как оборотом с послелогом *s* выражается «понятие предмета вместе с его признаком принадлежности»⁵.

¹ Теодоров-Балан. Нова българска граматика, стр. 43.

² Там же.

³ О. С. Ахманова. К вопросу о словосочетании в современном английском языке. «Известия АН СССР». Отд. лит-ры и языка, вып. 6, 1950, стр. 476.

⁴ Э. Г. Раппопорт. Послелог *s* и предлог *of*. «Иностраный язык», № 1, 1951.

⁵ Там же.

Если с этой точки зрения рассмотреть приименные конструкции с предлогом *на* и конструкции с формой дательного притяжательного в болгарском языке, мы увидим, что имеем дело с иным соотношением. Эти конструкции не являются синонимичными, а дополняют друг друга, так как сфера их употребления не совпадает. То отношение, которое в одних словах (местоимениях) передается при помощи падежной формы, в других (именах существительных) может быть выражено только аналитической конструкцией с предлогом *на*. Значение этих оборотов абсолютно тождественно.

Предлог *на* в словосочетаниях, выражающих значение дательного падежа, мы с полным основанием можем считать грамматикализованным предлогом, выступающим в роли чисто формального показателя определенного падежа. Иначе обстоит дело с предлогом *от* в приименных конструкциях, параллельных притяжательным конструкциям с предлогом *на*: *кожа от лисица, кожа на лисица*.

Теодоров-Балан считает предлог *от* в данных конструкциях также грамматикализованным формальным предлогом, выражающим значение родительного падежа. С этим вряд ли можно согласиться, так как предлог *от* в данных конструкциях литературного болгарского языка не утрачивает своего значения отдаления. Это отмечает и сам автор. Различие между притяжательными конструкциями *кожа на лисица* (кожа лисицы), *кожа от лисица* создается отделительным значением предлога *от*. Следовательно, вопрос о формальном характере болгарского предлога *от* в притяжательных конструкциях должен рассматриваться так же, как вопрос об английском предлоге *of*. Значение данной конструкции не исчерпывается чисто грамматическим значением притяжения, но выражает помимо этого еще определенное указание на характер этого притяжения, именно принадлежность по происхождению — в этом и сказывается лексическое значение предлога *от*.

Таким образом, среди предложных сочетаний должны быть выделены сочетания с предлогом *на* в значении адресата действия и приименного дополнения, как конструкции, выражающие падежные отношения, тогда как о других предлогах мы это говорить не можем.

При изучении именной системы болгарского языка, естественно, возникает вопрос — существуют ли различия в характере синтаксических отношений, выражаемых падежами, с одной стороны, и предложными сочетаниями — с другой.

В науке существует деление падежей на грамматические и конкретные. «Некоторые падежи, как именительный, дательный, имеют одно только грамматическое значение, другие, как местный, отложительный, творительный, наоборот, имеют конкретное значение; иные, наконец, имеют и грамматическое и конкретное значение: винительный падеж есть падеж прямого дополнения и в то же время падеж направительный; родительный есть падеж именного дополнения и имеет разделительное значение»¹.

Таким образом, грамматическими являются падежи, выражающие субъектно-объектные отношения: именительный падеж — как падеж подлежащего, винительный — как падеж прямого дополнения, дательный — как падеж косвенного дополнения, наконец, родительный — как падеж приименного дополнения, выражающий отношение признака к его носителю.

¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 433.

Если мы обратимся теперь к болгарскому языку, то увидим, что именно эти отношения и выражаются в нем системой падежей: именительного, винительного и дательного (приглагольного и приименного).

Что же касается локальных и других обстоятельственных значений, выражаемых в славянских языках винительным, дательным и родительным падежами (обычно в их предложном употреблении), а также так называемыми конкретными падежами — местным и творительным, — они выражаются в болгарском языке преимущественно аналитическими средствами, среди которых ведущая роль принадлежит предлогам.

Итак, в системе выражения синтаксических отношений существительного можно выделить две группы синтаксических отношений:

1) Собственно падежные отношения, выражаемые системой падежей. Из предложных сочетаний в эту группу входят сочетания с предлогом *на* в значении дательного адресата и приименного дополнения.

2) Синтаксические отношения, которые нельзя назвать падежными, так как они не имеют в болгарском языке падежного выражения. По своему значению это отношения, которые выражаются в других славянских языках так называемыми конкретными падежами в их предложном и беспредложном употреблении. Это главным образом обстоятельственные отношения, передаваемые в болгарском языке при помощи сочетаний предлога с общей падежной формой.

Таким образом, падежи и предлоги в болгарском языке образуют своего рода автономные системы. Звенком, объединяющим эти две системы, являются предложные конструкции, в которых предлог утратил свое реальное значение и превратился в простой показатель данного падежного отношения. В такой роли в болгарском языке выступает предлог *на* в конструкциях, имеющих значение дательного падежа (приглагольного и приименного). Эти конструкции должны быть включены в систему дательного падежа.

Несмотря на исключительно важную роль предлогов, при помощи которых выражается значительный круг синтаксических отношений существительного в болгарском языке, вопросы предложного употребления имен изучены в болгарской грамматике совершенно недостаточно. Почти отсутствуют специальные исследования о предлогах, за исключением упоминавшейся книги Пеева-Плачкова и небольших статей, касающихся, главным образом ошибок в употреблении отдельных предложных конструкций¹.

В грамматиках XIX в. вопросу о значении предлогов и словосочетаний с предлогами уделялось очень мало внимания. Обычно давался лишь перечень предлогов и описание их морфологической структуры. Попытку определить значение предложных словосочетаний находим в курсе синтаксиса Илиева². Он группирует предлоги по принципу выражения ими различных обстоятельственных значений: места, времени, причины, цели и т. д. Однако эта классификация является слишком общей, и, главное, в ней отсутствует определение условий, в которых данный предлог или предлоги выступают в том или ином значении.

В современных курсах научных грамматик П. Калканджиева, Н. Костова, Л. Андрейчина находим попытки определения значений предлогов. По существу, здесь представлен более или менее подробный перечень

¹ См. например, статьи: Л. М и л е т и ч. Синтактични неправилности в книжовния ни език («Училищен преглед», кн. 6, 1904, стр. 521—545); его же. Един. важен недостаток в нашия книжовен стил («Български преглед», ч. I, кн. 2, 1894, стр. 91—112); Д. Ц в я т к о в. Синтактична употреба на предлозите *из* и *низ* в новобългарския език («Училищен преглед», 1903, стр. 78), и нек. др.

² Синтаксис на българския език, съставил А. Т. И л и е в. Пловдив, 1888.

значений различных предложных сочетаний без определения условий проявления каждого значения. В этом отношении современные грамматисты делают даже известный шаг назад по сравнению с написанной в конце XIX в. работой И. Пеева-Плачкова, хотя она и изобилует серьезными недостатками.

Пеев-Плачков справедливо отмечает, что грамматисты часто отождествляют значение предлога со значением слов, предшествующих или следующих за предлогом, и что само значение предлога варьируется в зависимости от значения слов, между которыми данный предлог устанавливает отношение. Он обращает внимание и на то, что общий смысл предложения в ряде случаев может зависеть от того, между какими его членами предлог устанавливает отношение. Первым членом отношения может быть либо сам глагол, либо существительное, зависящее от глагола, — этот член Пеев-Плачков обозначает термином *п р е д ы д у щ е е*. Вторую часть отношения, которая всегда представлена именем существительным с предлогом, он называет *п о с л е д у ю щ е е*.

Такой подход к анализу предложных сочетаний дает возможность автору сделать ряд тонких и верных наблюдений. Однако в целом работа страдает схематизмом.

Ставя цель определить наиболее общее и примитивное значение каждого предлога и взаимные отношения этих общих значений всех предлогов, автор делает попытку проследить, как варьируется значение предлога в зависимости от значения каждого из членов словосочетания.

Описывая значения предлога *на*, он рассматривает, как зависит значение этого предлога от значения самого глагола (когда он не является предыдущим), от значения предыдущего (когда предыдущее является глаголом), от значения последующего. Однако он не учитывает взаимодействия всех этих членов; рассматривая зависимость от предыдущего, он отвлекается от значения последующего и т. п. Так, например, он пишет: «Далее идея *на* варьируется в зависимости от предыдущего, когда предыдущее есть сам глагол; выходит, что действие, высказанное глаголом, достигает поверхности последующего, другими словами, последующее есть предмет, на который падает до известной степени действие, отдаленный объект глагола»¹.

В эту рубрику попадают у Плачкова совершенно разнородные примеры, такие, например, как *свири на цигулка*, *уча се на музика* и *Рачо на Пена думаше*, *обещах се на Стояна*. Это происходит потому, что того критерия, который применяет автор, недостаточно для определения общего значения словосочетания.

К изучению предлогов возможен двойной подход: с точки зрения словаря и с точки зрения грамматики.

Изучение предлогов в грамматике ставит в центр внимания не предлог сам по себе, а предложное сочетание, образуемое с помощью данного предлога, синтаксические связи существительных, выражаемые предложными сочетаниями. Грамматиста будет в первую очередь интересовать общий смысл словосочетания, а не собственное значение предлога.

Если с точки зрения собственного значения предлога Пеев-Плачков считал возможным отнести к одной рубрике такие случаи, как *свири на цигулка* и *обещах се на Стояна*, то с точки зрения грамматиста сочетания эти никак не могут быть отнесены к одной группе, так как выражают совершенно различные синтаксические отношения.

¹ И. Пеев-Плачков. Идеологическа класификация на българските предлози. Пловдив, 1890, стр. 34.

Изучая систему синтаксических отношений имени, мы сознательно ставим в центр внимания нашего исследования не значение предлогов, а значение и функции сочетаний существительных с предлогами.

Перед нами стоит задача установить, какие типы отношений передаются в болгарском языке при помощи сочетаний существительных с предлогами, и определить условия проявления каждого из этих значений.

В системе предложного употребления имен болгарского языка предлог выступает главным выразителем синтаксических отношений. Однако он не выражает это отношение самостоятельно, вне зависимости от других факторов. Задача исследователя заключается в том, чтобы определять эти факторы и степень влияния каждого из них на значение предложного сочетания. Так, например, предлоги выступают в своем конкретном значении выражения пространственных отношений в словосочетаниях, в которые входит глагол, обозначающий действие, требующее пространственной характеристики, и существительное, передающее пространственное понятие. При этом сочетание предлога с существительным будет обозначать место, куда направляется действие, — при глаголах целенаправленного движения, и место совершения действия — при глаголах, не имеющих такого значения.

Аналитизм именной системы болгарского языка определяет особую важную роль словосочетания в системе выражения синтаксических отношений. Поэтому вопросы изучения словосочетаний, являющихся «минимальным смысловым и грамматическим объединением слов в составе предложения»¹, и выяснение роли данных сочетаний в составе предложения являются центральными вопросами нашей темы.

В. П. Сухотин в статье «Проблема словосочетания в современном русском языке», раскрывая природу словосочетания, пишет следующее: «Значение или функции словосочетания невозможно определить без учета вещественного значения всех его компонентов. Эти значения не являются суммой арифметического сложения лексических значимостей, они представляют собой сложное расчлененное наименование одного явления (раздвоение единого): предмет и его признак, процесс и его уточняющие показатели, признак и его носители, явление и его причина и т. п. «Всякое слово уже обобщает», — писал В. И. Ленин. Любое слово вне контекста, вне синтаксического окружения, хотя и не является «искусственным препаратом», как утверждал А. А. Потемня, все же характеризуется наибольшей степенью абстрактности. Словосочетание является первой ступенью по пути конкретизации слова в минимальном контексте»². Отсюда следует, что в каждом словосочетании имеется стержневое, или доминирующее слово, которое выражает основное понятие, конкретизирующееся в словосочетании. Таким доминирующим словом может быть глагол, имя существительное, числительное или местоимение, реже — прилагательное и наречие. В зависимости от характера доминирующего слова словосочетания могут быть глагольные, именные, адъективные и адвербиальные.

Требование учета вещественного значения всех компонентов словосочетания и определяющего значения семантики доминирующего слова особенно важно при изучении словосочетаний аналитического типа, в которых синтаксические отношения выражаются описательным путем, а не морфологической формой.

¹ В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке. Вопросы синтаксиса современного русского языка. Учпедгиз, 1950, стр. 151.

² Там же, стр. 152.

Далее, словосочетание нельзя изучать вне контекста предложения, так как свою семантическую определенность и относительно законченный смысл словосочетание получает только в контексте предложения.

Значение предложного сочетания может зависеть не только от контекста словосочетания, но также от общего смысла и структуры предложения. Так, например, при глаголах целенаправленного движения сочетание предлога *на* с существительным, обозначающим действие, может определять направление действия, выступая в роли обстоятельства места, например: *след обед излизала на хорото* (Караславов); *и откъде да знаем аз, дали наистина е ходил на преглед* (Караславов). Или могут обозначать цель действия, выступая в роли обстоятельств цели, например: *бае Стоян отиде при коларите на разговор* (Елин-Пелин) и *Юрталана взе да си прави сметка, в кой град го изпрати и на какво по-горно учение* (Караславов). Решающую роль в определении оттенка значения данного предложного сочетания играет наличие или отсутствие в предложениях других слов, определяющих направление. Если такие слова имеются (*отиде при коларите, в кой град изпрати*), то рассматриваемые нами сочетания будут обозначать цель действия.

Таким образом, изучая значение и синтаксические функции предложных сочетаний, мы должны учитывать их зависимость от следующих условий:

- 1) от грамматической природы доминирующего слова, т. е. слова, значение которого определяется, поясняется, дополняется данным предложным сочетанием;
- 2) от лексического значения всех членов данного словосочетания;
- 3) от общего контекста и состава предложения, в которое входит данное словосочетание.

Только такой подход к изучению синтаксических функций предложных сочетаний может обеспечить решение стоящих перед нами задач.

Исходя из сформулированного товарищем Сталиным понимания задач «грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения»¹, мы считаем, что наше исследование должно подвести к определению правил предложного употребления имен в современном болгарском литературном языке. В работе должны быть определены случаи, где употребление того или иного предлога является единственно возможным, и случаи, где допустимы варианты, синонимические обороты с разными предлогами; должны быть определены различия в оттенках значения синонимических оборотов и нормы употребления синонимических конструкций в различных стилях речи.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

ЗАСЕДАНИЕ ВТОРОЕ

(13 мая 1952 г., утро)

Председательствует проф. С. Б. Бернштейн

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ

И. С. Кузнецов

(Институт языкознания АН СССР)

Я прослушал с большим интересом доклад С. Б. Бернштейна и ознакомился с проспектом болгарской грамматики.

Общие принципы работы, изложенные в докладе, вполне правильны и обстоятельно теоретически обоснованы.

То же я должен сказать и о втором докладе, с основными положениями которого я согласен.

Мы имеем дело здесь не с полной научной грамматикой современного болгарского языка, а с отдельными проблемами, рассмотрение которых имеет большое значение.

Меня очень порадовало, что вопрос о чередованиях, который обычно в грамматиках рассматривают в разделе фонетики, С. Б. Бернштейн относит к вопросам морфологии. Даже среди русских грамматистов по этому поводу нет еще полной договоренности.

Мне кажется, что основной вопрос, на котором нужно остановиться в теоретическом плане и которому был посвящен второй доклад, — это вопрос о падежах и падежных отношениях. Я не берусь говорить о том, как этот вопрос в полном объеме нужно решать для болгарского языка. Вопрос этот очень сложен, но мне кажется, что каково бы ни было решение применительно к конкретным вопросам болгарского языка, сама формулировка «падежные отношения», данная в «Проспекте», не является вполне удачной.

Дело в том, что морфология — это совокупность правил изменения слов. Определение товарищем Сталиным морфологии кладет конец тем грамматическим «исследованиям», которые характерны были для периода господства марровских воззрений в языкознании и которые исходили из понятийных категорий. Трактовка, какая имеется в «Проспекте», хотя сама по себе не говорит о приверженности авторов к понятийным категориям, все же напоминает о них. Нужно сказать, что такая трактовка падежей находит отражение в некоторых статьях, появившихся после работы И. В. Сталина, и притом в статьях, затрагивающих вопросы болгарских падежей.

Я имею в виду статью Н. С. Поспелова, в которой он, опираясь на теории некоторых болгарских грамматистов, говорит о том, что болгарский язык, развиваясь к аналитическому строю, сохранил падежи, т. е. сохранил те категории, которые были в эпоху древнего болгарского языка, только стал выражать их предлогами. Это, по-моему, крайне ошибочная точка зрения. Подобную точку зрения применительно к романским языкам отстаивает академик В. Ф. Шишмарев. Он считает, что в романских языках сохраняются падежные отношения и что нельзя говорить о категории падежа только как о категории морфологической. Я хочу подчеркнуть, что категория падежа должна рассматриваться только как морфологическая категория; если мы встанем на другой путь, то придем к выводу, что одни и те же категории имеются во всех языках. Мы должны каждую категорию строго определить — какой она является, и категорию падежа определить как категорию морфологическую.

Другой вопрос — это вопрос о том, можно ли говорить о наличии падежей в именах существительных только на том основании, что сохранились падежные формы в местоимениях?

Конечно, наличие падежных форм у какой-то группы слов в пределах одной категории существительного, бесспорно, явилось бы достаточным основанием для различения соответствующих падежей в системе всей категории.

Например, в русском языке далеко не у всех существительных разные падежи выражаются разными падежными формами; так, у слов II склонения совпадают формы дательного и предложного падежей; слова III склонения имеют только три различные падежные формы; наконец, некоторые слова (пальто, кенгуру и т. п.) вообще не изменяют своей падежной формы, — и однако все эти существительные употребляются в русском языке не в пяти, не в трех, не в одном, а в шести падежах.

Существенно то, что соответствующая совокупность отношений может выражаться данным морфологическим средством хотя бы в какой-то категории слов. Что же касается возможности соотнесения всей категории имен существительных, в целом утратившей падежные формы, с категорией местоимений-существительных, эти формы сохраняющих, то это является вопросом спорным и требует еще глубокого и всестороннего изучения.

Третье мое замечание относится к категории состояния. Я, в отличие от авторов «Проспекта», считаю спорным вопрос о наличии этой категории в русском языке и думаю, что ее нет и в современном болгарском языке.

Некоторые возражения, впрочем очень немногочисленные, вызывают у меня отдельные термины, употребленные в «Проспекте». Так, неудачны, по-моему, выражения «формальный строй болгарского языка» и «грамматическая техника», напоминающие ту старую терминологию, от которой мы теперь отказались. Не совсем точно выражает суть дела допускаемое авторами «Проспекта» противопоставление фонологической стороны звука его физиологической природе, так как в действительности фонологическая сторона противопоставляется вообще стороне фонетической.

Э. А. Якубинская

(Институт славяноведения АН СССР, Ленинградский государственный университет)

Созыв совещания по грамматическим проблемам отдельных славянских языков является очень своевременным. Нам необходимо объединить все усилия славистов, направленные к решению проблем грамматического

строю славянских языков. Очень существенно и важно изучить и дать научное описание особенностей грамматического строя отдельных славянских языков, выявить живые развивающиеся факты и показать явления, еще присутствующие в языках, но постепенно отмирающие.

Исследования в области отдельных славянских языков помогут и другой большой теме, поставленной Институтом славяноведения, — сравнительно-историческому изучению славянских языков, а это, в свою очередь, позволит лучше раскрыть историю отдельных явлений в каждом славянском языке. Сопоставление фактов одного славянского языка с фактами других славянских языков поможет выявить общие внутренние закономерности, раскрываемые в истории всех славянских языков, и уточнить специфику внутренних закономерностей развития каждого национального языка.

Всем известно положение, выдвинутое товарищем Сталиным, о том, что истина рождается только в борьбе мнений. Обмен мнений будет очень полезен как для работающих над проблемами грамматики болгарского языка, так и для всех тех, кто работает в области других славянских языков.

«Проспект» совершенно правильно определяет основные проблемы болгарской грамматики, вокруг которых могут быть сгруппированы и другие вопросы.

Нужно всячески приветствовать то положение, что «все разделы будут строиться на основе обстоятельного исследования литературных текстов». Без этого нельзя уловить живые закономерности языка и выделить факты отмирающие, существующие как пережитки предшествующих эпох. Никакая проблема современной грамматики не может быть разрешена без широкого привлечения языкового материала; иначе это будет топтание на месте, повторение споров по каким-то уже известным грамматическим примерам.

Хронологические рамки исследуемого литературного материала определены правильно: нужно начинать подбор материала по произведениям Ботева, потому что иначе не будет исторической перспективы, а без этой перспективы нельзя уловить тенденций развития языка.

Нужно приветствовать также и то, что предпринимается экспериментальное исследование фонетического строя болгарского языка. У нас нет ни одного научного описания фонетической системы болгарского языка. А без этого не только нельзя написать научной грамматики, но нельзя написать и практического руководства. Мои замечания по отдельным проблемам «Проспекта» сводятся к следующему:

1. В разделе «Общий план книги» дано введение, в котором отмечены пункты: краткие сведения о славянских языках, краткий критический обзор трудов по болгарской грамматике. Необходимо дать эти разделы более развернуто: дать историю вопроса, т. е. критический обзор основных концепций по вопросам болгарской грамматики и, в связи с этим, изложение теоретических позиций, из которых исходят авторы книги «Основные вопросы болгарской грамматики».

2. По разделу «Графика и орфография» проф. С. Б. Бернштейн в своем выступлении внес некоторые разъяснения, указав, в частности, что очерк по орфографии будет написан на основании дополнительных фонологических исследований. Однако осталось неясным, в каком смысле в «Проспекте» говорится о критике графики. Графика — это шрифт; по формулировке, данной в «Проспекте», можно подумать, что речь идет об изменении шрифта.

3. По разделу «Общий характер грамматического строя болгарского языка». Соглашаясь с тем, что чередование звуков — факт морфологи-

ческий, все же думаю, что такая постановка вопроса не снимает необходимости дать описание явления чередования и в фонетической системе языка.

Не могу согласиться с положением «Перспекта» о том, что существующие в болгарском языке чередования выступают как «внутренняя флексия». Славянские языки — языки внешнефлективные. Внутренняя флексия никогда не служит единственным фактором для выражения формы; она только сопутствует формоизменению, но никогда не является решающей при различении грамматических форм, и поэтому говорить о наличии внутренней флексии в болгарском языке, по-моему, не стоит. Не могу согласиться и с тем, что в болгарском языке наличествует агглютинация. Под агглютинацией мы понимаем особый способ формообразования, и обычный агглютинат от сочетания слов мы различаем по потере одним из компонентов агглютината самостоятельного ударения и полному подчинению нормам другого компонента. Этого нет в формах сравнительной степени, которые авторами «Перспекта» понимаются как формы агглютинативные.

Не могу согласиться с трактовкой служебных частиц как своего рода «подвижных аффиксов». Признание подвижных аффиксов снимает всякий критерий «формы слова» в болгарском языке.

4. По разделу «Основные вопросы морфологии и синтаксиса частей речи». Вопрос о категории состояния представляет большой интерес, но для точного ограничения этой категории необходимо найти ее закономерные морфологические признаки.

5. Постановка вопроса о неопределенном члене и его употреблении вполне закономерна. Понятно, что употребление его нельзя смешивать с употреблением числительного и эти обе функции слова «един» должны четко различаться. Мне кажется, что наличие развитого определенного члена естественно вызывает необходимость и в неопределенном члене. Но вопрос этот нуждается в исследовании. К решению его нужно привлечь большой материал как из области литературного языка, так и диалектный, чтобы определить, насколько это явление живо в языке и не внесено ли оно в литературный язык писателями, получившими образование в Европе и владеющими западноевропейскими языками. Здесь критерием могли бы быть только показания диалектов и нормы употребления в современном национальном языке.

6. В «Перспекте» говорится о виде как о словообразовательной и словоизменяющей категории. Но вид — также и семантическая категория, что в «Перспекте» подчеркнуто недостаточно четко.

7. Классификация времен болгарского глагола на «определенные» и «неопределенные» не оправдана семантикой отдельных временных форм.

Правильно выделена форма пересказывания как особое наклонение. Это особый способ выражения отношения говорящего к тому, что он рассказывает. Я совершенно согласна с тем, что так называемое «косвенное, пересказывательное» наклонение нужно отличать от косвенной речи. Косвенная речь может быть выражена и формами изъявительного наклонения и формами пересказывательного наклонения — в зависимости от отношения говорящего к тому, что высказывается в косвенной речи.

8. Раздел акцентологии болгарского языка целесообразно поставить отдельно, как это и сделано в «Перспекте». Наличие этой главы не снимает необходимости трактовать вопросы ударения при рассмотрении отдельных морфологических категорий.

9. Больше всего затруднений в практике преподавания вызывают вопросы синтаксиса. Хотелось бы, чтобы в «Основных проблемах болгарской грамматики» были рассмотрены не только вопросы простого предложения,

но были бы затронуты и вопросы сложного предложения. Только при изучении сложного предложения могут быть по-настоящему выяснены соотношения времен и их употребление.

10. Я согласна со многими положениями интересного доклада Е. В. Чешко «Об изучении функций предлогов в болгарском языке». В частности, я совершенно согласна с тезисом о том, что «единственно правильным научным подходом к изучению грамматического строя любого языка является рассмотрение его с точки зрения его собственной системы, его собственных связей и закономерностей», что «нужно изучать формы самого языка, а не способы передачи в данном языке значений тех или иных категорий, свойственных другим языкам».

Совершенно согласна также с тезисом о том, что здесь нужно исследовать не значение отдельных предлогов, а сочетание предлогов с именем, а может быть, иногда и с глаголом. Иногда только глагольное управление полностью выявляет значение данной конструкции. Совершенно правильно, что семантика самого предлога должна изучаться в другом месте — там, где говорится о служебных словах, а здесь, естественно, предлог не может быть центром изучения.

По вопросу о падежах в болгарском языке и о том, можно ли включать конструкцию с предлогом *на* в систему дательного падежа, присоединяюсь к тем ученым, которые считают, что о падеже можно говорить только там, где есть соответствующая падежная форма.

Вопрос о том, можно ли считать сочетание предлога *на* с существительным такой падежной формой, т. е. предполагать, что тенденция развития болгарского языка идет в том направлении, что образуется новый способ формообразования — префиксальный, не берусь решить. Если же сочетание существительного с предлогом *на* нельзя считать формой данного слова, то имеем ли мы право говорить о дательном падеже для существительного в болгарском языке? Я думаю, что мы такого права не имеем. Архаические формы дательного падежа, которые все же в языке встречаются, погоды не делают — это пережиток старых эпох.

Я согласна с И. С. Кузнецовым, что если мы при определении падежных значений предложных конструкций будем исходить из норм другого языка, то пойдем очень далеко.

Если в болгарском языке нет формы склонения, то мы не имеем права говорить о падежах. Мы можем говорить о какой-то единой форме, которую можно назвать именительным падежом, поскольку он выступает в значении именительного падежа. В предложных конструкциях мы должны говорить о форме именительного падежа с предлогом.

Небольшое замечание по поводу языка «Проспекта». Нужно стремиться к тому, чтобы по возможности избегать излишней сложности в терминологии, не употреблять новых терминов там, где укрепились и существуют с определенным значением старые термины, не употреблять старых терминов в новых значениях, чтобы не вносить этим путаницу в их понимание.

И. С. Поспелов

(Институт языкознания АН СССР)

«Проспект» производит очень благоприятное впечатление, потому что в нем действительно поставлены существенные проблемы грамматики вообще.

Общий план работы, однако, я считаю не вполне удачным, во-первых, потому, что в нем неполно представлен синтаксис, а во-вторых, потому,

что вопрос о словообразовании отодвинут на задний план. А это вопрос очень существенный, и правильное разрешение его, может быть, сняло бы ряд недоумений, которые возникают из самого изложения «Проспекта».

В «Проспекте» поставлены очень важные узловые вопросы, но поставлены они разрозненно, по пунктам, ничем не объединены, и это — один из существенных недостатков «Проспекта».

Прежде всего о самой постановке вопроса о грамматических категориях. При анализе грамматических категорий не учитывается сталинское положение о том, что абстрагирование есть процесс, что могут быть разные ступени абстрагирования. В силу этого некоторые вопросы получают прямолинейное разрешение, например, вопрос о соотношении между совершенным и несовершенным видом. В «Проспекте» несовершенный вид рассматривается как имеющий грамматическое выражение и противопоставляется совершенному виду, который грамматического выражения не имеет.

Дальше, вопрос о том, как смотреть на наличие падежей в болгарском языке. Этот вопрос подан в «Проспекте» так, что не ясно, на какой основе он должен быть разрешен. Признаются только формы словоизменения; они противопоставляются непосредственно только формам словообразования. Возможность того, что академик В. В. Виноградов называет формообразованием, не учитывается. А между тем, если последовательно провести принцип формообразования, то будет найдена настоящая основа для того, чтобы признать наличие выражения падежных отношений в болгарском языке при помощи предлогов.

И здесь, мне кажется, ошибка «Проспекта» состоит именно в том, что слишком прямолинейно противопоставляются словообразовательные и словоизменительные категории, тогда как есть и формообразующие категории. В этом смысле категория падежа в болгарском языке, очевидно, не является словоизменительной категорией; в болгарском языке падежные отношения выражаются при помощи предлогов. Некоторые полагают, что говорить о падежных отношениях в болгарском языке — значит исходить из грамматической системы не самого болгарского языка, где падежные формы почти полностью утрачены, а других языков, например, русского или старославянского, где эти формы являются основным средством выражения синтаксических отношений имени. Я думаю, что категория падежа вообще распространяется на все славянские языки.

И другие проблемы не имеют твердого методологического обоснования, например, вопрос о пересказывательных формах времени. Как их рассматривать — как время или как наклонение? В «Проспекте» они названы формами наклонения на том основании, что они выражают модальность.

В «Проспекте» сказано, что «если под наклонением мы будем понимать глагольную категорию, отражающую модальность данного предложения, т. е., в частности, оценку говорящим достоверности высказывания, то мы не сможем включить рассматриваемые формы в изъявительное наклонение — наклонение полной реальности». Однако если рассматривать эти формы в чисто морфологическом аспекте, нетрудно убедиться, что они не могут претендовать на значение наклонения. Дальше говорится, что между перфектом и этими формами пересказывания нет вообще резкого разграничения. Это свидетельствует о том, что вряд ли можно установить между формами перфекта резкое категориальное различие. Я думаю, что следовало бы выдвинуть в «Проспекте» проблему «пересказывания», раскрыть ее, а не предполагать с самого начала, что эти формы выражают наклонение.

В «Проспекте» синтаксис иногда поглощает морфологию. Выдвигается понятие синтаксиса частей речи, которое, с моей точки зрения,

является спорным, потому что оно неправомерно сужает значение морфологии как грамматического учения о слове. Общий вопрос о соотношении морфологии и синтаксиса в болгарском языке в «Перспективе» не поставлен. Между тем, из его постановки вытекало бы правильное разрешение и других частных вопросов.

В «Перспективе» правильно отмечается значение категории определенности и неопределенности для имен. Но в то же время значение категории определенности и неопределенности для глаголов оказывается в какой-то мере смазанным. Я полагаю, что правы те, кто думает, что это разграничение проходит и по глаголу. Мне кажется, что правильным выяснением существа этих категорий в отношении к глаголу можно было бы разрешить и спорные вопросы о временах и наклонениях.

Затем я возражаю против объединения категорий вида и времени. В «Перспективе» есть тенденция сблизить эти две категории, как будто в перспективе они образуют одну категорию. Это неправомерно. Они должны быть более резко разграничены.

Вопрос о соотношении между глагольными и именными категориями в болгарском языке не поставлен. Это затрудняет решение некоторых частных вопросов. Я согласен с теми, которые утверждают, что в болгарском языке могут обнаруживаться элементы категории состояния. Однако нужно определить ее морфологические показатели. Например, такое словосочетание, как *тежко ми е*, является выражением категории состояния, аналогично тому, что имеется в русском языке. В этой форме вы находите выражение грамматического значения времени в качестве присущего данной категории постоянно ей сопутствующего морфологического показателя. Вместе с тем справедливо замечание, что категория состояния в болгарском языке раскрыта более бледно, чем в русском. Я думаю, что это объясняется тем обстоятельством, на которое указывал еще Милетич, когда он подчеркивал, что болгарские глаголы оказываются совмещающими в себе значение действия и состояния.

Я полагаю, что пересказывательные формы оказываются ответвлениями от перфекта и развитие всех этих форм связано с тем, что болгарский глагол выражает не только действие и состояние как действие, но и действие и состояние, и именно поэтому эти формы получают такое большое развитие. Если это так, то понятно, что категория состояния в качестве особой части речи не может так полно раскрыться в болгарском языке, как она раскрылась в русском.

С другой стороны, именно тем, что болгарский глагол обладает значением не только действия, но и состояния, объясняется и смещение падежных форм, меньшая их активизация в болгарском языке. Я думаю, что разрешение вопроса о падежных отношениях в болгарском языке коренным образом связано с выяснением самого существа и значения глагола и оказывается центральной проблемой для грамматического строя болгарского языка.

Т. П. Рыбальченко

(Ленинградский государственный университет)

Авторы «Перспективы» книги «Основные проблемы болгарской грамматики» ставят перед собой задачу — дать исследование наиболее сложных вопросов современного болгарского литературного языка.

Этот труд может быть ценным вкладом в лингвистические науки вообще и славистику — в особенности.

Проблема имени и предлога, а также проблема глагола, несомненно, относятся к основным и нелегким проблемам, но ими не исчерпываются «Основные проблемы болгарской грамматики».

Было бы желательно, чтобы и проблемы словообразования и синтаксиса болгарского языка также были подвергнуты исследованию.

Желательно, чтобы язык книги был по возможности ясным и не пестрил необычными терминами, как «плеонастический», «агентивный суффикс» и др.

Не совсем понятно, почему вопрос об энклитических местоимениях и вопрос о полных местоименных формах рассматриваются в двух разных разделах (в разделе В и Г, стр. 13). Это одна проблема, и делить ее не следует.

В докладе Е. В. Чешко рассматриваются взаимоотношения предлогов и падежей — проблема дискуссионная, одна из наиболее острых и трудных проблем не только теоретической, но и практической (нормативной) грамматики; одна из первых проблем, с которыми мы сталкиваемся в процессе работы.

Мы говорим: падеж — это форма имени (слова), выражающая его отношение к другим словам в предложении. Предлог — служебное слово или частица, выражающая опять-таки отношение между словами в предложении — отношение предмета к предмету, предмета к действию, предмета к качеству.

Подобное общее определение предлога можно дать во многих языках, но оно может быть соответственно изменено, в зависимости от особенностей языка, от особенностей его грамматического строя. В языке флективном, как русский, предлог служит для уточнения падежных отношений, так как здесь падежные отношения выражаются при помощи флексий (при помощи формы имени). Сочетания с предлогом расширяют и обогащают разнообразными смысловыми оттенками, круг значений падежной формы.

«Кроме того, двойственность употребления (беспредложного и предложного) падежной формы ведет к богатой синонимике падежных конструкций»¹.

Но такое определение недостаточно для болгарского языка и других языков с аналитическим строем, где аналитические способы выражения отношений между словами в предложении преобладают над флективными.

Функции предлогов в болгарском языке шире и сложнее, чем в русском. В нем груз грамматического выражения переходит с падежа на предлог. В языках с аналитическим строем предлог из средства уточнения или обогащения падежных отношений становится часто единственным средством их выражения.

Вопрос об утрате падежей, т. е. утрате флективности в болгарском языке, еще предстоит разрешить славянскому языкознанию.

Как известно, старославянский язык имел многочисленные падежные флексии, тогда как современный болгарский язык их уже не имеет в прежней форме. Современный болгарский язык сохранил лишь часть флективных падежных форм, главным образом у местоимений (личных, возвратных, указательных и неопределенных).

Членные формы также имеют отношение к выражению падежных значений. Вопрос об использовании членных форм как средств выражения того, что мы называем падежными отношениями, — это специальная проблема.

¹ В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 167.

Рассматривать эту проблему сейчас я не берусь: она требует серьезного исследования.

О дательном падеже можно говорить как о переходном звене между системой падежей и системой предложных конструкций (аналитической формой падежа). В дательном падеже предлог *на* утратил свое значение предлога и превратился в показатель данного падежа. Он грамматикализовался и выполняет функцию падежного префикса.

Можно ли сказать, что флективная форма дательного падежа личного местоимения и аналитическая форма с предлогом *на* не одно и то же?

Если вместо местоимения взять имя, которое оно замещало (например, вместо *нему, на него* взять *на Иван, на кон, на коня си*), то этими формами будет выражено одно и то же значение, одно и то же отношение между словами в предложении, т. е. это тот же дательный падеж.

Анализируя болгарский язык с точки зрения наличия или отсутствия падежей, можно говорить о наличии в нем трех падежей — именительного, винительного, дательного — и о звательной форме.

Однако необходимо сказать, что в литературном языке чаще употребляются формы имени с предлогом, чем флективные формы.

Е. И. Безикович

(Ленинградский государственный университет)

В разделе «Общие принципы» проспекта «Основные вопросы болгарской грамматики» авторы ставят себе задачу дать исследование наиболее сложных вопросов современного болгарского литературного языка в свете учения товарища Сталина о грамматическом строе языка. При этом наибольшее внимание уделяется вопросам, во-первых, общим, во-вторых, не получившим достаточно полного и четкого освещения в трудах по болгарской грамматике или вовсе игнорировавшимся традиционной грамматикой болгарского языка. К таким в первую очередь нужно отнести вопросы синтаксиса.

«Синтаксис» проф. Андрейчина составлен слишком поверхностно, часто дает неправильное толкование отдельным вопросам.

Не надо упускать из виду, что исследование спорных и неисследованных вопросов болгарской грамматики должно иметь непосредственное практическое значение, в первую очередь для славянских отделений университетов. Практически славянские отделения университетов больше всего нуждаются в освещении синтаксиса.

Однако мы видим, что вопросы синтаксиса даже не вошли в «Проспект». Книгу, в ее настоящем виде, надо было озаглавить иначе, а именно: «Некоторые проблемы морфологии». Следует, правда, отметить, что вопросы морфологии, подлежащие научному исследованию, весьма актуальны.

Плохо разработан в болгарской грамматике вопрос о функциях предлогов. Что же касается морфологии глагола, то по этому вопросу в болгарской литературе довольно много материалов, и это дает нам возможность высказать некоторые соображения.

Авторы «Проспекта» отнесли к числу неопределенных времен перфект и плюсквамперфект.

Стремление называть одни времена определенными, другие неопределенными наблюдается и у других славистов-лингвистов, занимающихся

изучением болгарского языка. Так, у академика Младенова, который насчитывает целых семь прошедших времен, уже имеются эти термины.

С точки зрения Младенова, глагольные формы *четял съм* (прошедшее неопределенное несовершенное), *чел съм бил* (давнопрошедшее несовершенное) и *четял съм бил* (давнопрошедшее совершенное) можно отнести к числу неопределенных времен. По сути дела, всё это — формы, обозначающие пересказывание. Их вообще не следует ставить в один ряд с формами, обозначающими прямое высказывание, ибо они выражают или полную нейтральность говорящего лица к тому, что оно передает, или же выражают сомнения или полную неуверенность в том, что передается.

Этой особенности перечисленных здесь глагольных форм Младенов не подчеркивает, поэтому надо думать, что он не относит их к числу пересказывательных форм.

Относительно перфекта (*чел съм*) Младенов пишет, что это время употребляется при ненаблюдаемых действиях, т. е. указывает, что оно используется как форма пересказывания. Эту же мысль высказывает и проф. С. Б. Бернштейн в своем «Учебнике болгарского языка». На стр. 122 мы читаем: «Кроме прошедших простых определенных времен, болгарский язык имеет также и сложные прошедшие неопределенные времена, которые образуются посредством сочетания вспомогательного глагола *съм* и причастия на -л от спрягаемого глагола». Дальше, поясняя значение перфекта и его употребление, проф. Бернштейн пишет:

«Перфект является самой распространенной сложной глагольной формой. Употребляется он в том случае, когда говорящий сообщает о совершившемся факте, свидетелем которого он сам не был, о факте, который часто не имеет к нему непосредственного отношения».

Таким образом, проф. Бернштейн, точно так же, как и академик Младенов, считает его формой пересказывания.

Сюда же, к числу неопределенных времен, проф. Бернштейн относит и форму «прошедшего неопределенного несовершенного вида» (*четял съм*). Эту форму проф. Бернштейн называет «второй имперфект» (почему? — неизвестно).

Определяя значение этой формы, проф. Бернштейн пишет: «Второй имперфект указывает, что говорящий не является свидетелем действия», — т. е. что эта форма употребляется при пересказывании.

Рассмотрим, как трактует эти времена академик Теодоров-Балан в своей книге «Нова българска граматика».

Определяя значение перфекта, Теодоров-Балан пишет, что перфект обозначает прошедшее действие исчерпанное, т. е. законченное в прошлом, причем добавляет, что совершение действия не ставится ни в какую зависимость от другого действия, и этим своим значением перфект сближается с простым прошедшим (под термином «простое прошедшее» Теодоров-Балан имеет в виду аорист).

Таким образом, устанавливая связь перфекта с аористом, определенность которого не вызывает никаких сомнений ни у кого из славистов-лингвистов, Теодоров-Балан тем самым ставит и перфект в положение определенного времени.

Кроме того, Теодоров-Балан прибавляет, что перфект можно было бы назвать «настоящим прошедшим». Этим он подчеркивает, что перфект обозначает действие законченное — исчерпанное в прошлом, но имеющее результат в настоящем. Примеры полностью подтверждают положения, высказанные Теодоровым-Баланом.

Проф. Андрейчин ни в коем случае не считает перфект временем неопределенным, хотя и сохраняет название «прошедшее неопределенное»; наоборот —

он несколько раз возвращается к примерам и старается доказать, что этой формой выражается вполне определенное время. Правда, такая же точно форма (*чел съм*) употребляется при пересказывании аориста, но условия ее употребления в этом случае совершенно иные.

Что касается плюсквамперфекта, то нужно сказать, что только Младеновым да вот в «Перспекте» он отнесен к числу неопределенных времен. Проф. Бернштейн считает плюсквамперфект определенным временем.

Теодоров-Балан называет его «отдавно минало» (давнопрошедшее). Объясняя его значение, Теодоров-Балан устанавливает, что эта форма обозначает действие, закончившееся раньше другого действия, и что другие действия, с ним связанные, выражены формой или аориста или имперфекта.

Далее, уточняя значение прошедшего предварительного, Теодоров-Балан отмечает, что полная завершенность действия в прошлом одинаково выражается как глаголами совершенного вида, так и глаголами несовершенного вида.

У проф. Андрейчина нет никаких высказываний относительно определенности или неопределенности плюсквамперфекта, потому что у него и сомнений нет в том, что плюсквамперфект должен быть отнесен к числу определенных времен.

В итоге можно сказать, что только один Младенов собрал все прошедшие времена, прямые и пересказывательные, не отграничил одни от других, не объяснил значения и условий употребления всех форм, поэтому внес в рассмотрение вопроса неясность, нечеткость. Никто из болгарских лингвистов не повторил его ошибки.

Условия употребления перфекта и плюсквамперфекта, их значения во всех конкретных случаях убеждают нас, что как перфект, так и плюсквамперфект выражают определенные конкретные времена. Относить их к каким-то неопределенным временам нет никакого основания.

Замечу здесь, что и французские грамматиканы отказались от деления глагольных времен на определенные и неопределенные. В грамматиках последнего времени такого деления нет.

В. В. Бородин

(Московский государственный университет)

Я хочу сказать несколько слов по поводу высказанного здесь мнения об определенности и неопределенности в глаголе, так как этот вопрос вызвал больше всего возражений при обсуждении «Перспекты».

Мне хотелось пояснить, что именно надо понимать под определенностью и неопределенностью в глаголе.

Существования грамматической категории определенности и неопределенности в болгарском языке никто как будто не отрицает. Это очень продуктивная категория, которая охватывает всю грамматическую систему языка и находит свое выражение не только в именах, но и в других частях речи.

Категория определенности и неопределенности в именах выражается в так называемом определенном и неопределенном артикле. В «Перспекте» говорится еще о выражении этой категории в определенном множественном числе.

Что это такое? Этимологически это остаток старого двойственного числа. Но сама категория двойственного числа утрачена, а флексия двойственного числа по-новому переосмысливается в разных славянских языках. Так, мы знаем, что в русском языке эта флексия двойственного числа пере-

осмысливается как родительный падеж единственного числа. В болгарском языке, при отсутствии родительного падежа, эта флексия переосмысливается как определенное множественное число в противоположность общему, или неопределенному, множественному числу.

Категория определенности и неопределенности находит свое выражение также в наречиях, например в наречиях времени. Так, в болгарском языке различаются наречия неопределенного общего времени (*нбищем, лете, есени* и др.) и определенного времени (*нощес, лятос, есенес* и др.).

Возможно, что эта категория выражается и в суффиксах имен существительных и прилагательных. Так, например, противопоставление отвлеченного суффикса *-ота* более конкретному суффиксу *-ина* (*доброта — добрина*) в какой-то мере выражает эту категорию.

Может быть, следует предположить, что эта категория выражается в противопоставлении суффиксов индивидуальной принадлежности прилагательного суффиксам родовой принадлежности, например: *кметов* и *кметски*.

Эта категория находит выражение и в глаголах. Первый обратил на это внимание Цонев, который излагает свою точку зрения в статье «Об определенных и неопределенных формах в болгарском языке». Но статья его довольно путаная: он смешивает лексику с грамматикой, он видит неопределенность по времени там, где ее по существу нет. Поэтому, со своей точки зрения, Андрейчин, который выступает против этой теории, — прав. Но у того же Андрейчина мы находим такое определение аориста и имперфекта: «Аорист и имперфект, — говорит он, — означают действие, наблюдаемое говорящим лицом; естественно, что перфект, который представляет действие как факт, а не как процесс, в отличие от аориста выражает действие ненаблюдаемое».

Нами в университете было проведено специальное исследование значения формы перфекта, и это исследование показало, что основным значением перфекта является значение ненаблюдаемого действия, действия, которого говорящий не видел, а только предполагает, что оно произошло, или уверен в нем и делает о нем свое заключение.

Я приведу самый простой пример перфекта. Предположим, я нахожусь на вокзале и вижу подходящий поезд. Я скажу: *вакът дойде*. Если же я не вижу поезда, но знаю, что в это время поезд должен придти, то, глядя на часы, я могу сказать: *вакът е дошел*.

Этим значением ненаблюдаемого действия объясняется употребление формы перфекта в предложениях вопросительных, отрицательных во всех тех случаях, когда делается только предположение о действии, когда речь идет о ненаблюдаемом действии, безразлично — совершается это действие или нет. Мне могут возразить: а как объяснить тогда существование перфекта в первом лице? — Надо сказать, что в первом лице перфект употребляется крайне редко и только в тех случаях, когда хотят подчеркнуть не самое действие, а лишь результат его; такое значение перфекта вовсе не противоречит его основному значению ненаблюдаемого действия.

Таким образом, категория определенности и неопределенности в глаголе выражается в противопоставлении наблюдаемого действия ненаблюдаемому.

К определенным временам относятся, как известно, формы аориста и имперфекта, к неопределенным — все сложные времена, образованные с причастием на *-л*, т. е. в первую очередь сюда относятся перфект и плюсквамперфект.

Все болгарские лингвисты считают плюсквамперфект определенным временем, очевидно, лишь потому, что они рассматривают его в числе так

называемых относительных времен, обозначающих действие, предшествующее другому действию. Однако это мнение, основанное на отождествлении славянского плюсквамперфекта с плюсквамперфектом западноевропейских языков, ошибочно.

Анализ значений плюсквамперфекта на материале современного болгарского, старославянского и других славянских языков, проведенный нами в университете, показал, что форма славянского плюсквамперфекта — это вовсе не относительное время.

Относительное время всегда ставится в связи с каким-то другим временем, тогда как славянский плюсквамперфект ни в какой связи с другими временами не находится. Он может выражать предшествование, но это не его основное значение. Предшествование во всех славянских языках может прекрасно выражаться аористом.

Плюсквамперфект может выражать также действие последующее. Это отмечает и Маретич в своей грамматике сербского языка.

Основное значение плюсквамперфекта то же, что и перфекта, — это значение ненаблюдаемого действия.

Студенты в дипломных работах проводили одновременно анализ значения перфекта и плюсквамперфекта. Анализ показал, что значение перфекта и плюсквамперфекта полностью совпадает. Они различаются только в одном — форма перфекта относится к настоящему моменту, а плюсквамперфект такой связи с настоящим моментом никогда не имеет.

Таким образом, аорист и имперфект — это формы, выражающие действие наблюдаемое, а перфект и плюсквамперфект — формы, выражающие действие ненаблюдаемое. Этими формами в болгарском языке выражается категория определенности-неопределенности в глаголе.

Тов. Безикович высказала мнение, что никакого неопределенного времени не существует, а существуют только времена пересказывания. Каково наше отношение к этим временам пересказывания, или пересказывательному наклонению, — как они называются в нашем «Проспекте»? С моей точки зрения, время пересказывания — это только частный случай неопределенных времен, это, так сказать, дальнейшее развитие категории неопределенности. Перфект и плюсквамперфект обозначают действие, ненаблюдаемое вообще, а пересказываемые времена — действие, не только не наблюдаемое, но такое, о котором мы узнаем с чужих слов.

Относительно пересказывательного наклонения здесь высказывалось сомнение Н. С. Поспеловым: наклонение ли это? Я тоже не совсем согласна с тем, что эти формы можно считать наклонением. По-моему, этот вопрос можно решить только после того, как будут полностью исследованы формы пересказывания.

Почему важно исследовать категорию определенности и неопределенности в болгарском глаголе? Потому что именно наличием этой категории объясняется тот факт, что в болгарском языке сохраняются простые прошедшие времена, утраченные почти во всех других славянских языках. Аорист и имперфект именно потому сохраняются в языке, что эти формы времени взяли на себя новую функцию — выражать определенность, наблюдаемое действие. В других славянских языках они не имели такой функции и потому были утрачены. Перфект именно потому не стал общим временем, что в болгарском языке он имеет особую функцию: он выражает категорию неопределенности (ненаблюдаемое действие). Существует даже такое мнение, что утрата падежной флексии в именах стоит в связи с развитием категории определенности и неопределенности. Насколько это верно, не берусь судить.

Вообще можно сказать, что эта новая продуктивная категория определенности и неопределенности в болгарском языке трансформировала всю грамматическую систему болгарского языка, так как грамматическая система языка — это единое и неразрывное целое, и на нее нельзя смотреть как на ряд разрозненных фактов.

Не знаю, насколько это удастся нам сделать, но задача наша состоит в том, чтобы проследить эту категорию определенности и неопределенности не только в глаголах, но и в других частях речи.

По поводу доклада Е. В. Чешко. Я соглашаюсь с ней, что в болгарском языке существует три падежа как грамматическая категория, потому что падеж — категория грамматическая, а не только морфологическая. Ошибаются те, кто утверждает, что в болгарском языке существует только один падеж. Ошибка эта вызывается разделением имен и местоимений. Грамматическая система — единая система. Если есть выражение падежей в местоимениях, естественно, оно должно быть и в именах. Если в местоимениях падежи утратятся, тогда и предлог *на*, вероятно, не будет выражать дательного падежа.

Т. М. Бузуева

(Институт международных отношений)

Нам, практикам-преподавателям болгарского языка, особенно отрадно сознавать, что Институт славяноведения Академии Наук начинает заниматься вопросом, который имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Это будет большой помощью в нашей практической работе, в деле преподавания болгарского языка в институтах и в других наших советских учреждениях.

Нам, практикам, конечно, хотелось бы, чтобы были решены не только основные общие вопросы; нам нужен систематический курс болгарской грамматики.

Мои конкретные предложения сводятся к тому, чтобы в будущей работе наиболее полно и систематично были освещены все те вопросы, которые были поставлены в «Перспекте». В нашей практической работе наибольшие затруднения вызывают вопросы глагольных видов, акцентологии, употребления артикля и другие.

Хотелось бы, чтобы в этом труде был также разработан не менее интересный вопрос — вопрос условного наклонения, который слабо разработан в болгарской грамматической литературе.

Н. И. Толстой

(Московский государственный университет)

Я хочу сказать несколько слов о падежах.

Е. В. Чешко поставила проблему остро, не сглаживая никаких углов, и это ее большая заслуга. Очень интересна та часть доклада, где изложена история вопроса в болгарской лингвистике. Е. В. Чешко совершенно справедливо свела различные точки зрения, в основном, к двум направлениям. Эти два направления связаны с различным пониманием категории падежа. Например, в полумарристском учебнике Шор и Чемоданова говорится, что категория падежа «получает в языках двойное грамматиче-

ское выражение в зависимости от строя языка. В языках синтетических, например, в русском, значение падежа выражается с помощью падежных суффиксов, в языках аналитических — с помощью служебных слов (артикля, предлогов), поставленных перед именем или после него» (Шор и Чемоданов. Введение в языкознание, стр. 118). Другими словами: существование категории падежа возможно независимо от формы.

Противоположная точка зрения сформулирована, например, В. В. Виноградовым: «Падеж — это форма имени, выражающая его отношение к другим словам речи» («Русский язык», 1947, стр. 167).

Если принять за основу первую точку зрения, то правы те, кто считает, что в болгарском языке семь падежей. Я могу сказать даже, что не семь, а гораздо больше. Еще Соболевский задавал себе вопрос: «сколько падежей?» Однако нужно было установить границу, и, учитывая историю языка, останавливаются на семи падежах. В этом, бесспорно, есть своя последовательность.

Если же принять за основу вторую точку зрения, что падеж — форма имени (а мы не должны игнорировать формальную сторону языка, особенно после выступления товарища Сталина), то надо сказать, что в болгарском языке падежи существуют только в местоимении и редко, в реликтовой форме и непосредственно, у отдельных существительных, главным образом — в именах собственных (*Ивану, но на Иван*). А во всех остальных случаях нет падежа, а есть просто предложные конструкции. И в таком предложении, как *Рачо на Пена думаше, на Пена* — всего лишь предложная конструкция. Однако в докладе утверждается, что здесь выражены «падежные отношения», что здесь «система дательного падежа».

Мне кажется, что положение, изложенное в докладе Е. В. Чешко, — в какой-то мере компромиссное между двумя упомянутыми полярными точками зрения.

Нам говорят: нет родительного, нет творительного, есть лишь именительный, винительный, дательный. Почему? На это мы получаем ответ: потому что местоимение *той* имеет формы *него, нему*. С этим спорить невозможно. Но возьмите любое другое слово, например — *книга, молив* и т. п. *Молив е на маса, виждам молив, на молив*. Нам говорят, что в первом случае — именительный, во втором — винительный, в третьем — дательный падеж.

Где же родительный, где творительный? Мы получаем ответ, что «выделение родительного падежа как самостоятельной грамматической категории является неправомерным, так как он не имеет своей особой формы и выражается формой дательного падежа». Но ведь и свое *молив* в приведенных примерах не имеет особой формы (предлог *на* — не форма) — здесь *casus generalis* (основная форма).

Обратим внимание на один из основных аргументов докладчика. Сочетание *на молив* соответствует падежной форме местоимения *нему* — поэтому и можно «говорить о наличии трех падежей... с помощью которых передается данное падежное значение в словах, не имеющих соответствующей падежной формы» (тезисы доклада, п. 4).

Посмотрим на эти сочетания с другой стороны. Возьмем несколько примеров: *пиша с молив, движен от съображения* — здесь, по мнению докладчика, предложные сочетания, а *говоря на Иван* — «падеж».

Я с этим не могу согласиться. Мне представляется, что здесь в обоих случаях — предложные сочетания.

«Падеж и предложные конструкции, — говорится в тезисах доклада, — образуют в болгарском языке своего рода автономные системы».

Но если взять синонимические конструкции *страните на народната демократи́я* и *страните с народната демократи́я* (оба примера взяты из газеты «Работническо дело»), то в первом случае опять получится «падеж», а во втором — предложная конструкция, а по-моему, это совершенно одинаковые синтаксические конструкции, здесь нет падежных форм (есть только *casus generalis*) и нет никаких различных автономных систем.

Я согласен взять другой пример из доклада, который, как будто, говорит не в мою пользу, где синтаксическая синонимика не так ярко выражена: *кожа от лисица* и *кожа на лисица*.

Верно, что в первом случае есть указание на характер притяжания, верно, что это не вполне синонимические конструкции. Но как раз в связи с этими конструкциями в защиту теории, изложенной в докладе, выдвигается другой аргумент — значение предлога и его грамматикализация. Утверждают, что предлог *на* здесь стертый, пустой (*обликов предлог*), потому-де и закономерно говорить о дательном падеже, а предлог *от* — не стертый. Было даже высказано мнение, что только предлог *на* подвергся грамматикализации. Я с этим не могу согласиться. Я уже приводил примеры *пища с молив*, *движен от съображения*. Разве здесь предлоги *с* и *от* не грамматикализировались? Можно привести еще не мало примеров, хотя бы: *член от правителство* и *човек на социалистическо общество*. Я чувствую в данном случае синтетическую синонимику и считаю, что предлог *от* здесь грамматикализировался. Наконец, возьмите случаи замены предлога *на* предлогом *от*, встречающиеся, кажется, у Цонева и др. Выходит, что тут мы имеем переход из одной автономной системы в другую.

Грамматикализуется не только *на*, но и другие предлоги. И путь грамматикализации можно проследить для любого предлога на фактах современного языка — от конкретного, локативного и темпорального значения к абстрактным. Для *от* основное — исходность, но она уже стерта в предложении *движен от съображения*; для *на* — значение локативное (нахождение на месте и направление) и адресат — отсюда и появление его в функции бывшего дательного падежа; для *с* — коммитативность, но где же она в примере *пища с молив*?

И если мне скажут, что в конструкциях *движен от съображения*, *член от правителство* чувствуется основное, исходное значение предлога *от* — исходность, то я скажу, что в предложении *давам на баща* ощущается направленность, адресат.

Нет и нельзя найти четкой грани между конструкциями, где предлог грамматикализовался и где он еще семантически насыщен, — хотя бы и для предлога *на*. Каждый, кто занимался предлогами, знает, что есть ряд переходных, трудно уловимых ступеней. Именно отсутствие этой четкой границы между грамматикализованным и неграмматикализованным предлогом не позволяет нам признать, что в конкретном, локальном, например, значении предлога *на* — нет падежного выражения, а в абстрактном значении — есть падежное выражение. По-моему, существует одна предложная конструкция с более или менее грамматикализованным предлогом.

Проблема грамматикализации — это, пожалуй, одна из центральных проблем, связанных с предлогами. К сожалению, в докладе она поставлена недостаточно четко.

В докладе Е. В. Чешко приводится пример: *на Иван му се сторило*. По мнению докладчика, эта конструкция указывает на тождество форм *на Иван* и *му* и дает право утверждать, что *му* — дательный падеж и *на Иван* — дательный падеж. Но я смотрю на ту же конструкцию по-иному. Мне кажется, что отсутствие падежной формы существительного —

недостаток средств для выражения определенных падежных отношений — и заставило здесь изыскивать новые средства этого выражения; поэтому в данном случае употребляется форма дательного падежа местоимения — *му*. Вот именно она, эта форма, и придает сочетанию *на Иван* значение дательного падежа. Плеоназм тесно связан с аналитизмом в области существительного и вызван им. Нам предложили пример с предлогом *на* — конструкция, выражающая отношение дательного падежа.

Возьмем другой пример — с «винительным падежом». Вот предложение: *Иван го бие Петър* — здесь только из формы винительного падежа личного местоимения ясно, что *Иван* — объект, а *Петър* — субъект. Не будь местоимения *го*, было бы непонятно, кто кого бьет. Сама по себе форма *Иван* — общая форма, не выражающая отношения винительного падежа.

Наконец, мне могут возразить, что попадаются иногда в литературе формы винительного и дательного падежа *Ивана*, *Ивану*. О них уже была речь; они исчезают, и на их месте употребляются формы *Иван*, *на Иван*.

Вот если бы было наоборот, и конструкции *на Иван* заменялись формами *Ивану*, т. е. аналитизм бы исчезал, я бы, пожалуй, согласился конструкцию *на Иван* называть условно дательным падежом. Но этого не происходит. Мне кажется, что можно говорить о падежах лишь тогда, когда наличествуют формы этих падежей. Поэтому именительный, винительный и дательный имен существительных, о которых говорится в докладе, являются по сути дела: первый — *casus generalis* — субъект, второй — *casus generalis* — объект и третий — опять-таки *casus generalis* — в конструкции с предлогом *на*.

А. М. Френкель

(Одесский государственный университет)

Многое из того, что я хотела сказать, уже высказал тов. Толстой. Попытка разрешить основные вопросы болгарской грамматики очень своевременна и не только отвечает назревшим потребностям преподавателей болгарского языка, но послужит также к разрешению ряда научных вопросов в области славянского языкознания.

Я считаю, что вопросы, затронутые в «Проспекте», являются основными, кардинальными вопросами.

Конечно, важно и интересно было бы получить разрешение всех вопросов болгарской грамматики, но то, что авторы взялись за разрешение основных, кардинальных вопросов, которые наиболее противоречивы, по которым встречаются различные толкования, — это необходимо приветствовать, и я склонна защищать в этом отношении авторов «Проспекта».

В изучении имени существительного болгарского языка основным вопросом является вопрос падежных отношений. Здесь резко выкристаллизовались две точки зрения.

Я полностью согласна с Э. А. Якубинской в том, что о наличии падежных отношений можно говорить только тогда, когда есть в языке падежная система. Я считаю, что рассматривать падежную систему болгарского языка нужно с учетом внутренних закономерностей самого болгарского языка. Безусловно, мы учтываем, что это язык славянский, но он развивается по своим внутренним законам, и с этой точки зрения перед нами четко должен встать вопрос: имеется ли падежная система в болгарском

языке — и тогда существует выражение падежных отношений, но только в том случае мы признаем эти падежные отношения, если есть сама падежная система в языке. Если же мы признаем, что падежной системы, как таковой, нет в болгарском языке, то неправомерно будет говорить о наличии каких-то падежных отношений; нужно будет говорить не о падежных отношениях, а о синтаксическом отношении имени (как правильно говорила тов. Якубинская).

Мне думается, что падежной системы в болгарском языке нет. В имени существительном это совершенно ясно, против этого никто не будет спорить. Рудиментарные остатки падежной системы, как *Ивана, Ивану*, изредка появляющиеся в литературном языке, не дают нам права для противоположных утверждений.

Но Е. В. Чешко строит свои рассуждения, исходя прежде всего из наличия падежной системы местоимения. Мне кажется, что даже в местоимении падежная система исчезает, и вряд ли можно говорить о наличии трех падежей даже в местоимении. В местоимении есть основная форма и есть так называемый объектный, или косвенный, падеж. Формы *нему* исчезают, это рудиментарные, остаточные формы, как и формы *Стояна, Стояну*. Свою спорную теорию о наличии в языке падежной системы Е. В. Чешко строит на кратких энклитических формах местоимения. Но наличие падежных форм местоимения (кратких энклитических форм) не дает нам никакого права переносить эти формы на имя существительное, так как имя существительное и местоимение — это различные части речи. А переносить категории одной части речи на другую вообще не следовало бы.

Признавая наличие падежной системы, докладчик вместе с тем не во всех предложных конструкциях признает выражение падежных отношений, а говорит о синтаксических отношениях. Выделяются только конструкции с предлогом *на*, которые рассматриваются как падеж. С моей точки зрения, это такая же предложная конструкция, такое же выражение синтаксических отношений имени, как и во всех других конструкциях с предлогами. В этом я присоединяюсь к мнению тов. Толстого.

Мне кажется, что падежной системы в болгарском языке нет, а если нет падежной системы, то вряд ли нужно говорить и о падежных отношениях.

Е. И. Демина

(Институт славяноведения АН СССР)

Многие из выступавших выражали сомнение, нужно ли ставить вопрос о наличии категории неопределенности в болгарском языке, в частности — вопрос о неопределенных и определенных временах.

Приводилась точка зрения Теодорова-Балана, что перфект и имперфект нужно отнести в одну группу с аористом. Анализ языковых фактов показывает, что в действительности между аористом, с одной стороны, и перфектом и плюсквамперфектом — с другой, в системе болгарского языка существует довольно четкое противопоставление (мне следует сразу оговориться, что перфект и плюсквамперфект в болгарском языке имеют почти одинаковое значение).

Это противопоставление можно провести по следующим пунктам:

1. Формы аориста и перфекта противопоставляются как изображение

активного действия (аорист) и состояния, наступившего в результате совершившегося действия (перфект). Это значение перфекта в болгарском языке напоминает значение перфекта в других западноевропейских языках, т. е. он служит для выражения результата действия. Перфект не может употребляться при повествовании о последовательно происходящих событиях, где обычной формой является аорист.

2. Формы аориста, т. е. действия, наблюдаемого лично, противопоставляются формам перфекта, т. е. действию не наблюдаемому лично, но предполагаемому самим говорящим. Возьмем пример из сказки. Путник подходит к водоему и видит идущую от него, проложенную в траве тропинку. На основании этого он делает вывод, что сюда кто-то приходил: *Оно като пътичка, дождял е некоі* (села Грамада, Кулско). В подобных случаях в болгарских говорах и литературном языке всегда употребляется форма перфекта, которая означает, что данный факт только предполагается говорящим, а не высказывается с полной достоверностью. Очевидно, что в данном случае говорящий привносит свою субъективную оценку в изложение фактов.

3. Такое употребление перфекта является переходным звеном к следующему, третьему этапу развития неопределенных времен — противопоставлению действия, наблюдаемого лично (аорист), действию, которое говорящий передает с чужих слов (времена пересказывания). Я считаю, что времена пересказывания — это один из этапов противопоставления определенных и неопределенных времен.

Теперь я хочу ответить на вопрос тов. Поспелова — почему нужно выделять пересказывательные времена, если это один из дальнейших этапов развития неопределенных времен? Есть ли морфологические способы выражения пересказывательных времен?

Некоторые болгарские грамматисты считают морфологическим способом выражения пересказывания отсутствие глагола-связки в 3-м л. ед. и мн. ч. в форме перфекта. Исследование материалов болгарского литературного языка и говоров показывает, что, действительно, в 3-м л. в формах пересказывания глагол-связка, как правило, отсутствует. Но связка может иногда отсутствовать и в перфекте и, наоборот, сохраняться при пересказывании. Следовательно, отсутствие связки нельзя признать морфологическим выражением пересказывания.

Но в болгарском языке существует особое время, так называемое «минало отдавна» (*бил съм чел*), которое употребляется только в пересказывательной речи и служит для пересказывания неопределенных времен: перфекта и плюсквамперфекта. Наличие его и дает возможность говорить о существовании морфологических средств пересказывания и о необходимости выделить пересказывательные времена в особую группу.

Следует отметить, кроме того, что и сама форма перфекта, которая употребляется при пересказывании, получает совершенно другое значение. Если в прямой речи в литературном языке в формах перфекта невозможно повествовать о развивающихся, сменяющих друг друга событиях, то в пересказывательной речи для изображения развивающихся событий (например, в историческом повествовании, в сказках) употребляется именно форма перфекта без связки. И здесь форма перфекта имеет другое значение — она заменяет в данном случае аорист или имперфект.

В заключение хочу сказать, что вопрос об определенных и неопределенных временах в болгарском языке представляется мне заслуживающим серьезного внимания.

Е. А. Захаревич

(Ленинградский государственный университет)

Я присоединяюсь к мнению преподавателей-практиков, которые сказали, что «Основные вопросы болгарской грамматики» будут иметь для преподавателей болгарского языка не только большое теоретическое, но и большое практическое значение.

Такие вопросы, как употребление членных форм, выражение падежных отношений в болгарском языке и многие другие, вызывают в практической работе большие затруднения, и часто именно потому, что нет достаточного количества исследований по этим темам.

Я хочу остановиться на одном из интересующих меня теоретических вопросов, который затрагивался в выступлениях по докладу Е. В. Чешко. По многим пунктам я расхожусь с ранее выступавшими товарищами.

Я начну с возражения тов. Френкель, которая считает, что для того, чтобы говорить о падежных отношениях в болгарском языке, нужно иметь падежную систему. Важно само наличие падежной системы и не важно, чем будут выражаться падежные отношения. В данном вопросе я согласна больше с автором обсуждаемого доклада. Мне кажется, что о падежных отношениях в болгарском языке говорить в какой-то мере можно. Это очень убедительно показала в своем докладе Е. В. Чешко. Но в одном я с ней не согласна — в том, что предлог *на* выражает падежное отношение.

Отношения между словами в предложении — это синтаксические отношения. Эти синтаксические отношения могут быть выражены падежной формой, они могут быть выражены и предлогами и порядком слов и т. д. Падежными отношениями называются такие синтаксические отношения, которые выражаются падежной формой. Значит, там, где есть падежные формы, мы можем говорить о падежных отношениях.

Я хотела несколько слов сказать по разделу «Глагол», так как для меня остается не совсем ясной теория определенных и неопределенных времен в болгарском языке. Я не могу присоединиться к точке зрения В. В. Бородич. Хотя система этих времен в болгарском языке отличается от подобных времен в других славянских языках, все-таки придавать им значение времени, выражающего категорию только неопределенности, было бы неправильно.

Во многих случаях мы должны будем признать, что в болгарском языке перфект и плюсквамперфект имеют значение времен, выражающих соотносительность, последовательность действий.

ЗАСЕДАНИЕ ТРЕТЬЕ

(13 мая, 1952 г., вечер)

Председательствует проф. С. Б. Бернштейн

Ю. С. Маслов

(Институт славяноведения АН СССР, Ленинградский государственный университет)

Товарищи, я хочу остановиться на нескольких вопросах, которые были затронуты в прениях и вызвали некоторые упреки в адрес «Проспекта».

Начну с вопроса о неопределенном члене. В отзыве Института болгарского языка говорится, что вопрос поставлен правильно, но те примеры, которые приводятся в «Проспекте», за исключением, может быть, последнего, не могут рассматриваться как примеры неопределенного члена.

Мне, наоборот, кажется, что только первый наш пример мог бы вызывать сомнение (*едни мустачки* может быть употреблено в смысле «одни только усы»). Во избежание недоразумений его можно будет снять. В остальных же примерах вряд ли можно усмотреть в словах *един, едни* значение числительного или неопределенного местоимения. В данном случае именно — значение неопределенного члена, причем количество подобных примеров легко может быть умножено. Ср., например, у Вазова: *Един волк никога не се решава да умре от глад пред едно стадо овци* («Под игото», III, II). Здесь, конечно, говорится не о том, что один волк не решится умереть с голоду, а два или десять волков умрут с голода, имея перед собой стадо овец. Очевидно, что тут никакого числительного нет; это подтверждается и переводом этого примера на языки, имеющие общепризнанный неопределенный член. То же и в следующих примерах из произведений современных писателей: *Тя не влагаше нищо лошо в танца, какво е за нея един танц?* ... *Той е за нея една гимнастика, едно облекчаване от черния труд, едно връщане на сърцето назад...* *Една игра е танца за нея, чиста, зубава* (Д а с к а л о в, Гнездо); *Такива... люде... винаги си остават едни ненаситни кредитори към зората и нацията* (Г. Б е л е в, Иглата се счупи); *Тя иде от един свят, дете дребнолите играят голяма роля в живота* (Г у л я ш к и, Обещание); *Твърде богат с важни и интересни проблеми като предмет на изследване е старобългарският език, който представя един народностен по произход, а международен по функция културен език през средновековието* (Л. А н д р е й ч и н, Марксистко-ленинското учение на И. В. Сталин за езика. «Философска мисъл», 1950, № 2, стр. 80) и т. д. и т. п.

В приведенных примерах наблюдаются известные различия между отдельными случаями употребления неопределенного члена, но все эти

различия проявляются в н у т р и категории неопределенного члена, представляя собою частные варианты его употребления.

Другой вопрос — не является ли категория неопределенного члена, как считают некоторые, варваризмом (галлицизмом), результатом знакомства болгарских писателей с западноевропейскими языками и влияния на них этих западноевропейских языков? Думается, что нет. Надо сказать, что и у ранних болгарских писателей XIX в., которые вряд ли могли быть проводниками западноевропейских влияний, у таких, как Берон, Неофит Рыльский, Христати Павлович и другие, мы иногда находим употребление слова *един* — *една* — *едно* не в функции числительного или неопределенного местоимения, а именно в функции неопределенного члена.

Мне представляется ценным предложение Э. А. Якубинской посмотреть, как обстоит дело в говорах: это позволит нам убедиться, что категория неопределенного члена не привнесена в болгарский язык извне, а свойственна ему, органически присуща его грамматическому строю.

Второй вопрос, который затрагивался в прениях, но, к сожалению, мало, это вопрос о глагольном виде и времени. Какие замечания в адрес этого раздела «Проспекта» были сделаны в тех отзывах, которые мы получили из Болгарии и Чехословакии, и в выступлениях, в частности — в выступлении Н. С. Поспелова?

Нас упрекают в том, что в этом разделе «Проспекта» морфология преобладает над семантикой, что мы увлеклись морфологическими явлениями и уделили им больше внимания, чем нужно. Мне кажется, что некоторый повод к этому наш «Проспект» дает. Со стороны чисто количественной, действительно, имеется некоторое преобладание морфологии. Это объясняется тем, что вопросы морфологии стояли у нас первыми в порядке очередности нашей работы, и поэтому они нашли большее отражение в «Проспекте», чем вопросы семантики вида в отдельных временных формах. Но морфология вида не может быть недооценена нами. Надо пересмотреть «Проспект» с этой точки зрения и подробнее изложить в нем некоторые вопросы семантики и синтаксиса вида. Именно в отношении своей морфологической структуры вид болгарского глагола довольно заметно отличается от совершенного и несовершенного вида других славянских языков, и он слабо с этой точки зрения исследован.

Достаточно привести пример из отзывов на наш же «Проспект». Вот, например, кафедра славянских языков Пражского университета пишет, что «к глаголам двойственного видового значения относятся глаголы заимствованные, например: *монтирам*, *телефонирам*». Это было бы верно по отношению к другим славянским языкам. Так, в русском языке глаголы на **-ировать** имеют двойственное видовое значение. Но специфика болгарского языка заключается в том, что он кроме того сохранил довольно большое число коренных славянских, отнюдь не заимствованных глаголов с двойственной видовой семантикой. Так, во втором спряжении до 5% глаголов — это простые глаголы совершенного вида и глаголы колеблющейся видовой семантики. Другие славянские языки не дают здесь такого высокого процента. Напомню также, что в отзыве Института болгарского языка о глаголе *кажа* говорится, что он только совершенного вида. В большинстве случаев это так, но встречаются (у Вазова, у Елин-Пелина, у Кр. Григорова и других при передаче разговорной речи) отдельные примеры употребления глагола *кажа* в значении несовершенного вида. Именно из несовершенного видового значения глагола *кажа* происходит его употребление в качестве вводного слова (*Думайте му, вика и той, думайте му, каже, да повтори, да не ходи така. Млад е още, вика*. Е л и н - П е л и н, Задушница).

Все это показывает, что мы правы в своем стремлении дать подробную разработку вопросов морфологии вида, с приведением полных списков глаголов, с учетом всех встречающихся (от Каравелова до наших дней) колебаний.

Н. С. Пospelов упрекнул нас в слишком тесной увязке вида и времени. Нет сомнения, что нельзя смешивать вид и время, но нельзя и р а з р ы в а т ь их, как это иногда делают в болгарской грамматике. Мне кажется, что мы должны показать их взаимодействие, в первую очередь — в формах настоящего времени, аориста и имперфекта.

Н. С. Пospelов упрекнул нас также в том, будто в «Перспективе» только несовершенный вид «имеет грамматическое выражение», а совершенный не имеет. Это — недоразумение. В «Перспективе» речь идет только о том, что в процессе перфективации, как правило, возникает н о в ы й г л а г о л, что перфективация — процесс, в первую очередь, словообразовательный, а в процессе имперфективации возникает не новый глагол, а, по существу, форма несовершенного вида к существующему уже глаголу и что имперфективация, таким образом, — процесс, по существу, словоизменятельный. Это действительно так, и особенно — в болгарском языке, где почти нет таких приставочных глаголов совершенного вида, к которым нельзя было бы образовать формы несовершенного вида (примеры см. в «Перспективе»). Но отсюда вовсе не следует, что несовершенный вид — грамматическая категория, а совершенный вид — нет. И тот и другой вид существуют только в соотношении друг с другом; это — соотносительные грамматические категории, категории одного порядка. Однако следует различать перфективацию как процесс образования нового глагола и совершенный вид как грамматическую категорию в системе языка. В подавляющем большинстве видовых пар современного болгарского языка форма совершенного вида характеризуется «нулевой морфемой» — отсутствием суффикса имперфективации.

Надо думать, что неясные формулировки дали повод к недоразумению. Мы их еще раз пересмотрим, в частности — укажем на то, что в разных приставочных глаголах наблюдается разная степень абстракции от частного и конкретного.

Остановлюсь на проблеме, о которой здесь много говорили, — на проблеме определенности и неопределенности. Мне представляется не совсем правильной точка зрения В. В. Бородич. Мне кажется, что она слишком преувеличивает значение категорий определенности и неопределенности в болгарском языке вообще. Получается, что чуть ли не все в языке — вся жизнь, вся система языка пронизана вот такой борьбой этих двух начал — определенности и неопределенности. Мне кажется, что такая схема является несколько надуманной. Из нашей практики мы знаем, что когда языковеды становились на путь рассмотрения явлений языка через призму какого-то априорного противопоставления двух начал в языке, то это не приводило их к хорошим результатам. Пример тому — А. А. Потebня, который слишком большое значение придавал полярности глагола и имени, глагольного и именного начала в развитии языка, подгонял факты под эту умозрительную схему.

Идея, выраженная впервые в 1911 г. в ректорской речи Цонева, о том, что определяющим для развития болгарского языка является это противоположение определенных и неопределенных форм, мало что дает для понимания процесса исторического развития болгарского языка. Во всяком случае, в этой идее есть момент какой-то ненужной о б щ е й с к о б к и, которая грозит исказить наш подход к конкретным категориям, утопить

конкретные различия в несколько расплывчатом противопоставлении всякой «определенности» — всякой «неопределенности».

Но перейдем непосредственно к «неопределенным» глагольным временам, как они названы в «Перспекте», т. е. к перфекту, плюсквамперфекту и «будущему предварительному».

Тов. Демина правильно подчеркнула параллелизм между перфектом и плюсквамперфектом и хорошо показала в своем выступлении гамму оттенков, выражаемых болгарским перфектом. Однако т. Демина не убедила слушателей в том, что главный из этих оттенков — именно оттенок «неопределенности». С другой стороны, то, что «формы пересказывания» рождаются в болгарском языке из перфекта — сильный довод в пользу точки зрения В. В. Бородич. Словом, вопрос о правомерности термина «неопределенные времена» должен быть решен лишь в результате большого исследования. Пока же я предложил бы снять этот термин и говорить о сложных (составных) временах, образованных при помощи причастия на -л, не называя их ни «неопределенными», ни «относительными временами предшества».

Теперь — о грамматических средствах болгарского языка, в частности — об агглютинации и о внутренней флексии — в связи с выступлением Э. А. Якубинской и в связи с теми замечаниями, которые были сделаны в отзывах, полученных нами в письменном виде.

Сначала — об агглютинации. Это вопрос термина. Может быть, его можно заменить другим, лучшим, но я думаю, что и термин «агглютинация» здесь уместен, и постараюсь это обосновать.

О чем идет речь? О какой конкретной форме? Речь идет о префиксах степеней сравнения *по-* и *най-* и о морфеме *то*, превращающей вопросительное местоимение или наречие в относительное. Чем являются эти морфемы с точки зрения теории морфологии? Они характеризуются 1) «стандартностью», отсутствием параллельных показателей, закрепленных за отдельными морфологическими классами слов; 2) однозначностью, отсутствием совмещения в одном показателе разнородных грамматических значений; 3) тем, что присоединяются к «готовым» словам. Сочетание указанных признаков и заставляет видеть в них агглютинативные «прилепы». Префиксы *по-* и *най-* нельзя сопоставить и с видовыми приставками, которые отнюдь не обладают «стандартностью», весьма различны у разных глаголов и почти всегда вносят тот или иной лексический оттенок.

Вместе с тем вряд ли будет правильно считать *по-* и *най-* служебными словами, хотя в некоторых случаях (вроде *най го обичам*) они могут отделяться от слова, к которому относятся.

Конечно, правильно указывают нам в отзывах на необходимость подчеркнуть, что элементы агглютинации в болгарском языке не являются результатом воздействия агглютинативного языка.

Дальше насчет внутренней флексии. О внутренней флексии мы можем говорить, когда то или иное историческое чередование используется как средство выражения грамматического значения, пусть даже оно используется не само по себе, а в сочетании с другими средствами. Хотя, должен сказать, что в болгарском языке есть случаи, когда внутренняя флексия используется сама по себе. Возьмем в качестве примера такую пару глаголов: *огледам* — совершенный вид, *оглеждам* — несовершенный вид. Глаголы эти спрягаются одинаково — и тот и другой по III спряжению — и внешне отличаются друг от друга только чередованием *д* — *жд*. То же в паре *зазидам* — *зазиждам*.

В приведенных примерах внутренняя флексия является единственным средством разграничения двух форм. В большинстве же случаев внутренняя флексия сочетается с другими моментами, с другими грамматическими средствами.

Можно, мне кажется, доказать частичную продуктивность внутренней флексии в славянских языках, по крайней мере — в видовых парах. Пример, подтверждающий это, имеется в русском языке в видовой паре *заподозрить* — *заподозривать*, где чередование *о // а* выступает там, где его исторически не могло быть. Словарь Ушакова дает *заподозривать* с пометой: «Неправ. вм. заподозривать», но это не меняет дела. Тем яснее становится, что мы имеем здесь дело с формой, образованной по аналогии, и что старинное чередование *о // а*, уже давно историческое, выступает здесь как продуктивное средство морфологического выражения, т. е. как внутренняя флексия. У меня нет сейчас аналогичного болгарского примера, может быть, такого примера и вообще нет, но я думаю, что в принципе положение здесь не отличается от положения в русских видовых парах.

Последнее замечание. — Здесь горячо дебатировался вопрос о падежах и предлогах, многие критиковали решение, предлагаемое в докладе Е. В. Чешко. Ход мыслей у этих товарищей, очевидно, такой: если *на* плюс существительное признать формой падежа, то не получится ли смешения морфологии и синтаксиса?

Но почему, когда мы говорим, что глагол *съм* плюс причастие или, в русском языке, глагол *буду* плюс инфинитив есть форма времени, мы не боимся смешения морфологии и синтаксиса? Почему форма времени может быть сложной, состоящей из двух слов, а форма падежа — не может? Здесь явная непоследовательность. Во всяком случае, вопрос этот надо решать на фоне более общей проблемы, о которой никто не говорил, хотя проблема эта сформулирована в нашем «Перспекте». А именно, в «Перспекте» (стр. 20) поставлен вопрос, «в какой мере разного рода служебные частицы, хотя бы они и писались отдельно, а может быть, и служебные слова, входят в состав данного знаменательного слова, образуя его сложные (составные) формы».

В «Перспекте» отмечается, что при решении этого вопроса все «просто» лишь постольку, поскольку мы остаемся в пределах чисто «графического» понимания слова (слово — то, что, например, в печатном тексте отделяется шпацией от другого слова). Уже «фонетическое» понимание слова в ряде случаев оказывается иным (ср. трактовку конечных согласных предлогов, подчиняющихся в отношении ассимиляции законам «внутрисловной», а не «междусловной» фонетики). И далее указывается на ряд категорий, применительно к которым возникает этот вопрос, причем выдвигается принцип конкретного дифференцированного подхода к разным группам случаев. Мне кажется, что именно такой конкретный подход пыталась дать Е. В. Чешко в своем докладе, причем она опиралась на факты, существующие в самом болгарском языке, на связи, существующие внутри языка, внутри его системы, — связи между существительным и местоимением, его заменяющим, — без какой-либо «оглядки» на положение в других языках или в другие периоды истории самого болгарского языка.

Критерием является местоимение. И если здесь говорили, что дательный падеж местоимения в болгарском языке отмирает, то с этим нельзя согласиться: полная форма (*нему* и т. д.) действительно отмирает, заменяясь конструкцией с *на*, но краткая форма (*му* и т. д.) остается, в частности — и как самостоятельный член предложения, и не обнаруживает никаких признаков «одряхления». Таким образом, Е. В. Чешко опира-

лась во всех случаях на факты современного болгарского языка, т. е. опиралась на языковую форму, на форму, понимаемую несколько шире, чем это иногда делают. И это правильно, потому что, если мы будем понимать форму очень узко, мы рискуем придти к той точке зрения, которую справедливо критиковал здесь П. С. Кузнецов, к точке зрения, будто русское слово *кость* имеет только три падежа.

Е. В. Чешко

(Заключительное слово)

Вопрос о падежах и предлогах в болгарском языке, вызвавший столько споров на нашем совещании, был поставлен в моем докладе как вопрос дискуссионный, а предлагаемое нами решение — не более, как наше первоначальное рассмотрение этого вопроса, которое нуждается во всестороннем обсуждении и дальнейшем изучении. Активное обсуждение вопросов, рассматриваемых в докладе, помогло нам проверить правильность наших позиций и заострило внимание на отдельных вопросах, которые были в докладе освещены недостаточно, например, вопрос о грамматикализации предлогов. Обсуждение помогло мне разобраться в некоторых вопросах, которые до этого не были для меня достаточно ясны. Разрешите подвести итоги нашему обсуждению.

Прежде всего следует отметить, что в общем нашли единодушное признание следующие наши основные исходные положения:

1) Подход к изучению грамматических категорий данного языка с точки зрения грамматического строя самого изучаемого языка, а не с точки зрения грамматических категорий каких-то других, хотя бы и родственных языков. Этот тезис ни у кого возражений не вызвал.

2) Признание падежа морфологической категорией, собственно — признание того, что падежами болгарского языка мы можем считать лишь те падежи, которые имеют в языке морфологическую форму, выражаются формами словоизменения. Это положение тоже было поддержано большинством выступавших. Однако нам были сделаны упреки в том, что эти принципы при рассмотрении конкретных вопросов проведены недостаточно последовательно. Мне кажется, что эти упреки в значительной мере связаны с недоразумением, так как при определении системы падежей болгарского языка мы исходили исключительно из фактов болгарского языка, а не из фактов других языков, признавая в болгарском языке только те падежи, которые имеют там морфологическое выражение — именительный, винительный и дательный, потому что эти падежи имеют формальное выражение в местоимениях-существительных. Мог бы быть подвергнут дискуссии вопрос о том, можно ли на основании того факта, что в местоимениях-существительных падежи есть, рассматривать падеж как грамматическую категорию существительного вообще, включая и имя существительное, в котором падежные окончания представлены лишь частично и являются, как правило, архаизмами. Мы считаем это правильным, потому что местоимение-существительное и имя существительное в синтаксическом отношении тождественны: они выполняют одни и те же функции и могут в предложении заменять друг друга.

Если бы это положение было основательно раскритиковано, мы могли бы задуматься над правильностью нашей концепции. Однако никто из выступавших, за исключением П. С. Кузнецова, этой существенной стороны вопроса не коснулся, никто не подверг серьезной критике это положение.

П. С. Кузнецов выразил некоторое сомнение, но сказал, что это нужно обдумать.

По вопросу о категории падежа в болгарском языке были высказаны самые различные мнения. Так, тов. Френкель считает, что системы падежей в болгарском языке нет, их нет даже в местоимении. Она аргументировала свое положение тем, что формы падежей в языке исчезают и в существительных и в полных формах местоимений, а в кратких формах местоимений они тоже, может быть, исчезнут.

Мы считаем такой подход совершенно неправильным. Задача исследователя грамматики современного языка состоит в том, чтобы правильно отразить современное состояние языка, не привнося в него ни того, что было в прошлом и сейчас утрачено, ни того, что, по предположению исследователя, в нем должно измениться в будущем. Предположение, что падежи исчезнут, не может дать нам права сейчас исключить из рассмотрения категорию падежа (а вопрос о том, исчезнут ли падежи в болгарском местоимении, даже предрешать трудно; возможно, что они и не будут утрачены). Это было бы ошибкой не меньшей, чем ошибка тех исследователей, которые ищут в современном болгарском языке все падежи на основании того, что эти падежи были в древнеболгарском.

Мнение, выраженное Н. И. Толстым, что у имен существительных падежей нет и о них мы говорить не можем, не было достаточно аргументировано.

Наконец, третья точка зрения была высказана Е. А. Захаревич — падежи есть и в местоимениях и в существительных; мы не можем игнорировать те, хотя и архаические формы дательного и особенно винительного падежей, которые имеются в имени существительном. Я считаю, что Е. А. Захаревич совершенно права, и одной из задач исследования, предусмотренной в нашем «Проспекте», является выяснение вопроса, в какой степени все эти формы архаичны и в какой мере они еще бытуют в литературном болгарском языке. Так как мы занимаемся литературным языком, мы не можем игнорировать того, что в литературном языке эти формы сохраняются дольше, чем в диалектах.

Почти все выступавшие по этому вопросу были согласны, хотя и по разным мотивам, с тем, что нельзя трактовать как выражение падежных отношений, или как падежи, конструкцию с предлогом *на*.

Э. А. Якубинская высказала мысль, что предложная конструкция может лишь в том случае быть признана выразителем падежа, если будет рассматриваться как форма слова.

Я думаю, что здесь нужно различать форму слова, с одной стороны, и форму или способ выражения данного падежного отношения или форму падежа именно как форму выражения определенной грамматической категории — с другой стороны. Ведь форма времени может быть выражена аналитическим способом (*буду писать*). Почему же не может быть аналитической формы падежа?

Суть спора о том, считать ли конструкции с предлогом *на*, выступающие в значении дательного адресата и дательного притяжательного, падежными конструкциями или не связывать их со значением падежа и рассматривать наравне со всеми прочими предложными сочетаниями, — состоит в различном понимании категории падежа.

Однако этот большой теоретический вопрос не получил в нашей дискуссии должного освещения. Большинство выступавших исходило из признания того, что падеж — это морфологическая форма и, следовательно, все, что не имеет морфологической формы, то не падеж. Если последовательно стоять на этой точке зрения, то нельзя в русском языке разли-

чать шести падежей в словах третьего склонения. Однако мы эти падежи различаем и в слове *кость* по той синтаксической роли, которую выполняет это слово в предложении. Падеж — это не просто форма, а единство формы и значения. Я бы сказала: падеж — это синтаксическое отношение, выраженное определенной морфологической формой, хотя бы в части слов. Это и делает его морфологической категорией. Такое понимание существенно отличается от точки зрения Андрейчина, Балаца, нашедшей поддержку в выступлении Н. С. Поспелова. Они рассматривают падеж только как значение, не связывая его с определенной морфологической формой.

Итак, мы исходим из признания падежа морфологической категорией. Это означает, что мы можем признать в языке наличие лишь тех падежей, которые имеют в языке флективные формы. Но поскольку падеж обнаружен, т. е. раз мы установили, что в языке категория дательного падежа существует, мы не только уже вправе, мы обязаны найти все средства, которыми данные падежные отношения выражаются в словах, не имеющих данной падежной формы.

Перехожу к вопросу о грамматикализации предлогов.

Одним из возражений Н. И. Толстого против признания конструкций с предлогом *на* падежными конструкциями было то, что в болгарском языке существуют и другие предложные сочетания, в которых предлог утратил свое лексическое значение. Почему же их нельзя тоже рассматривать как падежи?

Мне кажется, что вопрос о грамматикализации предлогов нельзя смешивать с вопросом о признании того или иного сочетания, в котором предлог грамматикализован, формой выражения падежа. Для того, чтобы мы могли говорить, что это сочетание выражает определенные падежные отношения, нужно, чтобы синтаксическое отношение, выраженное этим предложным сочетанием, было в языке падежным отношением, т. е. выразилось бы и флективной формой падежа. В конструкциях с предлогом *на* предлог, во-первых, грамматикализован, во-вторых, это предложное сочетание выступает в функции дательного падежа. В связи с этим мной рассматривался вопрос о сочетаниях с предлогом *от*, выражающих притяжательное значение, потому что это тоже в какой-то форме является параллельной синонимической конструкцией к соответствующему сочетанию с предлогом *на* или местоимением дательного падежа. Однако предлог *от* в этой конструкции нельзя признать полностью грамматикализованным предлогом, и поэтому мы не можем считать, что предлог здесь выражает падежное отношение.

О всех других предлогах, которые можно считать в той или иной степени грамматикализованными, мы не можем ставить вопрос, выражают они падежи или нет, потому что выражаемые ими отношения не являются в данном языке падежными отношениями.

Теперь еще один вопрос, связанный с грамматикализацией. Н. И. Толстой выразил сомнение, можно ли и предлог *на* в конструкциях со значением дательного падежа считать грамматикализованным. Он говорит: я ощущаю его первоначальное лексическое значение — значение направления.

Дело в том, что для определения степени грамматикализации у нас нет каких-то объективных показателей; грамматикализация пока определяется на основании языкового чутья и знания связи данного предлога с другими предлогами. Я об этом тоже думала и поэтому, доказывая, что предлог *на* выступает здесь грамматикализованным, что сочетание предлога с существительным в значении дательного адресата и дательного

притяжательного является совпадающим со значением падежей, выраженных местоимением, я старалась апеллировать не к языковому чутью, а привести ряд положений, показывающих, что данные предложные сочетания и падежи последовательно выражают одно и то же значение. Я могу эти положения напомнить.

Во-первых, всегда возможна замена одного сочетания другим, замена предложного сочетания с *на* — местоимением. Это настолько всем очевидно, что не требует особых доказательств.

Во-вторых, краткая форма местоимений может употребляться плеонастически. Н. И. Толстой рассматривал этот вопрос с другой точки зрения: если здесь параллельно употребляется местоимение, то именно потому, что сочетание предлога с существительным недостаточно хорошо выражает эту форму. Это, конечно, так, но этот довод не является опровержением моего положения, потому что употребление этого местоимения в данном случае является факультативным. Оно широко употребляется в народном говоре, но в литературном языке не особенно рекомендуется злоупотреблять этой конструкцией. Но все-таки тот факт, что сочетание с предлогом и местоимение употребляются вместе, говорит о том, что их значению это не противоречит.

И, наконец, в-третьих, употребление краткого местоимения в дательном падеже и предложного оборота с предлогом *на* — абсолютно параллельное употребление: предлог *на* может во всех случаях следовать за местоимением, выражая как значение дательного притяжательного, так и значение дательного адресата. Если мы возьмем другой предлог, например *от*, то окажется, что он не во всех функциях может следовать за местоимением.

Не знаю, насколько мои доводы были убедительны, но мне хотелось только показать, что моя линия последовательна, что, во-первых, я исхожу из признания падежей, которые имеют в языке морфологическое выражение; во-вторых, что я считаю принципиально несущественным, выражаются ли падежи в местоимениях или в существительных, поскольку и местоимения и существительные по их синтаксической роли, — а нас интересует именно выражение синтаксических отношений, — выполняют одни и те же функции. И наконец, третье положение: раз дательный падеж признан и его значения могут быть исследованы на какой-то определенной форме дательного падежа, мы можем исследовать другое средство, при помощи которого передается данное падежное отношение в словах, не имеющих падежной формы, и, если это такое синтаксическое средство, как предлог *на*, который утратил свое реальное значение, который выражает абсолютно то же значение, что и форма дательного падежа, и может выступать во в с е х функциях, в которых выступает и форма дательного падежа, мы вправе считать это синтаксическое отношение падежным отношением и, определяя значение оборота с предлогом *на*, мы вправе говорить, что он выступает в значении дательного падежа.

Процесс грамматикализации, понимаемой в смысле утраты предложениями своего реального значения и получения ими каких-то более абстрактных значений, когда предлог уже не означает сам по себе данного отношения, лексически его не определяет, а выступает только как показатель синтаксической связи слов, — этот процесс грамматикализации может происходить и в других предложениях; но как бы глубоко ни зашел там этот процесс, мы не можем говорить, что данное предложное сочетание выражает падежное отношение, если соответствующее синтаксическое отношение не имеет в языке параллельного выражения при помощи падежной формы. Если же оно может быть выражено посредством падежной формы,

то мы вправе и предложное сочетание рассматривать как аналитическую форму выражения данного падежа.

Таким образом, для отнесения предложного сочетания и его значения к падежным значениям нужны два обстоятельства: во-первых, чтобы предлог грамматикализовался, т. е. утерял бы свое реальное значение и выступал бы только как показатель синтаксической связи слов, и, во-вторых, чтобы данное отношение имело в языке падежное выражение.

С. Б. Бернштейн

(Заклучительное слово)

Прежде всего я должен от своего имени и от имени всего коллектива, работающего над книгой «Основные вопросы болгарской грамматики», выразить чувство большого удовлетворения тем обсуждением «Перспекта», которое происходило здесь в течение двух дней. Оно заставило нас продумать вновь ряд основных вопросов, связанных прежде всего с так называемым «анализмом» болгарского склонения. Поднимались и другие вопросы.

Прав был Петр Николаевич Третьяков, который в своем вступительном слове сказал, что при выплнении значительных научных трудов необходимо коллективное их обсуждение. Опыт показал, что такое коллективное обсуждение с привлечением широкого круга специалистов нужно проводить не только после завершения всей работы, но и на различных ее стадиях. Наше совещание подтвердило это.

Естественно, что нас, авторов «Перспекта», интересовало во время обсуждения в первую очередь отношение к основным теоретическим положениям, которые легли в основу нашей работы. Кратко они были изложены во вступительной части нашего «Перспекта», подробнее — в моем докладе. С удовлетворением должен констатировать, что все выступавшие признали наши теоретические позиции правильными. Признали наши позиции правильными в своем письменном отзыве и наши болгарские товарищи. Естественно, что это для нас является самым важным итогом совещания. Частные ошибочные положения можно легко исправить. Ошибочные исходные теоретические положения обесценили бы всю работу.

Несколько критических замечаний по теоретической части сделал лишь Н. С. Поспелов. Однако нужно сказать, что они не касаются существа самого дела. Тов. Поспелов считает, что мы обедняем морфологию, так как употребление форм исключаем из морфологии и переносим в «синтаксис частей речи». В этом он усматривает продолжение вредной традиции переоценки синтаксиса. Нужно сказать, что выделение из морфологии «синтаксиса частей речи» не имеет никакого отношения к этой традиции. Достаточно обратиться к «Синтаксису русского языка» Шахматова, чтобы убедиться в этом. Самое главное, однако, состоит в другом. Указывая на необходимость разграничения морфологии и синтаксиса частей речи, мы в нашем труде рассматриваем формы и их употребление вместе. Вот что по этому поводу написано у нас в «Перспекте»:

«Однако по соображениям компактности изложения, ввиду тесного переплетения ряда вопросов синтаксиса частей речи не выделяется в книге в особый раздел, а рассматривается в рамках одного раздела с морфологией» (стр. 9).

Таким образом, фактически мы делаем то, что предлагает нам Н. С. Поспелов.

Важным представляется нам вопрос структуры нашей будущей книги. Несколько человек говорили о необходимости создания полной грамматики болгарского языка. Однако никто из выступавших не отрицал целесообразности избранной нами формы. Исследование отдельных вопросов звукового и грамматического строя болгарского языка признано вполне рациональным.

Другой вопрос — правильно ли определены наиболее важные проблемы. По этому поводу были сделаны некоторые критические замечания. Указывалось на необходимость значительного расширения отдела синтаксиса, в частности — на включение в книгу раздела о синтаксисе сложного предложения. Мне хочется указать, однако, на то, что никто не предлагал исключить какие-либо разделы из «Проспекта». Все указывали, что в «Проспекте» действительно отражены наиболее актуальные вопросы болгарской грамматической науки. Это для нас очень важно. Конечно, можно указать еще ряд вопросов, но мы хотим строить реальные планы. Наш коллектив небольшой. Никто из нас не занимался синтаксисом сложного предложения. Естественно, что при определении содержания нашей будущей книги мы исходили прежде всего из наших реальных возможностей. Не нужно забывать, что книга должна быть готова в 1954 г. Однако некоторые разделы «Проспекта» мы нашли целесообразным расширить уже теперь. Введен новый раздел о принципах морфологического членения глагольных основ. Вообще словообразованию будет уделено гораздо больше места, нежели предполагалось первоначально. В разделе синтаксиса будет дано описание типов безличных предложений. Мы значительно расширили вводную главу, в которой будет изложена история науки о грамматическом строе болгарского литературного языка.

В своем «Проспекте» мы указываем, что в решении конкретных грамматических проблем необходимо идти от материала, чтобы избежать всякого априоризма. Обсуждение нашего «Проспекта» показало, однако, что это не во всех случаях нам удалось. Речь идет о главе, посвященной вопросу о так называемых определенных и неопределенных временах болгарского глагола. Это вызвало наибольшее число критических замечаний. Я должен признать, что здесь мы сделали ошибку. Исследование этого вопроса еще впереди (над ним будет работать В. В. Бородич), а в «Проспекте» даны уже готовые формулировки, которые, кстати, разделяются не всеми членами нашего коллектива. Доклад на эту тему мы поставим на следующем совещании.

В центре нашей дискуссии стоял вопрос о выражении «падежных отношений» в болгарском языке. Были горячие споры. Должен, однако, указать, что всех выступавших больше объединяло, нежели разделяло. Дело в том, что все мы признаем ошибочность взгляда Теодорова-Балана, который в данном случае на современный язык смотрит через призму древнеболгарского языка. Мы все признаем, что падеж — это прежде всего категория морфологическая. Нельзя говорить о падежах в языках, которые не имеют падежных форм, в противном случае легко скатиться к «понятийным категориям», т. е. к отрицанию грамматики. В данном вопросе расхождений между участниками совещания не было. Речь шла о другом. Можно ли говорить о падежах в имени существительном, если в местоимении падежи имеют формальные показатели? Можно ли считать, что предлог *на* в некоторых случаях выражает падежные отношения (ср. *нему, на него, на баща си*) или во всех случаях он является только обычным предлогом? Можно ли считать, что имя существительное в подлежащем — это именительный падеж, а в прямом дополнении — винительный на том основании, что в местоимении это будет выражаться

различными формами (*аз — мене, той — него, кой — кого* и пр.)? Можно ли принимать в расчет архаические формы *Ивана, Ивану* или для решения данного вопроса их привлекать нельзя? Как понимать процесс грамматикализации предлогов? По этим вопросам высказывались крайние точки зрения. Должен сказать, что доклад Е. В. Чешко отражает в данном вопросе позицию всего нашего коллектива. Мы считаем, что можно и нужно говорить о трех падежах в болгарском языке: именительном, винительном и дательном. С предлогами употребляется, конечно, не именительный падеж, как здесь говорили некоторые выступавшие, а форма, которая к падежам не имеет отношения и которую иногда показывают «общим падежом». Не могу сказать, что наш взгляд на этот вопрос является окончательным. Будем работать над ним дальше, в частности, — над вопросом о процессе грамматикализации предлогов.

В докладе Е. В. Чешко были поставлены и другие вопросы. К сожалению, они не были предметом дискуссии.

Выступавшие товарищи указывали, что мы верно определили хронологические рамки исследования. Это для нас также важно. Не буду сейчас касаться всех вопросов.

Нами в настоящее время подготавливается новый текст «Проспекта». Он будет опубликован вместе с материалами совещания.

Ю. С. Маслов

**О MORFOЛОГИЧЕСКОМ ЧЛЕНЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ
И MORFOЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛОВ
В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Вопросы морфологического членения, т. е. разделения слова на составляющие его морфемы, как и вопросы морфологической классификации слов, входящих в состав той или иной части речи, имеют, как известно, громадное теоретическое и практическое значение при изучении любого или почти любого языка. В период господства так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра, объявлявшего «грамматику пустой „формальностью“, а людей, считающих грамматический строй основой языка — формалистами»¹, вопросы морфологического членения и морфологической классификации почти не разрабатывались, несмотря на то, что в русской грамматической науке имеется богатая и плодотворная традиция в постановке и разработке этих вопросов². Сейчас, освобожденное гением великого Сталина от оков марризма, возрожденное к новой жизни наше советское языкознание снова обращается к вопросам морфологии, в частности, — к вопросам морфологического членения и морфологической классификации, оставшимися в пренебрежении в прошлые годы.

Задача настоящего доклада — поставить некоторые вопросы морфологического членения глагольных форм и морфологической классификации глаголов современного болгарского литературного языка и предложить по этим вопросам предварительные решения, которые могли бы быть подвергнуты на нашем совещании широкому критическому обсуждению³.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 42.

² Укажем на труды В. А. Богородицкого, А. М. Пешковского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. Н. Петерсона и др.

³ Вопросы морфологического членения глагольных форм болгарского языка рассматриваются здесь не во всем их объеме: в стороне остаются все вопросы морфологического членения, связанные со словообразованием глаголов и с видовой деривацией; рассматриваются только те вопросы морфологического членения, которые связаны со спряжением глагола в пределах традиционной парадигмы, т. е., в первую очередь, вопрос о границе, проводимой между основой и окончаниями личных форм или между основой и морфемами причастий и деепричастий.

I. ОБЩИЙ ОБЗОР ВОПРОСОВ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Ввиду отсутствия в науке полного единства в определении некоторых основных понятий и терминов морфологии, начать придется с кратких пояснений того, в каком смысле будут употребляться эти понятия и термины на протяжении настоящего доклада.

Как известно, морфологическое членение всегда основывается на сравнении данной формы, во-первых, с другими формами того же слова и другими словами, образованными от того же корня, и, во-вторых, с аналогичной формой других слов (относящихся к тому же морфологическому классу и к другим морфологическим классам)¹. Выделяя в ходе сравнения общее и различное (но абстрагируясь при выделении различий от очевидных фонетических различий, о чем ниже), мы и получаем те части слова, те отрезки звучания, которые называются морфемами. Обычно, определяя морфему, указывают, что она является материальным носителем того или иного значения (лексического или грамматического порядка), минимальным значимым отрезком звучания². Однако есть основания утверждать, что в отдельных случаях существуют в языке и такие морфемы, которые не имеют своего специального значения, асемантические морфемы.

Так, в болгарских формах *брах, бра, брахме, брахте, браха; брал, брала, брало, брали; бран* и т. д. при сравнении их друг с другом и с формами того же слова: *бера, береш, бере, берем, берете, брат; бери, берете; берях, береше, беряхме* и т. д. и, с другой стороны, при сравнении их с аналогичными формами других слов, например: *ковах, кова, ковахме, ковахте, коваха; ковал, ковала, ковало, ковали; кован; водих, води, водихме, водихте, водиха; водил, водила, водило, водили; воден; четох, чете, четохме, четохте, четоха; чела, чела, чело, чели; четен* и др., — четко выделяется морфема *-а-*: *бр-а-х, бр-а-л, бр-а-н* и т. д. Выделение этой морфемы представляется нам совершенно несомненным фактом, хотя, как мы увидим ниже, никакой семантики эта морфема не имеет.

Определение морфемы как минимального значимого отрезка не удовлетворяет еще и потому, что морфемы, как известно, могут быть разделены на простейшие, далее неразложимые, и сложные, представляющие определенное единство по отношению к другим морфемам, но допускающие внутри себя дальнейшее членение. Элементарный пример простейшей морфемы — так называемый корень, элементарный пример сложной морфемы — основа, состоящая из корня в сочетании с суффиксом. Как увидим ниже, сложной морфемой может быть и суффикс и даже окончание.

Для нас сейчас важно остановиться на понятии основы. Так же, как мы различаем словообразующие и формообразующие суффиксы, следует различать основу слова и основу группы форм. Для славянского глагола, в том числе и для болгарского глагола, это разграничение особенно важно. Так, в болгарском глаголе *игрял* звуковой комплекс *игра* является общей основой всех его форм (ср. *игрял, играеш, играе...; играй, играйте; играеш, играеште...; играх, игра, играхме...; играл, играла...; игран, играна...*) и потому — глагольной основой, а звуковой

¹ Ср. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6. М., 1938, стр. 43—48.

² Ср. там же и В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, изд. 5. М., 1935, стр. 91.

комплекс **играј** является основой группы форм — основой настоящего времени (**а** также — повелительного наклонения и некоторых других форм).

Говоря о спряжении славянского глагола, обычно выделяют две главные основы, каждая из которых и представляет собою основу группы форм. Для болгарского языка эти основы принято называть: одну — «основой настоящего времени», другую — «основой аориста». Необходимо, однако, подчеркнуть, что эти названия (а также аналогичные термины, применяемые в грамматике других славянских языков, например, «основа инфинитива» или, — для ряда славянских языков, утративших простые прошедшие времена, — термин «основа прошедшего времени»), как известно, имеют принципиально иной смысл, чем сходные термины («основа презента», «основа аориста», «основа перфекта») в сравнительной грамматике индоевропейских языков или в грамматике древнегреческого.

В грамматиках славянских языков все такие термины указывают лишь на факт образования соответствующих форм от данной основы, но ни в коей мере не определяют специфической семантики данной основы как таковой. Да специфическую семантику «основы инфинитива-аориста» нельзя и определить, так как ее нет: каждая из двух основ, служащих для образования форм данного глагола, обозначает глагольное действие без такого дополнительного грамматического оттенка значения, который не был бы присущ и другой основе.

Так, в приведенном выше болгарском примере «основа аориста» **бра-** (как и любая другая «основа аориста») не имеет никакой специфической семантики аориста или прошедшего времени вообще; она служит в качестве вневременной формы инфинитива (*бра*, ср. *недей бра*, *стига бра*, *можеш ли бра*), и для образования причастия страдательного залога (*бран*), не обязательно связанного в современном языке со значением прошедшего времени или с указанием на предшествующее действие, и для образования отглагольного существительного (*бране*), представляющего собой «определенное» обозначение данного действия в самом процессе его протекания. Лишь между двумя образованиями от этой основы — аористом и причастием на **-л** — можно найти некоторую смысловую связь. Между всеми другими образованиями связь чисто формальная. Первоначально, как известно, и имперфект, т. е. форма, семантически противостоящая аористу, образовывался от той же аористой основы.

Все это и позволяет нам утверждать, что основообразующий суффикс «основы аориста» (в нашем примере *бра* — суффикс **-а-**) выступает в своеобразной роли морфемы без значения, в роли «суффикса группы форм», но группы в семантическом отношении разношерстной, не представляющей смыслового единства¹.

Проводя сравнение, имеющее целью выделение морфем, мы должны, как было сказано выше, абстрагироваться от чисто фонетических различий, т. е. учитывать действие звуковых законов — современных и исторических, — создающих в определенных случаях фонетические варианты той или иной морфемы.

Поясним это элементарным примером. Если бы, сравнивая формы *пека*, *печеш*, *пече*, *печем*, *печете*, *пекат*, мы не учитывали действия

¹ В. А. Богородицкий в аналогичных случаях в русском языке не выделяет особой морфемы — суффикса основы инфинитива и прошедшего времени. В русском *набрасывал* он считает окончанием **-ал** (ук. соч., стр. 92).

Другие грамматисты члелят подобные формы иначе, с нашей точки зрения, — более правильно (например *па-груз-и-л-и*. См. А. Н. Гвоздев. Сборник упражнений по современному русскому языку, изд. 2. М., 1950, стр. 71).

исторического звукового закона первой палатализации ($к > ч$ перед гласным переднего ряда), мы должны были бы выделить «морфему» *пе-* (общую для всех форм ряда) и «морфемы» *-к-* и *-ч-*. Однако морфемой здесь будет *пек-//печ-*; это одна морфема, выступающая, в зависимости от последующего звука, в двух фонетических вариантах, что подтверждается другими формами того же слова (*пекъл, пекла, пекло, пекли, печен*) и другими словами того же корня (*пекар*), а также аналогичными формами многих других слов, не обнаруживающих никакой особой морфемы для одной «группы лиц» настоящего времени (1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч.) в отличие от другой такой группы (2 и 3-го л. ед. ч., 1 и 2-го л. мн. ч.).

Правда, и в некоторых других глаголах болгарского языка (глаголах других морфологических разрядов и классов) мы найдем такое же распределение вариантов основы в пределах настоящего времени: один вариант для 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., другой — для остальных лиц, однако и здесь речь будет идти всего лишь о фонетических вариантах, возникших в зависимости от характера последующего гласного звука (один вариант — перед гласным заднего ряда, другой — перед гласным переднего ряда). В частности, суффиксальный *-j-* в основах настоящего времени прочно сохраняется перед гласным заднего ряда, т. е. в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. (ср. *пея, бия, чуя, бая, играя, живея, броя; пеят, бият, чуят, баят, играят, живеят, броят*), но в современном литературном произношении выпадает перед гласным переднего ряда, т. е. в остальных лицах (*пееш, пее, пеем, пеете*, также *биеш, бие...*; *чуеш, чуе...*; *стоиш, стои...* и т. д.). Далее, «мягкость» или «твердость» конечного согласного ясно обнаруживается только в положении перед гласным заднего ряда, т. е. в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. (*чета, четат*, но *върва, вървят; капя, капят*), но не обнаруживается в положении перед гласными переднего ряда, где твердые и мягкие согласные фонемы нейтрализуются в «полумягком» звуке (фонологически, как нам представляется, смягченном оттенке твердой согласной фонемы). Следовательно, и здесь мы будем иметь основу то в виде *върв'-, кап'-*, то в виде *върв-, кап-*, но это лишь фонетические варианты единой морфемы.

Морфологическое членение должно исходить из отношений, актуальных для данного состояния языка, а не из отношений предшествующих исторических эпох. Так, в форме аориста *клях* (наст. вр. *коля*) звук *-а-* исторически не является суффиксом, а представляет своеобразное видоизменение вокализма корня (*клях < *kolxъ*; ср. русск. *колоть, колотл*), но в современном болгарском языке чередование *-ол-//ла-* затемнено и потому *-а-* воспринимается здесь как суффикс основы аориста, поскольку имеется группа глаголов с таким именно суффиксом и с нулем гласного в основе аориста, например: *бера — брах, дера — драх, зова — звах* (рядом с *зова — зовах*). И в этом, и во многих других случаях мы наглядно убеждаемся в том, что морфологическое членение не остается неизменным на протяжении истории языка. Медленно и постепенно оно изменяется, и именно потому, что оно изменяется, оно требует к себе исторического подхода. Но исторический подход не означает, что современный болгарский язык надо мерить аршином общеславянской или старославянской древности. Подлинно исторический подход предполагает учет изменчивости морфологической структуры, учет тех процессов переразложения, опрощения, аналогизации типов, которые происходят в жизни языка и без учета которых не может обойтись грамматическая наука.

Прежде чем приступить к обзору взглядов, которые высказываются в болгарской грамматической литературе по вопросам морфологического членения глагольных форм, отметим, что наибольшая трудность в этом вопросе проистекает из общего не только для всех славянских, но и вообще для всех флективных языков факта тесной спаянности флективного окончания с предшествующей ему частью исторической основы — с основообразующим или с тематическим гласным. В таких формах настоящего времени, как болгарские *береш, бере, берем, берете*, при сравнении их с формой 1-го л. ед. ч. *бера* и 3-го л. мн. ч. *берат* в качестве основы выделяется *бер-*, а все то, что следует за этим *бер-*, целиком включается в состав окончания.

Однако при сравнении *береш, берете*, скажем, с *ходиш, ходите* окончанием оказывается уже как будто только *-ш* и *-те*, а гласный, предшествующий этому *-ш* или *-те*, выделяется в особый элемент, отличный от собственно окончания. Такое морфологическое членение соответствует историческому прошлому, но формы 3-го л. ед. ч. (*бере, ходи*) показывают его несостоятельность для современного языка: в этих формах тот же гласный *-е* и *-и* уже, несомненно, оказывается окончанием.

Но и этим еще не исчерпывается вся сложность вопроса. Для болгарского языка, как и для многих других славянских языков, дело усложняется тем, что рядом существует морфологический класс глаголов, не обнаруживающий в своем спряжении подобного переразложения, подобного включения части исторической основы в состав окончания. Этот морфологический класс, в котором личное окончание без труда отделяется от основы во всех формах, есть класс стяженных основ на *-а-* (из *-аје-* и т. д.), типа *гледа-, пита-, купува-* и т. д. Гласный *-а-*, несомненно, относится здесь к основе и никак не может быть — без насилия над языком — включен в состав окончания. Этот гласный, как известно, проходит не только через всю парадигму настоящего времени и всех других форм, образуемых от «основы настоящего времени», но и через парадигму всего глагола в целом, поскольку глаголы типа *гледам, питаю, купую* и т. д. образуют все свои формы не от двух основ каждый, а только от одной основы. Таким образом, в формах типа *гледаш* и т. д. окончанием оказывается уже одно только *-ш*, и морфологическое членение будет здесь не таким, как в формах типа *береш* или *ходиш*. Резкое противопоставление в языке типа *бер-еш, ход-иш* и типа *гледа-ш* проявляется и в некоторых других фактах.

В частности, заслуживает внимания тот факт, что при любом морфологическом членении, независимо от каких-либо теоретических соображений, окончания 1-го л. ед. ч. окажутся все равно разными у одних и у других глаголов: ср. *гледам, питаю, купую*, но *бера, ходя*. Соответственно в 1-м л. мн. ч. у глаголов типа *гледам* возможно только окончание *-ме* (*гледаме, питаем* и т. д.), а у глаголов типа *бера* или *ходя* нормальными формами будут *берем, ходим* (хотя возможны и *береме, ходиме*). Все эти факты лишней раз указывают на необходимость дифференцированного подхода к морфологическому членению глаголов разных морфологических классов в формах настоящего времени.

Такие же, примерно, вопросы возникают и при морфологическом членении некоторых других личных и именных форм болгарского глагола, и каждый раз они требуют к себе сугубо дифференцированного подхода. Так, для аориста во всех случаях будет правильным включать гласный звук, предшествующий звуку *-х* окончания, в состав основы, так как, во-первых, этот гласный повторяется у подавляющего боль-

шинства глаголов и во всех других формах, образованных от «основы аориста», и так как, во-вторых, в случае невключения этого гласного в состав окончания, окончания аориста для каждого лица окажутся тождественными для всех без исключения глаголов, чем и доказывается правильность именно такого членения (*бра-х, бра-хме, также бра-л, бра-н* и т. д.).

Посмотрим, однако, как трактовались вопросы морфологического членения болгарского глагола в болгарской грамматической литературе.

П. С. Калканджиев (по данному вопросу на более старых грамматистах можно в рамках настоящего доклада не останавливаться) считает глагольными окончаниями настоящего времени для 1-го л. ед. ч. *-а, -я, -м*; для 2-го л. *-ш*; форму 3-го л. ед. ч. Калканджиев прочеркивает в таблице, т. е., мы бы сказали, рассматривает эту форму как форму с «нулевым окончанием». Во мн. ч. считает окончаниями *-м* и *-ме* для 1-го л., *-те* — для 2-го, *-ат, -ят* — для 3-го¹. Как видим, Калканджиев в приведенном морфологическом членении исходит из написания формы (ср. «окончания» *-я, -ят*), что с научной точки зрения не выдерживает критики. Еще более наивно утверждение Калканджиева, будто «в 3-м л. мн. ч. окончание *-т* присоединяется к форме 1-го л. ед. ч.: *влека-т, гнетя-т* и т. д.»². Имперфектные окончания у Калканджиева — *-х, -ше, -хме, -хте, -ха*, аористные — те же окончания, за исключением 2 и 3-го л. ед. ч., в которых выступает чистая основа.

Так же проводит морфологическое членение Н. Костов, который тоже исходит из написания глагольной формы. Форму 3-го л. мн. ч. наст. вр. Н. Костов, в противоположность Калканджиеву, трактует исторически правильно: в этой форме «используются окончания *-ат* и *-ят*, гласный которых заключает в себе суффикс основы и часть окончания»³; то же самое говорится и о гласном окончания 1-го л. ед. ч.⁴ В остальных лицах гласный *-е, -и, -а*, как и у Калканджиева, относится у Н. Костова к основе.

На том же уровне стоит и грамматика Ст. Младенова и Ст. Василева: «глагольная основа (*дреме-, вали-, маха-*) + личное окончание *-ш, -м, -те, -т* образуют глагольные формы настоящего времени»⁵. При этом Василев, подобно Калканджиеву, даже в 3-м л. мн. ч. считает окончанием одно *-т*: *дремя-т, гърмя-т* (и *маха-т*). Сходным образом проводится морфологическое членение и во всех других временах.

Несколько иную, двойственную позицию занимает А. Теодоров-Балан. С одной стороны, там, где речь идет об основах, Балан дает членение, совпадающее с традиционным; ср. такие его формулировки: «... основу настоящего времени извлекаем из форм настоящего времени изъявительного наклонения. Ее признаком является: в I спряжении *-е, -йе*, во II спряжении *-и, -йи*..., в III спряжении *-а, -яа*»⁶. «Основа прошедшего времени выступает в формах... причастия на *-л* изъявительного наклонения; она остается, когда отбросим от формы причастия его формант — в м. р. *-л*, в ж. р. *-ла*, в ср. р. *-ло*, во мн. ч. *-ли*»⁷.

¹ П. С. Калканджиев. Българска граматика, изд. 2. Пловдив — София, 1938, стр. 124.

² Там же.

³ Никола Костов. Българска граматика. София, 1939, стр. 130.

⁴ Там же, стр. 129.

⁵ Ст. Младенов и Ст. Василев. Граматика на българския език. София, 1939, стр. 275.

⁶ А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940, стр. 214.

⁷ Там же, стр. 215—214.

«У таких глаголов, как *горя, гори-ш, гори-х, гори-л*, первая и вторая основа совпадают друг с другом»¹. С другой стороны, там, где Балан говорит не об основах, а об окончаниях, он проводит морфологическое членение иначе. Так, для 2-го л. ед. ч. он говорит не об одном окончании *-ш*, а о трех параллельных окончаниях *-еш, -иш* и *-аш*. Не употребляя термина «переразложение», Балан фактически рассматривает выделяемые им таким образом окончания как результат переразложения: «... в окончаниях спаяны: показатель глагольной основы *е, и, а* и формант *-ш*, обозначающий 2-е л. ед. ч.»². Таким же образом Балан рассматривает и другие формы: *бер-а, вик-ам* и т. д. Подчеркнем, что в вопросах морфологического членения Балан, подобно другим болгарским грамматистам, не делает никакого различия между глаголами типа *гледам, викам* и глаголами типа *бера* или *седя*. Формы, образованные от основы аориста, он, говоря об окончаниях, членит таким же образом: *бр-ах, бр-ал, вдиг-и-ах, вдиг-и-ал, мог-ох, мог-ъл* (или *мог-ъл-а*), *могла, греб-ах, греб-ал, лъг-ах, лъг-ал* и т. д.

В общем, А. Теодоров-Балан дает, как видим, двойственное, противоречивое решение вопроса о морфологическом членении болгарских глагольных форм, причем это у него не недосмотр, не небрежность: спустя семь лет в другой своей книге «Състояние на българската граматика» Балан опять, говоря об основе, дает одно морфологическое членение, а говоря об окончании — другое³. Мы, однако, полагаем, что подобное двойственное решение вопроса неправомерно.

Отметим попутно интересное замечание А. Теодорова-Балана, касающееся окончаний аориста: «подлинными формантами лиц» в формах аориста Балан считает только *-ме, -те*, а *-х* он рассматривает как «формант прошедшего времени»⁴. О правильности этого замечания Балана свидетельствует и история языка: аналогическое распространение *-х* на всю парадигму аориста и имперфекта, кроме 2 и 3-го л. ед. ч., было вызвано именно потребностью унифицировать показатели прошедшего времени как по лицам, так и в обоих прошедших временах. Вне этого русла «аналогия имперфекта», на которую обычно ссылаются для объяснения *-хъ, -ха* вм. *-ша* (ср. болг. *-шъ*) в 3-м л. мн. ч. аориста, остается мало убедительной⁵. Следовательно, окончания аориста и имперфекта можно рассматривать как «сложные морфемы».

Отметим, наконец, что у Балана не отделено в нужной мере звучание формы от ее написания, в силу чего у глаголов, у которых конечный

¹ А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940, стр. 216.

² Там же, стр. 212.— Ср. примеры переразложения у Богородицкого (ук. соч., стр. 101); *несе-т, несе-м > нес-ет, нес-ем*.

Морфологическое членение типа *нес-ет, нес-ем* и т. д. принято для современного русского языка большинством грамматистов и в школьной и в научной грамматике. Такое деление дает и принятая сейчас в наших педучилищах грамматика А. М. Земского, С. Е. Крючкова и М. В. Светлаева, под ред. академика В. В. Виноградова (М., 1950).

³ А. Теодоров-Балан. Състояние на българската граматика. София, 1947, стр. 140 и 141.

⁴ А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика, стр. 237.

⁵ Ср. у Богородицкого: «Явления аналогии представляют подстановку одних морфологических частей вместо других (например ср. произношение «держат» вм. «держат»), чем доказывается действительное существование в языке этих частей» (ук. соч., стр. 96, сноска). Так, в окончании 2-го л. мн. ч. аориста и имперфекта — *-хте* элемент *-х* как примета прошедшего времени оказался подставленным на место старого *с* — в окончании аориста (*-сте*) и на место старого *-ше* — в окончании имперфекта (*-шете*), чем и доказывается факт членимости *-х-, -те*.

согласный корня мягкий (вроде *коля, седя, валям*), морфологическое членение, как его дает Балан, оказывается ориентированным на написание.

Последняя по времени и в целом лучшая болгарская грамматика — грамматика Л. Андрейчина¹ идет в вопросах морфологического членения глаголов традиционными путями. Л. Андрейчин членит так: *прави-ш, прави-х, праве-х; чете-м, чето-хме; чел-а, прочел-ъ* [!], *четъл-ъ* [!] — и добавляет: «В редких случаях суффикс и окончание сливаются: *прав-я, чет-а, прав-ят, чет-ат* и т. д.»²

Отделение конечного орфографического **ъ** дефисом в формах *прочел, четял* (исчезнувшее в русском издании, где примеры даются по новой орфографии, т. е. без конечных немых **ъ** и **ь**), говорит о том, что даже Андрейчин не преодолел традиционной ориентировки болгарских грамматистов на написание слова, на буквенный его образ вместо его звучания. Давая схему личных окончаний настоящего времени³, Андрейчин полностью воспроизводит традиционную схему, с которой мы встречались у Калканджиева. То же относится к окончаниям аориста и имперфекта⁴.

В общем, надо сказать, что выдвинутый выше принцип дифференцированного подхода к разным типам случаев не проводится болгарскими грамматистами. Во всех случаях они производят морфологическое членение единообразно. При этом большинство из них рассматривает исторический гласный основы и тематический гласный как входящий и в современном языке в состав основы. Лишь в некоторых высказываниях А. Теодорова-Балана намечается иная трактовка вопроса, учет исторической изменчивости морфологической структуры, учет фактов переразложения, что, однако, не приводит Теодорова-Балана к вполне удовлетворительному решению. Заслуживает внимания проводимый Баланом принцип более дробного морфологического членения, в частности — отделение в окончаниях прошедших времен показателя времени *-х-* от собственно окончания — показателя лица и числа.

Отметим еще одну общую особенность всех высказываний по вопросам морфологического членения форм болгарского глагола: все болгарские грамматисты исходили из написания слова, а не из его реального звучания в языке. Чтобы преодолеть эту ошибку, считаем нужным в дальнейшем — как это делает, в частности, Богородицкий и др., — пользоваться транскрипцией, по крайней мере во всех тех случаях, где пользование орфографической записью могло бы затупевать морфологическую структуру формы.

Прежде чем перейти к конкретным предложениям по вопросам морфологического членения, рассмотрим в общем плане и второй интересующий нас вопрос — о морфологической классификации болгарских глаголов.

II. ОБЩИЙ ОБЗОР ВОПРОСОВ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ БОЛГАРСКИХ ГЛАГОЛОВ

Трудность вопроса о морфологической классификации глаголов в любом славянском языке обусловлена самой структурой славянского глагола. Как известно, в древности (а в восточнославянских языках —

¹ Др. Л. Д. Андрейчин. Основна българска граматика. София, 1942. Русский перевод: Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949.

² Там же, § 204.

³ Там же, § 237.

⁴ Там же, §§ 246 и 252.

и теперь) каждый глагол, как правило, образует свои формы от двух основ, условно называемых «основой настоящего времени» и «основой инфинитива и аориста», причем эти основы в большинстве случаев не зависят друг от друга, т. е. форма одной основы не указывает, какова должна быть форма другой. Болгарский язык (как и некоторые другие славянские языки) развил на протяжении своей истории новый тип спряжения, в пределах которого каждый глагол, наоборот, образует все свои формы от одной основы, всегда оканчивающейся на -а-, но этот тип спряжения не вытеснил старых, общеславянских типов спряжения, а существует наряду с ними. Тем самым вопросы морфологической классификации глаголов применительно к болгарскому языку несколько не упростились по сравнению, например, со старославянским или с русским, а даже еще более усложнились.

Так, в современном болгарском литературном языке при форме наст. вр. *ходя*, *ходиши* имеем аорист *ходих*, но при форме наст. вр. *видя*, *видиши*, *вървя*, *вървиши* уже другое образование аориста — *видях*, *вървах*, а при форме наст. вр. *спя*, *спиши* — третье образование аориста — *спях*, с твердым конечным согласным корня, в отличие от типа *видях*, *вървах*. Иными словами, глаголы, одинаково оформляющие свое настоящее время, по-разному оформляют свой аорист, и форма «основы настоящего времени» не дает нам в приведенных примерах никаких указаний на то, какова должна быть форма «основы аориста». И наоборот, глаголы, одинаково оформляющие свой аорист, дают весьма различные образования настоящего времени; ср. аорист *гледах*, *ковах*, *писах*, *брах*, *играх*, *спях* и наст. вр. *гледам*, *гледаш*, *кова*, *ковеш*, *пиша*, *пишеш* (с конечным шипящим корня в отличие от свистящего в форме аориста), *бера*, *береш* (с формой корня **бер-** вм. **бр-** в аористе), *играя*, *играеш* и, наконец, *спя*, *спиши*. Как видим, и «основа аориста» не дает в приведенных примерах никаких указаний на то, какова должна быть форма «основы настоящего времени».

Между тем, как справедливо замечает в своей статье «К вопросу о классификации чешского глагола» А. Г. Широкова, «удовлетворительной можно считать такую классификацию, которая, учитывая основные грамматические признаки, позволяет от данного глагола образовать по возможности все его формы»¹. Из сказанного вытекает, что ни классификация только по «основам настоящего времени», ни классификация только по «основам инфинитива-аориста», не способны решить эту задачу. Теоретически было бы одинаково возможно взять за исходную точку либо «основы инфинитива-аориста», либо «основы настоящего времени», но при этом пришлось бы тщательно учитывать все случаи соотношения обеих основ, т. е. дать столько рубрик, сколько есть разных типов соотношения одной и другой основы.

Очевидно, такая классификация окажется, как минимум, двухстепенной. С учетом некоторых более мелких различий (в частности — и различий в ударении) получим еще более дробные рубрики (третьей и четвертой степени).

Посмотрим, что было предложено по этому вопросу в существующей грамматической литературе.

Классификация, исходящая в первую очередь из основы инфинитива-аориста и имеющая свою традицию в сравнительной грамматике славянских языков и в грамматике старославянского (ср. системы Добров-

¹ А. Г. Широкова. К вопросу о классификации чешского глагола. «Вестник МГУ», 1948, № 4, стр. 29.

ского, Миклошича и др.), представлена в болгарской грамматической литературе, в частности, Ат. Т. Илиевым. Илиев, повторяя схему Миклошича, делит все болгарские глаголы на шесть классов «в зависимости от основы, от которой образовано 1-е лицо единственного числа совершенного времени»¹, т. е. аориста.

В первый класс входят все глаголы, у которых основа аориста равняется корню, причем выделяются два варианта:

1) корень оканчивается на гласный звук: *пи-х, чу-х, би-х*.

2) корень оканчивается на согласный звук, за которым следует «вставное о»: *плет-о-х, пек-о-х* и т. д.

Очевидно, объединение обоих вариантов в составе одного класса более всего объясняется одинаковостью способа образования инфинитива тех и других глаголов в старославянском (ср. *пи-ти, чоу-ти, би-ти, плести* из * *plet-ti, пеци* из * *pek-ti* и т. д.).

Второй класс охватывает основы на *-на-* (в орфографии до реформы 1899 г. — на *-нѣ-*): *седна-х, легна-х* и т. д.

Третий класс — основы на *-ѣ-*, причем Илиев не дает никакого подразделения внутри этого класса, включая сюда и такие глаголы, как *седѣх, горях, тѣрѣх* (наст. вр. *седѣши, гориши, тѣрѣши*) и такие, как *говѣх, лудѣх, умрѣх* (наст. вр. *говѣеши, лудѣеши, умрѣеши*).

Четвертый класс — основы на *-и-*: *ходи-х*.

Пятый класс — основы на *-а-*. Здесь Илиев проводит подразделение на четыре разряда по основам настоящего времени: 1) *бера — брах*, также *пера, рева*; 2) *пиша — писах, мажа — мазах* и т. д.; 3) *копая — копах, играя — играх* и т. д.; 4) *викам — виках, чувам — чувах* и др. Для 4-го разряда Илиев отмечает тождество основы настоящего времени и основы аориста.

В шестой класс входят основы на *-ува-* и *-ва-* (*царувѣ-х, робувѣ-х, приказвѣ-х* и т. д.). Неясен принцип, по которому эти глаголы отделены от 4-го разряда предыдущего класса и выделены в особый класс. Очевидно, и здесь дело в особенностях образования настоящего времени в старославянском языке (ср. *коупоукши — коуповахъ* с чередованием *у//ов* и *проливакши — проливахъ* без какого-либо чередования в основе).

Конкретные недостатки системы, даваемой Илиевым на основе схемы Миклошича, совершенно очевидны, хотя они и не связаны с ее основным принципом, так что при более детальной разработке и освобождении от ориентировки на старославянские прототипы болгарских форм, она могла бы быть существенно усовершенствована. В основном совпадает с классификацией Илиева и классификация Манола Иванова, как она дана им в большой статье «За спрежението в новобългарския език»². И все же победившей в болгарской грамматической литературе оказалась другая, противоположная линия — принцип классификации глаголов в первую очередь по основам настоящего времени. Эта классификация имеет в болгарской грамматической литературе свою национальную традицию.

Так, Неофит Рыльский делил все болгарские глаголы, за исключением одного неправильного (глагола *съм*), на четыре спряжения, исходя из 1-го л. ед. ч. наст. вр. Руководствуясь верным чувством живого современного языка, Неофит именует I спряжением спряжение основ на *-а-* (типа *давам*). Далее следует II спряжение (*бием, биеш*), III спряжение

¹ Ат. Т. Илиев. Българска граматика за гимназистите... IV. Синтаксис на българския език. Пловдив, 1888, стр. 27.

² «Сборник за народни умотворения», т. VIII, 1892, стр. 82—136; т. XI, стр. 362—371.

(*ходим, ходиш*) и, наконец, IV спряжение (*баням, баняш*)¹. При этом в примечании Неофит указывает: «Тѣа глаголи на Амь, мѡжати прѡвѣрливо да се начертавати на първо-то сопрѡженїе, ако промѣнувашь токмо а-то на А н. п. бѡнАмь, бѡнАшъ, бѡнА, като думамъ, думашъ думѡ, ѡ проч. ѡ излишно ѡ товѡ четвѣрто то сопрѡженїе, но понѣже ѡмат различно окончѡнїе, ѡложїсе ѡ за нїхъ ѡсѡбный примѣръ»².

Принятое сейчас деление болгарских глаголов по основам настоящего времени предпочтительнее, чем деление по основам аориста, в частности потому, что различия между типами настоящего времени глубже, чем между типами аориста: в аористе собственно окончания абсолютно тождественны во всех типах, а в настоящем времени, даже при отнесении гласных *-е-, -и-, -а-* к основе, все равно получаем в литературном языке частично разные окончания (имею в виду 1-е л. ед. ч. и, до известной степени, 1 е л. мн. ч., как уже отмечалось выше).

Сейчас, как известно, принята иная, чем у Неофита, нумерация трех болгарских спряжений; по этой нумерации глаголам со стяженными основами на *-а-*, как исторически более позднему типу, присвоено наименование III спряжения. Что касается учета различий в способах образования «основы» аориста, то в этом вопросе между отдельными авторами обнаруживается немало расхождений.

Так, П. Калканджиев делит все глаголы по образованию аориста на пять разрядов, совершенно независимых от трех спряжений по образованию настоящего времени. Поэтому у него, например, 2-й разряд (аорист на *-ах, -ях*) объединяет часть глаголов I и II и все глаголы III спряжения³. Другие болгарские грамматисты не удовлетворяются такой слишком общей разбивкой, не дающей четкой классификации всех или хотя бы главных типов соотношения двух основ. Поэтому они стремятся выделить разряды внутри спряжений, и это, конечно, правильно.

Внутри спряжения основ на *-а-* типа *гледам*, естественно, не может быть выделено никаких разрядов по способу образования аориста, так как все глаголы этого типа образуют аорист одинаковым способом. Однако некоторые грамматисты устанавливают здесь «разряды» в зависимости от мягкости или твердости согласного, предшествующего суффиксу (т. е. в орфографической передаче — глаголы на *-ам, -ах* и на *-ям, -ях*), однако эти различия имеют значение лишь в плане словообразования и на спряжении не отражаются, что было отмечено, как мы видели, уже Неофитом Рылским.

Внутри спряжения глаголов типа *даря, дариш* и *вървя, вървиш*, соответствующего IV классу классификации Лескина, выделяют от двух (у Л. Андрейчина) до пяти разрядов (у Ст. Младенова и в «Български Тълковен Речник»). Выделение двух разрядов соответствует существенному различию типов *даря, дариш* — *дарих* и *вървя, вървиш* — *вървях*. Дополнительные разряды связаны с чисто орфографическими противопоставлениями, вроде *даря* — *греша* (*я* — *а*) или вроде *вървях* — *държях* (в орфографии, действовавшей до 1945 г., *вървъхъ* — *държяхъ* — *стояхъ*,

¹ «Българска граматика сега първо сочинена от Неофита П. П. ... извъ... обители Рылска въ Крагуевцѣ», 1835, стр. 124 сл.

² Там же, стр. 202. — Три спряжения в настоящем времени болгарского глагола выделял и Ю. И. Венелин. См. М. В. Лунина. Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю. И. Венелина. «Славянская филология, статьи и монографии», изд. МГУ, М., 1951, стр. 119.

³ Аналогичным образом и Венелин делил глаголы на пять спряжений по основам «прошедшего времени» независимо от деления на три спряжения по основам настоящего времени. — Там же.

т. е. ъ — а — я). Противопоставления эти носят чисто орфографический характер потому, что написание -а, -ах и т. д. встречается в глаголах рассматриваемых типов только после шипящих, которые в болгарском языке всегда мягкие. Глагол *спя*, *спиши* — *спях* выделяется особо как неправильный.

Наибольшее число разрядов выделяют болгарские грамматисты в пределах спряжения на -еш, -е: от четырех (у М. Иванова в специальной статье «Подразделение на новобългарските глаголи според основата на минало свършено време») ¹ до одиннадцати (у Ст. Младенова и в «Български Тълковен Речник»), причем внутри разрядов приходится выделять и более дробные рубрики, а некоторые типы, представленные слишком малым количеством глаголов, относить в число «глаголов с неправильным образованием отдельных форм».

Спряжения и разряды у болгарских грамматистов обычно просто нумеруются. А. Теодоров-Балан, придерживаясь традиционной нумерации спряжений, для разрядов предлагает из педагогических соображений иной способ обозначения — по характерным для каждого разряда сочетаниям звуков, образуемым концом основы вместе с окончанием 1-го л. ед. ч. аориста.

Так, внутри I спряжения Балан различает:

рах или **рах-лах**-разряд (*бера* — *брах*, *коля* — *клах*)

рях или **рях-лях**-разряд (*мра* — *мрях*, *меля* — *млях*)

ех-разряд (*взема* — *взех*, *кълна* — *кlex*)

вах-разряд (*вдигна* — *вдигнах*) и т. д. (всего 10 разрядов) ².

Не вдаваясь сейчас в детали предложенных в болгарской грамматической науке классификаций глаголов, остановимся на некоторых общих особенностях всех этих классификаций.

Безусловно правильной и удачной следует признать принятую сейчас общую последовательность выделения морфологических классов: сперва выделение спряжений — по образованию форм настоящего времени, а затем, внутри спряжений, выделение разрядов — по способам образования основы аориста. Надо, однако, отметить, что выделением трех, так сказать «равноправных» спряжений несколько затушевывается подчеркнутый выше факт резкой противопоставленности в системе современного болгарского языка старых (общеславянских) спряжений (по принятой нумерации — I и II) — новому спряжению стяженных основ на -а — (по принятой нумерации — III).

Укажем также, что не всегда строго выдерживается болгарскими грамматистами принцип выделения разрядов. Отдельные разряды выделяются не по способу образования основы аориста, а исходя из других показателей. В частности, например, у Ст. Младенова и в «Български Тълковен Речник» глаголы *бода* — *бодох* и *занеса* — *занесох* относятся к двум разным разрядам, поскольку эти глаголы обнаруживают различия в образовании причастия на -л (*занесъл*, но *бол* с выпадением коренного д в группе **dl**). Нет спору, что данное различие должно быть учтено в

¹ «Училищен преглед», кн. 9, год VI, 1901, стр. 745—750. Точка зрения М. Иванова в этой статье существенно отличается от той, которая была выдвинута им в упомянутой выше, более ранней его статье «За спрежението в новобългарския език». В более поздней статье М. Иванов проводит подразделение по основам аориста в н у т р и спряжений, выделяемых по образованию форм настоящего времени, тогда как раньше деление по основам аориста составляло у этого автора исходный момент всей классификации.

² Ср. А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика, стр. 217—226; его же. Състояние на българската граматика, стр. 143—144.

полной морфологической классификации болгарских глаголов, но не и наравне с различиями между, скажем, *бодох* и *брах* или *них*. Глаголы типа *бода* и типа *занеса* могут составить две более дробные рубрики внутри «ох-разряда», а не два равноправных разряда наряду с такими разрядами как «ах-разряд» и т. д. Специфика форм *бол*, *плел*, *мел* и т. д. полностью объясняется действием определенного исторического звукового закона, допускающего ясную и простую формулировку, и нет необходимости загромождать «второй этаж» общей классификации подобными частностями.

Наряду с этим иногда не учитываются очень существенные различия в образовании форм, и весьма разные глаголы попадают в состав одного разряда. Так, и в классификации А. Теодорова-Балана и в классификации Ст. Младенова в один разряд (*бах-вах-разряд* Балана) попадают такие глаголы, как *греба — гребях*, *рева — ревах*, и такие, как *къна — кънах*, *скубя — скубах*, *дрема — дремах*, хотя разница между твердым и мягким конечным согласным корня в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. наст. вр. (*греба — скубя*, *гребат — скубят*) весьма существенна¹, что видно хотя бы из факта перехода некоторых глаголов I спряжения, имевших мягкий согласный, во II спряжение.

Имеются в принятых сейчас классификациях и другие недостатки: в некоторых случаях при выделении разрядов, кроме словоизменительных различий, принимаются во внимание и некоторые словообразовательные различия тех или иных типов, никак или почти никак не отражающиеся на спряжении и на соотношении двух основ.

Так, под влиянием лескиновской схемы все болгарские грамматисты (кроме М. Иванова) выделяют в виде особого разряда глаголы на *-на* (*дигна*, *шепна* и т. д.). Между тем, с точки зрения соотношения основ настоящего времени и аориста, глаголы типа *дигна — дигнах* и, скажем, *кова — ковах* ничем не отличаются за исключением форм причастия страдательного залога (*дигнат*, но *кован*), однако на это различие, излагая классификацию, не ссылаются, так как, повидимому, исходят не из этого различия, а из привычных рубрик схемы, данной Лескиным для старославянского.

Большим недостатком некоторых классификационных схем является то, что классификация построена на чисто орфографических различиях. Таким образом, в этом вопросе обнаруживается явление, отмеченное нами выше: скованность ряда болгарских грамматистов буквенным, графическим изображением слова, неумение или нежелание их преодолеть «буквенную» точку зрения, мешающую правильно видеть языковые факты. При разбивке глаголов на более мелкие рубрики вовсе не учитывается место ударения, что также является некоторым минусом всех предложенных классификаций.

III. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛОВ И МОРФОЛОГИЧЕСКОМУ ЧЛЕНЕНИЮ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Как уже неоднократно подчеркивалось, в болгарском языке наблюдается резкий контраст между спряжением стяженных основ на *-а* (так называемым III спряжением) и старым спряжением глаголов, образуя-

¹ Разумеется, совершенно другое дело мягкость последнего согласного, предшествующего суффиксу *-а*, в глаголах так называемого III спряжения (например, *стрелям*, *турым* и т. д.), где эта мягкость не оказывает ровно никакого влияния на образование форм, оставаясь присущей данному согласному в любой из форм данного глагола.

щих свои формы от двух основ, иногда — с дополнительными вариантами одной и другой основы (так называемым I и II спряжением). Оба типа спряжения предлагается разграничить терминологически, назвав спряжение основ на *-а-* новым, или *а-спряжением*, или — по образцу грамматик некоторых неславянских языков — *слабым спряжением* болгарского глагола, а другое спряжение — старым, или *сильным*, с подразделением на I сильное, или *е-спряжение*, и II сильное, или *и-спряжение*. За пределами старого (сильного) и нового (слабого) спряжения окажутся крайне немногочисленные неправильные глаголы (глагол *съм*, некоторые сушлетивные формы).

Новое (слабое) спряжение

Рассмотрим сначала вопросы морфологического членения глагольных форм там, где они особенно ясны и прозрачны, т. е. в пределах нового спряжения. Какими признаками вообще характеризуется новое спряжение?

Признаки эти следующие:

1) Основа глагола остается в своем фонематическом составе всегда неизменной и одинаковой, единой для всех времен и именных форм глагола, и всегда оканчивается на гласный *-а-* например: *поиска-м, поиска-ш, поиска-ш, поиска-х, поиска-ше...*; *поиска-й...*; *поиска-х, поиска...*, *поиска-л...* и т. д.

2) Принцип противопоставления двух традиционных основ славянского глагола может проявиться лишь в отношении места ударения в некоторых формах. В формах, относимых к «основе настоящего», ударение всегда падает на один из слогов, предшествующих последнему слогу основы, например: *купѹва-м, купѹва-й, купѹва-х, купѹва-ше; учительствѹва-м, учительствѹва-й, учительствѹва-ше*. В формах, относимых к «основе аориста», ударение иногда переносится на последний слог — на суффиксальное *-а-*. Степень обязательности или необязательности такого переноса является разной в зависимости от ряда факторов; в частности, как известно, играет роль наличие или отсутствие приставки и то, образует ли приставка особый слог (ср. *искаѹх, искаѹ, гледѹх, гледѹ*, но *пойскаѹх, пойскаѹ, огледѹх, огледѹ*); вид глагола, если он образован с приставкой (ср. *огледѹх, огледѹ*, но *оглежѹх, оглежѹ*); также, повидимому, количество слогов в слове (*учительствѹваѹх, учительствѹваѹ* менее обычно, чем *учительствѹвах, учительствѹва*); наконец, то, о какой форме идет речь (в аористе перенос ударения нормален, в действительных причастиях аориста — в меньшей мере, в причастиях страдательных он вообще не имеет места).

3) Окончания, присоединяемые к основе глагола при образовании личных форм, и морфемы именных форм всегда начинаются с согласного звука или состоят из одного согласного звука (см. табл. 1 на стр. 90). Особенно характерно окончание 1-го л. ед. ч. наст. вр. *-м*. Окончания личных форм и морфемы именных форм всегда четко отграничены от основы и никогда не сливаются с последним звуком основы и не «впитывают» его в себя. Морфологическая структура всех этих форм отличается прозрачностью; морфологическое членение не представляет трудностей.

4) Внутри слабого спряжения не выделяется никаких дополнительных разрядов. Если согласный, предшествующий суффиксу *-а-*, мягкий, то он остается мягким во всех формах.

Старое (сильное) спряжение

Переходим к рассмотрению сильного спряжения. Оно объединяет старый тематический (*e//o) и полутематический (*ī) тип и подразделяется соответственно на два спряжения. Общими признаками обоих этих спряжений — I и II, или старого спряжения в целом, являются следующие:

1) Основа любого глагола, принадлежащего к сильному спряжению, всегда оказывается в большей или меньшей степени изменчивой, представленной двумя или более вариантами, оканчивающимися на разные звуки — гласные и согласные. Главных вариантов два. Эти варианты условно называются «первой основой», или «основой настоящего времени», и «второй основой», или «основой аориста», причем у многих глаголов «первая основа», в свою очередь, представлена двумя фонетическими вариантами, в зависимости от того, каким гласным — заднего или переднего ряда — начинается то или иное окончание, присоединяемое к этой основе.

У некоторых глаголов варианты основы имеются и в пределах аориста: один вариант для 1-го л. ед. и всех лиц мн. ч., другой — для 2 и 3-го л. ед. ч.: *пеко-х, пеко-хме, пеко-хте, пеко-ха*, но *пече, пече*; страдательное причастие *пече-н*.

Кроме двух главных (традиционных) основ, могут быть — с точки зрения современного состояния языка — выделены дополнительные (производные от главных) основы некоторых форм, а именно:

а) основа имперфекта и причастия имперфекта, производная от «основы настоящего времени»; эта основа выступает либо в одном варианте (при ударении на корне) и оканчивается на -е- (например: *хóде-х, хóде-ше, хóде-хме* и т. д.; *пйше-х, пйше-ше, хóде-л, пйше-л*), либо в двух фонетических вариантах (при ударении на суффиксе основы) и оканчивается на -а- (с предшествующим мягким согласным) и на -е- (например: *четя́-х, четя́-хме, четя́-хте, четя́-ха, вьрвя́-х, вьрвя́-хме, вьрвя́-хте, вьрвя́-ха, четя́-л, вьрвя́-л*, но *четё́-ше, вьрвё́-ше*);

б) у некоторых глаголов — основа аористного причастия на -л, отличная от «основы аориста» (= усеченной «основе аориста»), например: *бо-л, че-л* при аористе *бодо-х, боде, чето-х, чете, пек-ъ-л, пек-ла* при аористе *пеко-х, пече*;

в) основа страдательного причастия и отглагольного существительного, у некоторых глаголов также отличная от «основы аориста», например: *воде-н, воде-не* при *води-х, води*.

Соотношение глагольной основы и основ отдельных групп форм может быть различным. Основа глагола может совпадать с «основой аориста» (например, основа глаголов *бия, живея* — *би-, живе-//живя-* (< *живѣ-*) является одновременно и «основой аориста»; ср. *биз, би, бихме...*, *живял, живял, живялме...*), отличаясь от «основы настоящего времени», и, наоборот, может совпадать с «основой настоящего времени» (например, *ков-*, ср. *кова, ковеш, кови, ковах, ковал, кован*; *дигн-*, ср. *дигна, дигнеш, дигнй, дигнах, дигнал, дигнат*), отличаясь от «основы аориста» (в нашем примере *ковá-, дигна-*). У многих глаголов глагольная основа не совпадает ни с «основой настоящего времени», ни с «основой аориста». Так, у глагола *пиша* «основой настоящего времени» будет *пиш-*, «основой аориста» — *писа́-*, а основа глагола, не совпадая ни с первой, ни со второй основой, выступает в двойственном облике *пиш-//пис-*.

2) Акцентологические отношения в глаголах старого спряжения также заметно отличаются от акцентологических отношений в глаголах

нового спряжения. В противоположность отмеченному единообразию ударения в глаголах нового спряжения, у глаголов старого спряжения ударение разнотипное. По ударению здесь выделяются две большие группы: первая группа — с ударением на основе, например: *б'я, игр'я, пиш'а, пр'авя, вид'я*; вторая группа — с ударением на окончании, например: *ков'а, бер'а, пек'а, сто'я, в'ерв'я*. Глаголы второй группы, за исключением глаголов типа *пек'а* (по предлагаемой ниже терминологии — IV класс I спряжения), сохраняют ударение на соответствующем слоге в аористе и вообще во всех формах. Те же, у которых ударение падает на основу, передвигают его в некоторых категориях к концу слова; ср., например: повелительное наклонение *пиши', пиш'ете, прав'и, прав'ете* (здесь перенос ударения строго определен в литературном языке) и аорист *пис'ах, пис'а, прав'их, прав'и, вид'ях, вид'я* и т. д. Правила переноса ударения в аористе у глаголов такого типа в общем более или менее аналогичны тем, которые действуют в новом (слабом) спряжении.

3) Окончания личных форм и морфем именных форм выглядят у глаголов старого (сильного) спряжения следующим образом:

а) окончания форм настоящего времени и повелительного наклонения и морфемы причастия настоящего времени и деепричастия всегда начинаются гласным звуком или состоят из одного гласного звука (см. табл. 1); в остальной своей части эти окончания и морфемы более или менее аналогичны окончаниям и морфемам нового (слабого) спряжения, за исключением окончаний 1-го л. ед. ч. наст. вр. *-ъ* (в орфографии — *-а* или *-я*) и 1-го л. мн. ч. *-ем* или *-им*, без конечного *-е* (впрочем, в качестве факультативных, более редких форм допускаются и окончания *-еме, -име*, соответствующие норме некоторых западных говоров);

б) окончания имперфекта и аориста и морфем именных форм, образуемых от основы имперфекта и от «основы аориста», совпадают с окончаниями и морфемами, используемыми в соответствующих категориях для глаголов нового (слабого) спряжения (см. табл. 1). Гласный звук, предшествующий согласному окончанию, всегда в этих случаях относится к основе: *пише-х, х'бде-х* и т. д. так же, как *гледа-х; пис'а-х, ходи-х* и т. д. так же, как *гледа'-х*.

Для парадигмы сильного спряжения в целом, а особенно для парадигмы настоящего времени, характерно отсутствие той четкости и «прозрачности» морфологического членения, которая бросается в глаза у глаголов слабого спряжения во всех их формах. Начальный гласный окончаний 2 и 3-го л. ед. и 1 и 2-го л. мн. ч. наст. вр., т. е. гласный *-е-* в I сильном и гласный *-и-* во II сильном спряжении, исторически относившийся к основе, вошел в состав окончания, но занимает в пределах окончания несколько особое место, поскольку у согласной части окончания имеются свои связи с окончаниями глаголов нового (слабого) спряжения. Что же касается гласного *-и-* в глаголах II спряжения, то возможно, что этот гласный сохраняет и некоторую, впрочем слабую, связь с основой, поскольку, например, рядом с *ход-иш* стоит аорист *ходи-х*, и между *-и-* в «основе аориста» и *-и-* в окончании настоящего времени может проводиться известная аналогия, впрочем отнюдь не обязательная.

4) Если внутри слабого спряжения не выделяется никаких более дробных морфологических групп, которые характеризовались бы различиями в образовании форм, то сильное спряжение, наоборот, дробится на большое количество таких морфологических групп, иногда очень мелких и составляющих в совокупности сложную иерархию рубрик большего и меньшего охвата. Естественно, что возникает вопрос о такой номенклатуре этих рубрик, которая правильно отразила бы их взаимоотношения.

Предлагаются следующие обозначения: спряжения — I и II (внутри сильного, или старого, спряжения как определенной целости), классы (внутри каждого из этих двух спряжений), ряды (внутри классов). Термин группа сохраняется за акцентными группами, как они охарактеризованы в п. 2.

Различие между I и II спряжением заключается в различии окончаний четырех личных форм настоящего времени, а именно — 2 и 3-го л. ед. ч. и 1 и 2-го л. мн. ч. (см. табл. 1). Кроме того, для II спряжения обязательна мягкость конечного согласного основы в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. наст. вр.¹ Глаголы I спряжения имеют в этих лицах в конце основы либо мягкий непарный по мягкости-твердости согласный (j или шипящий), либо твердый согласный. Лишь незначительное количество глаголов I спряжения имеют здесь мягкий (парный по мягкости-твердости) согласный в конце основы, причем среди этих глаголов отмечается сильная тенденция либо к замене мягкого согласного твердым, либо к переходу во II спряжение (частично — и в слабое спряжение, чему способствует -а- в основе аориста этих глаголов). Ср., например, следующие параллельные формы:

щипа || *щипа* — *щипеш* — *щипах*;

дрема || *дрема* — *дремеш* — *дремах*;

трепера || *трепера* — *трепереш* || *треперих* — *треперах*;

стеля — *стелеш* || *стелиш* — *стлах*;

меля — *мелеш* || *мелиш* (последнее более употребительно) — *млях*;

коля — *коlesh* || *колиш* (последнее более употребительно) — *клях* || *колих*;

черпя — *черпеш* || *черпиш* (последнее более употребительно)² — *черпах* || *черпих*;

кашля || *кашля* — *кашlesh* || *кашлиш* || *кашляш* (последнее сейчас более употребительно) — *кашлах* (устар.) || *кашлях*;

драця || *драца* || *драскам* — аорист *драсках*;

глождя || *гложда* || *гложгам* — аорист *гложгах* || *глождах* и т. п.

У всех перечисленных глаголов ударение в формах настоящего времени падает на основу, и это способствует их переходу во II спряжение, так как неударное -е- окончаний «автоматически» (благодаря редукции в неударном положении) превращается в восточноболгарском произношении в -и-. Но главная причина перехода не в ударении на основе: есть немало других глаголов I спряжения с таким же ударением (см. табл. 3), однако они не переходят в литературном языке и в большинстве говоров во II спряжение, так как этому переходу препятствует твердость последнего согласного основы.

Переход во II спряжение в формах настоящего времени влечет за собой и соответствующие изменения в формах аориста, в частности — появление аориста на -и- по аналогии с продуктивным типом в составе II спряжения.

Глагол *поря*, принадлежавший раньше к I спряжению (ср. русск. *порешь*), полностью перешел в современном болгарском языке во II спряжение, хотя и сохранил старую форму аориста *прах* (наряду с анало-

¹ Правда, в некоторых, особенно западных, говорах мягкость согласного здесь утрачивается, но это как раз и ведет к смешению обоих сильных спряжений (даже вне условий редукции е > и, характерной для восточных говоров). Форма с отвердевшим конечным согласным основы принята для многих глаголов II спряжения словарем Герова, но в современном литературном языке подобные формы не допускаются, за исключением, кажется, одного глагола *вра* — *вриш* (рядом с *вря* — *вриш*), аорист *врях* (см. Л. Андрейчин. Основна българска граматика, § 212).

² Кроме того, как указывает Л. Андрейчин, наблюдается дифференциация значения: *черпеш нещо*, но *черпиш някого* («Основна българска граматика», § 209—210).

гической *порих*). Почти завершился в современном языке переход во II спряжение глаголов *коля, меля, черпя*.

Приступая теперь, после рассмотрения различий между I и II сильным спряжением, к вопросу о более дробных рубриках, устанавливаемых внутри каждого из этих двух спряжений, охарактеризуем принципы, на основе которых выделяются классы и разряды.

Различия между к л а с с а м и определяются существенными различиями в способах образования «второй основы» и в соотношении обеих главных основ. Классы выделяются только внутри каждого из двух сильных спряжений и подчинены им.

Различия между р а з р я д а м и соответствуют различиям, связанным с вариантами одной и другой основы, различиям в образовании некоторых форм и в образовании дополнительных (производных от главных) основ, а в одном из классов (III классе I спряжения) они соответствуют более частным различиям в способе образования самой второй основы. Разряды выделяются только внутри классов и подчинены им.

А к ц е н т н ы е г р у п п ы не подчинены ни разрядам, ни классам, они пронизывают все сильное спряжение и перекрывают и классы и разряды. Однако морфологическая классификация глаголов, ориентированная на звучание, на живое произношение, не может не учитывать этих очень важных различий, тем более, что в ряде случаев они непосредственно взаимодействуют с выделяемыми классами и разрядами (см., например, IV класс I спряжения, III класс I спряжения и т. д.).

Перейдем к конкретному обзору классов и разрядов, отмечая попутно и те немногочисленные глаголы «с неправильным образованием отдельных форм», которые не укладываются полностью в выделяемые рубрики, хотя в тех или иных отношениях и примыкают к некоторым из них.

Группировка глаголов I сильного спряжения

В I спряжении выделяются четыре класса (основание деления явствует из табл. 2). Глаголы, имеющие перегласовку, объединены с глаголами, основа которых вовсе не изменяет своего фонемного состава, так как перегласовка не создает специфической характеристики «основы аориста». Так, при *пях, пя, пяхме... пял, пяла, пяло* имеем мн. ч. причастия *пели*, согласно общему правилу перегласовки; аналогично при *влякох, влякохме, влякъл* имеем во 2 и 3-м л. ед. ч. аориста — *влече*, в страдательном причастии — *отвлечен*. Совсем другое дело те специфические изменения фонемного состава глагольной основы, которые наблюдаются при образовании основы аориста в III классе и которые представляют собою не менее существенную характеристику этой основы, чем ее суффикс *-а-*. Наличие этих изменений и заставляет отграничить III класс от II, тождественного ему по суффиксу основы аориста. Если бы типы *взема — взех* и *бъда — бидох* были бы представлены большим числом глаголов, то они должны были бы составить два особых класса, которые находились бы в таком же отношении соответственно к I и к IV классам, в каком III класс находится ко II.

Обоснование разрядов, выделяемых в каждом классе I спряжения, явствует из табл. 3. Как показывает эта таблица, разряды в пределах I и II классов связаны с различиями в образовании причастия страдательного залога, разряды в пределах IV класса — с различиями в образовании аористного причастия на *-л*. Разряды в пределах III класса построены на несколько ином принципе: они отражают известные — более дробные — различия во взаимоотношениях первой и второй основы.

Переходим к рассмотрению отдельных классов и разрядов.

I класс включает глаголы корневые, с корнем, оканчивающимся на гласный звук, группу суффиксальных глаголов со словообразовательным суффиксом *-а-* (несет на себе ударение) и большую продуктивную группу суффиксальных глаголов со словообразовательным суффиксом *'а-//е-* (также всегда ударенным). Все эти глаголы образуют «основу настоящего времени» с суффиксом *-j-*, представленным в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. и выпадающим в остальных лицах, в которых, таким образом, «основа настоящего времени» выступает в варианте, совпадающем с «основой аориста» и с глагольной основой. Все глаголы I класса характеризуются однотипным ударением — на последнем гласном основы.

Корневые глаголы составляют первые два разряда.

В 1-й разряд входят глаголы *бия — биеши — бих — бит, вия, гния, крия, мия, пия, рия, трия, шия; дуя, плуя, плюя, чуя, (об)уя, (на)хлуя; позная* и другие приставочные от *зная* (но не самый глагол *зная*, относящийся в современном литературном языке ко 2-му разряду II класса).

Во 2-й разряд входят глаголы *пея — пееши — пях — пят* и *пян* (обычно *изпят, изпян*), *вея, зрея, лея, сея, смеясе, тлея* и нек. др. Впрочем, некоторые из них имеют параллельные формы по 2-му разряду II класса (см. ниже).

Суффиксальные глаголы типа *играя — играеши — играх — игран, влияя, мечта и т. д.* и типа *живея — живеши — живях — (пре)живян, заболея, догневееши* и т. д. входят в состав 3-го разряда.

II класс включает некоторое количество корневых глаголов с корнем, оканчивающимся на согласный, некоторое количество суффиксальных с суффиксом *-j-* (превратившимся у этих глаголов из суффикса «основы настоящего времени» в словообразующий суффикс) и большую продуктивную группу суффиксальных с суффиксом *-н-*. Корневые глаголы имеют ударение на окончании, суффиксальные — на основе.

Глаголы с назальным суффиксом, например, *дигна — дигнеш — дигнах — дигнат*, составляют 1-й разряд.

Во 2-й разряд входят такие глаголы, как *лая — лаеши — лаях — лаян, вая, зная, трая, надея се* и нек. др., а также корневые *кова — коवेश — ковах — кован, кълва, снова, рева, тепа, гребя, гриза, ора*. Ряд глаголов с суффиксом *-j-* обнаруживает колебания между 2-м разрядом данного класса и 2-м разрядом предыдущего, например: *блея — блеях || бляж, вея — веях || вях, зрея — зрех || грях, зрея — зрех || зряж, смея — смеях || смях, рея се — реях се || рляж се, тлея — тлеях || тляж*.

Глагол 2-го разряда *зная* имеет параллельное неправильное образование 1-го л. ед. ч. наст. вр. *знам* (по аналогии с *дам, ям*). Приставочные образования от этого корня обычно не имеют этой особенности и спрягаются, как указано выше, по 1-му разряду I класса.

III класс охватывает корневые глаголы и суффиксальные с заимствованным суффиксом *-нш-//и-* (вроде *мириша*). Этот класс практически непродуктивен в современном языке, но представлен рядом важных и широко употребительных глаголов, несомненно, входящих в основной словарный фонд болгарского языка. Первые три разряда III класса имеют в формах настоящего времени ударение на основе, последние два входят в группу конечноударенных.

К 1-му разряду относятся глаголы *вържа — вържеш — вържах, ближа, кажа, лижа, мажа, нижа, режа, тарихжа; пиша — пишеши — писях, бърша, реша, чеша, мириша* и другие на *-иша*.

Ко 2-му разряду относятся глаголы *лъжа — лъжеш — лъгах, плача — плачеш — плаках, дъвча, смуча, суча, тъпча*.

К 3-му разряду относятся глаголы *капя — капеш — капаш, клепя, жьпя, сипя, трепя, хопя, щипя, скубя, мьмря, бьбля, дремя* и нек. др. Сюда же примыкают *глождя (гложгах)* и *драця (драсках)*, имеющие одновременно признаки, сближающие их с 1 и 2-м разрядами. Весь 3-й разряд обнаруживает тенденцию к исчезновению. Многие принадлежавшие к нему глаголы перешли или переходят во II (иногда в III, т. е. новое) спряжение или — с утратой мягкости последнего согласного основы в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. наст. вр. — во II класс I спряжения.

К 4-му разряду относятся пять корневых глаголов; корень у всех пяти оканчивается на *-р-*: *вра — вреш — врях, мра, зра, пра, стра*. Исторически здесь *-а-* в аористе, конечно, не суффикс, а часть корня (ст.-сл. оумьрж — оумьрѣти <* meг-ti; ср. русск. *умереть*). Восходя к *ѣ*, звук этот подвергается перегласовке, например, *врели*; в этом проявляется его неоднородность с суффиксом *-а-* остальных разрядов и II класса. И все же, с точки зрения современного языка, наиболее правильным представляется включение всех этих глаголов в III класс на правах особого — в нашей нумерации 4-го — разряда. Сюда же примыкает неправильный (дефективный) глагол *ща — щеш — щях — (до)щя (му се)*.

В 5-й разряд входят глаголы *дера — дереш — драх, бера, пера* и т. д. По этому же типу образуют иногда свою «основу аориста» глаголы *зова — звах* (обычное, однако, *зоваш*, см. II класс) и *тѣка (или тѣча) — тѣчеш — ткаж (и тѣках, тѣчах)*.

Особняком стоят глаголы *стеля и меля*, вообще переходящие во II спряжение. Мягкость последнего согласного основы в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. наст. вр., судьба этих глаголов (их переход во II спряжение), принадлежность их к первой акцентной группе — подсказывают их включение, поскольку они сохраняют формы I спряжения, в 3-й разряд рассматриваемого класса. Однако глагол *меля* сохраняет мягкость конечного согласного основы и в аористе, т. е. обнаруживает связь с 4-м разрядом. У глаголов *меля — млях* и *стеля — стлах* обнаруживаются признаки и 5-го разряда — чередование гласного *е* с нулем в «основе аориста» (хотя исторически в форме *млях* <* melxъ было другое чередование; ср. русск. *молоть*).

К III классу должен быть отнесен неправильный глагол *мога — можеш — можаш — могьл*, образующий аорист с заменой *г — ж*, а причастие аориста — по IV классу.

Страдательное причастие у всех глаголов III класса, способных иметь его, образуется при помощи морфемы *-н*.

IV класс отмечен следующими особенностями: «основа аориста» (на *-о-/-е-*) представлена вариантом на *-о-* в 1-м л. ед. ч. и во мн. ч. аориста, вариантом на *-е-* во 2 и 3-м л. ед. ч. аориста и в страдательном причастии. Если корень оканчивается на заднеязычный согласный, перед суффиксом *-е-* имеют место (как и в настоящем времени) соответствующие чередования (например, *пекох — пече*). Страдательное причастие характеризуется морфемой *-н*. Общей особенностью всех глаголов IV класса является образование причастия на *-л* от усеченной «основы аориста» (без суффикса *-о-/-е-*, а у определенной части глаголов — и без конечного согласного корня, если этот согласный *д* или *т*).

Класс непродуктивен и представлен только корневыми глаголами с корнем, оканчивающимся на заднеязычный или переднеязычный согласный. В отношении ударения в формах настоящего времени большинство глаголов IV класса входит во 2-ю группу, но в аористе ударение переносится на корень. У глаголов с этимологическим *ѣ* в корне имеет место чередование *'а//е* (*вялякох, вялече*).

В состав 1-го разряда входят глаголы с корнем, оканчивающимся на -к-, -с- и -з-: *пека — печеш — пекох — пече — пекъл — печен, тека, река, влека, (об)лека, сека* (аорист с перегласовкой: *вякох, облякох, сякох*); *паса — пасеш — пасох — пасъл, неса, треса* и (с ударением на основе) *леза — лязох — лезе — лязъл*.

В состав 2-го разряда входят глаголы, корень которых оканчивается на -д- и -т-: *бода — бодеш — бодох — бол; веда, клада, преда, мета, плета, раста, чета*. Кроме того, ко 2-му разряду относятся два старых атематических глагола, сохраняющих неправильное образование 1-го л. ед. ч. наст. вр.: *дам — дадеш — даде... — дадох — даде — дал — даден, ям — ядеш — яде... — ядох — яде — ял — яден*. Неправильными являются у этих глаголов и формы повелительного наклонения — *дай, дайте* и *яси, ястите*.

По характеру корня ко 2-му разряду относится дефективный (супплетивный) глагол *ида — идеш — идох — иде* (обычно *отидох, отиде* и *дойдох, дойде*). По ударению этот глагол относится к 1-й группе. Причастие на -л образуется от другой основы: *дошел* или *дошъл, отишел* или *отишъл*.

Вне классов стоят следующие глаголы I спряжения:

1) Два корневых глагола, «основа аориста» которых образуется с резким изменением фонемного состава корня, как у III класса, но без всякого суффикса, присоединением аористных окончаний и морфем именных форм непосредственно к корню, как у глаголов 1 и 2-го разряда I класса. Это глаголы *-ема* (*взема* и т. д.) — *-емеш — -ех — -ел — -ет* и *кълна — кълнеш — клех — клел — клет*. У обоих глаголов отмечается тенденция к переходу во II класс, проявляющаяся в образовании аналогических форм аориста *вземах* и *кълнах*. Правда, А. Теодоров-Балан рассматривает эти формы как диалектные¹, но *вземах, взема* в качестве аориста от глагола *взема*, совершенного вида², встречается и в художественной литературе, притом не только при передаче прямой речи героев, но и в авторском тексте³.

2) Один корневой дефективный глагол *бѣда — бѣдеш — бѣдох — бѣде — бил*, входящий в систему форм супплетивного глагола *съм* (быть). Основа аориста *бидо//биде* образована здесь с резким изменением фонемного состава корня, как у глаголов III класса, но с использованием суффикса *-о//е-*, как в IV классе. С IV классом сближает этот глагол и отсутствие звука -д- в форме причастия *бил*, хотя исторически -д- здесь и не предполагается (корень имел форму *бы-*, а болг. *бидох* представляет собой аналогическое образование по *бѣда* и по *бил*).

Группировка глаголов II сильного спряжения

Глаголы II спряжения распадаются на два класса, а каждый класс — на два разряда. Основания деления явствуют из таблицы 4 и не нуждаются в комментариях. Первый класс продуктивен. Второй непродуктивен и насчитывает около 100 глаголов. Страдательное причастие у всех глаголов II спряжения, способных иметь его, образуется с суффиксом *-н*. По ударению настоящего времени выделяются две группы, как показано в таблице 4.

¹ Ср. А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика, стр. 238.

² Есть омоним *вземѣх, вземѣ* — аорист несовершенного глагола *вземам*, спрягающегося по слабому спряжению.

³ Например, у И. Вазова: *Сбогом, стрино, — и Лалка си вземѣ пак омбрелата. Тя приличаше на пиян човек* («Под игото», II, VI).

К I классу относятся, например, следующие глаголы:

1-го разряда 1-й группы: *уча — учиши — учиш — учен, грижа се, пържа, служба, положжа, вържа, плажа, пуша, мъча, получа, преча, скоча, харча.*

1-го разряда 2-й группы: *лижа — лижиши — лижих — лишен, греша, реша, суша, лича, увеличи* и мн. др.

2-го разряда 1-й группы: *правя — правиши — правих — правен, бавя, готвя, ровя, тровя, губя, грабя, любя, скубя, купя, вадя, нося, моля, мамя, каня, говоря* и мн. др.

2-го разряда 2-й группы: *лепя — лепиши — лепих — лепен, хабя, глобя, ловя, деля, каля, варя, горя* (жечь, сжигать), *даря, меня, родя, платя, гостя, честитя, гася* и мн. др. и с «основой наст. вр.» на -j-: *броя — броиши — броих — броен, доя, кроя, поя, строя, беспокоя, тая, струя.*

Ко II классу относятся, например, следующие глаголы:

1-го разряда — только с ударением на окончании: *държа — държиши — държах, лежа, ръмжа, тежа, звуча, муча, мълча, гълча, фуча, хвърча* и др.

1-го разряда 1-й группы — глагол *видя — видиши — видях* и его производные, в частности *завидя, предвидя, обидя.*

2-го разряда 2-й группы: *вървя — вървиши — вървах, кипя, търпя, гърмя, шумя, летя, шептя, цвятя, седя, горя* (гореть, стогать), *вяря, боля* и др. и глаголы с «основой наст. вр.» на -j-: *стоя — стоиши — стоях, боя се, избуя.*

Особняком, вне классов, стоит несколько глаголов II спряжения, образующих «основу аориста» с суффиксом -а- и с изменением фонемного состава корня — заменой мягкого согласного на конце корня соответствующим твердым или шипящим — соответствующим свистящим. Это глаголы *спя — спиши — спях — спал, бележа — бележиши — белезах — белязал — белязан* (и *бележих* по I классу II спряжения); перешедшие из I спряжения *коля — колиши — клых* и т. д. (и *кожих, колил, колел* по I классу II спряжения) и *поря — пориши — прах* (и *пориш*). Как уже было отмечено, и в *кла-* и в *пра-* звук -а- исторически не является суффиксом (в противоположность -а- в *спа-*), а представляет собой часть корня (ср. русск. *колоть, пороть*). Однако, с точки зрения современного языка, эти формы воспринимаются как состоящие из корня с нулем корневого гласного и суффикса -а-.

Неправильный глагол *съм*

Возможно, что в педагогических целях наиболее уместно выделять все глаголы, имеющие в своем спряжении те или иные неправильности, в общую группу неправильных глаголов, как это сделано в грамматике Л. Андрейчина. Однако, устанавливая полную классификацию глаголов, следует дифференцированно подходить к «неправильным» глаголам болгарского языка, распределить их в соответствии с теми классами и разрядами правильных глаголов, к которым они аналогически примыкают. Выше была сделана попытка такой разбивки: перечисляя классы и разряды правильных глаголов, мы одновременно указывали, какие неправильные глаголы примыкают к тому или иному разряду или классу.

В результате у нас остается, собственно говоря, один только неправильный глагол, полностью стоящий вне сильного и слабого спряжения и отличающийся даже особыми, только ему одному присущими окончаниями в некоторых лицах, — глагол *съм*.

Ср. форму 2-го л. ед. ч. *си*, форму 3-го л. мн. ч. *са* (собственно *сѣ*) — без конечного -т, супплетивное образование основы аориста-имперфекта, самый факт совпадения этих двух времен и т. д. Отметим, что

Неофит Рыльский именно глагол *съм* и считал единственным неправильным глаголом современного болгарского языка.

Такова предлагаемая морфологическая классификация болгарских глаголов. Не станем настаивать на каждой детали. Однако было бы важно принципиально обсудить ее общее направление, те основные теоретические положения, на которых базируется морфологическое членение глагольных форм и вытекающая из этого членения классификация, те главные критерии, которые кладутся в основу деления спряжений, классов, разрядов и групп, наконец — вопросы терминологии, как известно, довольно важные в нашей грамматической науке.

Таблица 1

Окончания личных форм и морфемы именных форм

	Новое (слабое) спряжение	Старые (сильные) спряжения		
		I	II	к какой основе присоединяются
Настоящ. вр.	-м -ш — -ме -те -т	-ъ ¹ -еш -е -ем (е) ² -ете -ът ¹	ъ ¹ -иш -и -им (е) ² -ите -ът ¹	к «основе настоящего времени»
Повелит. накл. {	-й -йте	-и, — ³ -ете, -те ³		
Прич. наст. вр.	-щ (+ а, о, и)	-ещ, -ащ ⁴ (+ а, о, и)		
Деепричастие	-йки	-ейки		
Имперфект	-х, -ше, ше; -х.ме ⁵ , -х.те ⁵ , -х.а ⁵			
Прич. имперф.	-л (+ а, о, и)			
Аорист	-х, —, —, -х.ме ⁵ , -х.те ⁵ , -х.а ⁵			к «основе аориста» ⁷
Прич. аориста	-л (+ а, о, и)			
Страдат. прич.	-н, -т ⁶ (+ а, о, и)			
Отглагол. сущ.	-н.е ⁵ (мн. ч.: -н.ие ⁵)			

Примечания к таблице 1

1) Окончания 1-го л. ед. и 3-го л. мн. ч. глаголов старого (сильного) спряжения даются в таблице согласно восточноболгарскому произношению, признаваемому в качестве орфоэпической нормы. Наряду с этим произношением существует также произношение -а и -ат. Качество согласного, стоящего перед окончанием (его твердость или мягкость), естественно, не принимается во внимание в таблице.

2) Окончания -еме и -име существуют на правах факультативных (и притом более редких) вариантов. Нормой является -ем и -им.

3) Флексии нуль и -те используются теми глаголами старого (сильного) спряжения, «основа настоящего времени» которых оканчивается на *j* (*зная — знай, знай-те; живеея — живей, живей-те; стоя — стой, стой-те*) и несколькими глаголами, принадлежавшими — полностью или частично — к старому атематическому классу или испытывавшими влияние

со стороны этого класса, а именно: *яж, яж-те; виж, виж-те; дрѣж, дрѣж-те* (причем глаголы *яж* и *виж* имеют чередование согласных; ср. *ядеш, видиш*). Сюда же примыкает изолированное повелительное наклонение *ела, елате*.

4) **-ащ** встречается у некоторых конечноударенных глаголов старого (сильного) спряжения в качестве факультативного варианта рядом с **-ещ**; при этом перед **-ащ** последний твердый согласный основы всегда заменяется соответствующим мягким; ср. *чета — четящ* (рядом с *четещ*).

5) Точка внутри окончания (и морфемы **-н.е**) обозначает дальнейшую членимость данного элемента.

6) Морфема **-т** используется в страдательном причастии глаголов 1 и 2-го разрядов I класса и 1-го разряда II класса глаголов I старого спряжения (причем во 2-м разряде I класса — наряду с морфемой **-н**). Морфема **-н** используется подавляющим большинством глаголов старого спряжения и всеми глаголами нового (слабого) спряжения, способными иметь страдательное причастие.

7) У глаголов IV класса I старого спряжения причастие аориста образуется от видоизмененной (усеченной) «основы аориста» (см. табл. 3). У глаголов I класса II старого спряжения страдательное причастие и отглагольное существительное образуются от видоизмененной «основы аориста» (см. табл. 4).

Таблица 2

Классы глаголов, выделяемые в I спряжении

«Основа аориста» образуется	Без специального суффикса (= глагольной основе)	С суффиксом -а-	С суффиксом -о-/-е-
С переглаской или вовсе без изменения фонемного состава глагольной основы	I класс <i>бия — бих, пяя — пях, играя — играх, жсивея — жсивях</i>	II класс <i>дигна — дигнах, лая — лаях, кова — ковах</i>	IV класс <i>паса — пасох, влека — влякох, плета — плетох</i>
Со специфическим изменением фонемного состава глагольной основы	(вне классов неправильн. гл. <i>вэма — вэех, кълна — клех</i>)	III класс <i>кажа — казах, лъжа — лъгах, каля — капах, вра — врях, дера — драх</i>	(вне классов неправильн. гл. <i>бъда — бидох</i>)

Таблица 3

Группы и разряды, выделяемые в I спряжении

Классы и разряды	Группы	
	1-я группа (ударение в наст. вр. на основе)	2-я группа (ударение в наст. вр. на окончании)
I класс	1 разр.: страдат. прич. с морфемой -т	<i>бия — бих — бит</i>
	2 разр.: страдат. прич. с морфемами -т и -н	<i>пяя — пях — изпят // изпян</i>
	3 разр.: страдат. прич. с морфемой -н	<i>играя — играх — игран жсивея — жсивях — прежсивян</i>
II класс	1 разр.: страдат. прич. с морфемой -т	<i>дигна — дигнах — дигнат</i>
	2 разр.: страдат. прич. с морфемой -н	<i>лая — лаях — лаян кова — ковах — кован</i>

Таблица 3 (продолжение)

Классы и разряды		Группы	1-я группа (ударение в наст. вр. на основе)	2-я группа (ударение в наст. вр. на окончаний)
III класс	1 разр.: «основа наст. вр.» на шипящий, «основа аориста» на свистящий 2 разр.: «основа наст. вр.» на шипящий, «основа аориста» на заднеязычный 3 разр.: «основа наст. вр.» на мягкий, «основа аориста» на твердый 4 разр.: «основа наст. вр.» на твердый, «основа аориста» на мягкий 5 разр.: «основа аориста» с нулем корневого гласного		<i>кажа — кажах пиша — писах</i>	—
			<i>лъжа — лъжах плача — плаках</i>	—
			<i>каля — калях дрема — дремах</i>	—
			—	<i>вра — врях</i>
			—	<i>дера — драх</i>
IV класс	1 разр.: прич. аориста от основы, равной корню (со вставкой -ъ- в ед. ч. муж. р.) 2 разр.: прич. аориста от основы, равной корню минус последний согласный		<i>леза — лязах — лязъл</i>	<i>паса — пасох — пасъл река — рекох — рекъл влека — влякох — влякъл</i>
			—	<i>плета — плетох — плел бода — бодох — бол</i>

Таблица 4

Классы, группы и разряды глаголов, выделяемые во II спряжении

Классы и разряды		Группы	1-я группа (ударение в наст. вр. на основе)	2-я группа (ударение в наст. вр. на окончаний)
I класс: «основа аориста» с суффиксом -и- (в страдат. прич. -е-)	1-й разряд: «основа наст. вр.» не имеет вариантов (основа на шипящий)		<i>уча — учиш — учих — учен</i>	<i>суша — сушиш — суших — сушен</i>
	2-й разряд: «основа наст. вр.» имеет по два варианта (с мягк. и тверд. конечным согласным или с j и без j)		<i>права — правиш — правих — правен</i>	<i>лепа — лепиш — лепих — лепен броя — броиш — броих — броен</i>
II класс: «основа аориста» с суффиксом -а- (после мягкого согласного)	1-й разряд: «основа наст. вр.» не имеет вариантов (основа на шипящий)		—	<i>държа — държиш — държах — държан</i>
	2-й разряд: «основа наст. вр.» имеет по два варианта (с мягк. и тверд. конечным согласным или с j и без j)		<i>видя — видиш — видях — виден</i>	<i>търпя — търпиш — търпях — претърпян боя се — боиш се — боях се</i>

ЗАСЕДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(14 мая 1952 г., утро)

Председательствует проф. С. Б. Бернштейн

И. Ю. Бунина

(Институт славяноведения АН СССР)

Доклад Ю. С. Маслова посвящен одной из важных проблем болгарской грамматики — проблеме классификации болгарских глаголов, которая до сих пор не получила должного разрешения. Поэтому не случайно вопрос этот был вынесен на предварительное обсуждение.

Большинство лингвистов подходит к классификации болгарских глаголов с меркой старославянского языка, в то время как эта проблема должна решаться на основе анализа форм современной грамматической системы болгарского языка.

В связи с синхронным подходом большое значение приобретает вопрос о морфологическом членении глагольных форм. И не случайно этот вопрос занимает в докладе Ю. С. Маслова значительное место.

Важность и необходимость этого раздела, упущенного в «Перспекте», выяснились в процессе работы над классификацией глагольных форм.

Таким образом, лишь правильная постановка вопроса о морфологическом членении глагольных форм может обеспечить правильное построение классификации болгарского глагола.

В болгарской грамматической науке все эти вопросы не разработаны. Поэтому Ю. С. Маслову, естественно, приходилось опираться на те достижения, те искания, которые имеются в русской грамматической литературе. Основной исходный тезис, который кладется на основу морфологического членения глагольных форм, не вызывает никаких возражений. Он сформулирован на одной из первых страниц доклада:

«...морфологическое членение всегда основывается на сравнении данной формы, во-первых, с другими формами того же слова и другими словами, образованными от того же корня, и, во-вторых, с аналогичной формой других слов (относящихся к тому же морфологическому классу и к другим морфологическим классам). Выделяя в ходе сравнения общее и различное (но абстрагируясь при выделении различий от очевидных фонетических различий), мы и получаем те части слова, те отрезки звучания, которые называются м о р ф е м а м и».

Это исходное положение дает Ю. С. Маслову возможность по-новому поставить вопрос о так называемом III болгарском спряжении. Совершенно правильно и убедительно докладчик показывает противоположность

двух видов спряжения в современном болгарском языке: с одной стороны, III спряжения, которое он называет «новым», или «слабым», с другой стороны, «сильного», по терминологии Ю. С. Маслова, или I и II по нумерации, принятой в болгарских грамматиках.

Предложенные термины — «новое» и «старое» или «слабое» и «сильное» — представляются мне не совсем подходящими. Поскольку автор сам не уверен в них, следует подыскать более удачные термины.

Но суть дела не в терминах, а в самом противопоставлении, которое вполне закономерно, с точки зрения современного болгарского языка.

Весьма плодотворной представляется также формулировка понятия глагольной основы в противоположность понятию основы группы форм, которая определилась также в результате нового подхода к морфологическому членению глагольных форм.

Однако Ю. С. Маслов не всегда последовательно и до конца проводит принцип морфологического членения, изложенный им на первых страницах доклада.

Морфологическое членение основывается, как говорит Ю. С. Маслов, на сравнении, опирающемся на звуковые тождества. Следует заметить, что всякое звуковое тождество может, со своей стороны, вызвать определенные связи и аналогии.

Ввиду этого необходимо учитывать всю совокупность возможных сопоставлений, возникающих при сравнении глагольных форм, в частности при рассмотрении форм настоящего времени I и II спряжений.

Сопоставление форм *береш* — *ходиш* — *купуваш* и сопоставление каждой из этих форм с другими формами внутри парадигмы (например, формы *береш* с формами *бера*, *бере* и др.) в анализе, предложенном Ю. С. Масловым, разорваны, не связаны. Выделение окончаний *-еш*, *-иш*, *-им*, *-ем*, *-ете*, *-ите*, где гласные *е* и *и* относятся к окончанию, не фиксирует связи I и II спряжений с III спряжением, которая имеется у них по линии флексий.

Гласные *е*, *и* в этих формах нельзя относить ни к основе, ни к окончанию. Формы *береш*, *ходиш* следует сравнивать не только между собой, но и с соответствующими формами III спряжения (*купуваш*).

Такое сравнение более чем основательно, поскольку III спряжение является самым продуктивным в современном болгарском языке.

Всесторонний анализ позволяет выделить гласные *е*, *и* в качестве самостоятельных морфем, роль которых состоит в соединении основы глаголов на согласный с окончанием. В связи с этим мне представляется, что различие между «старым» и «новым» спряжением следует усматривать не столько в характере окончаний, сколько в особенностях основ: глаголы I и II спряжений в современном болгарском языке все имеют основу на согласный, глаголы III спряжения — основу на гласный *а*.

Что касается самой классификации, то мне кажется, что она построена удачно, во всяком случае удачнее, чем во всех имеющихся грамматиках.

Она учитывает все различия, имеющиеся между глагольными формами в болгарском языке, что обеспечивает возможность образования любой формы от любого глагола.

Однако не все то, что учитывается в качестве различий, может быть принято во внимание. Так, противопоставление форм 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. наст. вр. прочим формам в глаголах II спряжения вызывает сомнения с точки зрения фонологической интерпретации этих форм.

Э. И. Полторадная

(Институт славяноведения АН СССР)

Доклад Ю. С. Маслова вызывает большой интерес именно потому, что в нем затронуты два важных вопроса грамматики болгарского языка: о морфологическом членении и о классификации глаголов. Это очень сложные вопросы. Авторы книги по болгарской грамматике должны внести ясность в решение этих двух вопросов и решить их на основе самой передовой в мире советской лингвистической науки.

На мой взгляд, докладчик оба эти вопроса в общих чертах решает верно. Мне хочется особо подчеркнуть то новое, что вносится в решение этих вопросов в докладе Маслова.

Прежде всего он выдвигает новую, собственную точку зрения в отношении членения форм наст. вр. глаголов, в первую очередь — глаголов III спряжения, или, как это спряжение называется в докладе, «а-спряжения».

Автор доклада относит гласную *а* в этих глаголах к основе во всех формах. Ю. С. Маслов занимает правильную позицию и в вопросах членения форм наст. вр. глаголов I, II спряжений, относя гласные *е* и *и* к окончанию и называя их начальными гласными окончания.

Вполне правомерно в докладе выделение двух глагольных основ — основы настоящего времени и основы аориста. Что касается третьей глагольной основы, то необходимо уточнить, на основании чего автор определяет эту основу, и следует подумать, надо ли ее выделять. Иногда эта основа выступает как абстракция.

Что касается того, как назвать спряжения, которые имеются в болгарском языке, то такие термины, как «сильное» и «слабое», «старое» и «новое», не подходят. Я считаю, что в грамматике современного болгарского языка можно ограничиться названиями — первое, второе и третье спряжения.

Ю. С. Маслов говорит о том, что в говорах наблюдается отступление от литературной нормы в окончаниях 1-го л. мн. ч. глаголов, что в западных говорах встречается окончание *-ме* у глаголов I и II спряжения. Это окончание встречается не только в западных, но и в восточных говорах, в частности — в котленском говоре.

Что касается классификации глагольных форм, предлагаемой Ю. С. Масловым, то мне кажется, что она должна быть признана вполне удовлетворительной.

Эта классификация дает возможность образовать от любого глагола любую форму. Тому требованию, которое предъявляется к классификации, до некоторой степени идеальной, классификация, предлагаемая Ю. С. Масловым, вполне отвечает. Если мы сравним ее с существующими классификациями, то должны будем отметить, что она является самой удачной не только в том смысле, что она наиболее компактна, но и в том смысле, что в ней учитываются все существенные особенности, которые наблюдаются при образовании глагольных форм.

Е. И. Безикович

(Ленинградский государственный университет)

Мне хочется остановиться на тех принципиальных вопросах, которые служат основой доклада. Нужно ли противопоставлять III спряжение I и II спряжениям, называть его «слабым» спряжением, вместо третьего, как оно называлось до сих пор в болгарских грамматиках? Следует ли вводить термины «сильное» и «слабое» спряжение? Нужно ли такое пе-

реименование, прибавляет ли это переименование что-нибудь в смысле выявления особенностей каждого спряжения, тем более, что в русском языке гласная *е* характеризует I спряжение, гласная *и* характеризует II спряжение? Там, где деление, скажем, в немецком языке, ограничивается только двумя типами спряжения, — оно оправдано, а там, где деление на слабые и сильные не исчерпывает всех существенных различий спряжения, там такое деление не имеет смысла.

Уточнив путем анализа наличие разнообразия основ у глаголов I и II спряжений, докладчик делит глаголы сначала на классы, потом на разряды и в конце концов на группы.

При делении глаголов на классы докладчик берет во внимание способ образования аориста и его отношение к основе настоящего времени. Руководствуясь этим принципом, он получает четыре класса в I спряжении — вместо восьми разрядов некоторых болгарских грамматик, где деление основано только на различии основ аориста, — и два класса во II спряжении, как и во всех болгарских грамматиках.

Докладчик берет не только эти изменения. Он отмечает также изменения конца основы, которые происходят при переходе глагола из настоящего времени в аорист (чередование шипящих и свистящих, шипящих и заднеязычных и др.). Эти изменения дают основание докладчику делить глаголы на разряды.

Следующий этап деления происходит на основании перемещения ударения у разных глаголов в разных формах.

Система в целом приемлема. Она, может быть, будет трудной при практическом преподавании на первых курсах университета, но при дальнейшем изучении языка она сыграет очень большую положительную роль. Я настаиваю только на том, что следует сохранить традиционное деление на спряжения. Кроме того, вопрос об ударении нужно рассматривать отдельно, не связывая его с классификацией. Для практического преподавания нужно упростить задачу и принять менее сложную систему морфологической классификации глагольных форм болгарского языка.

В. К. Журавлев

(Московский государственный университет)

Проблема классификации болгарских глаголов имеет большое практическое и научное значение. Преподаватели и исследователи болгарского языка отмечают существенные недостатки имеющихся классификаций. Поэтому понятен огромный интерес к докладу Ю. С. Маслова, к его новой классификации глаголов. Мне, болгароведу-диалектологу, хочется высказать ряд замечаний по докладу, рассказать о том, в каком отношении находится диалектологический материал к основным теоретическим положениям доклада, поделить свой опыт классификации болгарских глаголов.

Занимаясь монографическим описанием говора одного болгарского села, я пришел к выводу, что без предварительной классификации глаголов невозможно описание глагола отдельного говора, что классификация — отправной пункт изучения глагола в говоре.

Я хочу предложить вашему вниманию классификацию глагола тап-

бунарского говора. Но прежде чем переходить к этой классификации, хочу сказать несколько слов о докладе Ю. С. Маслова.

Прежде всего необходимо подчеркнуть историчность предложенной Ю. С. Масловым классификации и тот факт, что основные теоретические положения и принципы классификации вполне подтверждаются диалектологическим материалом. Особенно важными мне кажутся следующие положения:

1) диалектологический материал подтверждает правильность принципа морфологического членения и его связь с проблемой классификации;

2) диалектологический материал диктует необходимость выделения глагольной основы;

3) диалектологический материал подтверждает необходимость и обоснованность разграничения атематического (III) и тематического (I и II) спряжений.

Перехожу к замечаниям по самой классификации Ю. С. Маслова.

Во-первых, мне кажется не вполне последовательным принцип морфологического членения (выделение окончаний глаголов тематического и атематического спряжений).

Во-вторых, не вполне последовательно произведено выделение глагольной основы. Это связано с непоследовательностью в морфологическом членении. С этим же связано отсутствие определения глагольной основы.

В-третьих, не вполне последовательно проведена классификация глаголов. Например, в тезисах сказано, что группы выделяются в соответствии с различием в ударении, однако в самой классификации деление на группы произведено и на основании других признаков. Еще пример — разграничение II и III классов I спряжения проведено на основании изменения фонемного состава, однако и внутри I и IV классов можно провести разделение на основании этого же признака. Не ясно, почему на основании одного и того же признака в одном случае выделяются классы, а в другом случае не выделяются.

В-четвертых, я не вполне согласен с терминологией, особенно мне не нравятся термины «сильное» и «слабое» спряжение. По-моему, термины «тематическое» и «атематическое» спряжение должны быть признаны более удачными. Эти термины применялись и применяются для глаголов старославянского языка. При этом атематическое спряжение современного болгарского языка имеет некоторую генетическую связь с атематическим спряжением старославянского языка.

Так, например, флексия 1-го л. ед. ч. наст. вр. болгарского языка -м имеет бесспорную генетическую связь с флексией -мь старославянского.

И, наконец, в-пятых, о продуктивности некоторых групп. Мне хочется высказать некоторое сомнение в том, что, например, группа глаголов 1-го разряда первого спряжения, в которую входят глаголы типа *живея* — *живях*, является продуктивной. Я думаю, что, несмотря на наличие большого количества глаголов в этом разряде, это количество ограничено и новообразований по этому типу язык не дает.

Перед классификацией должен быть дан раздел о глагольном словообразовании, нужно теснее увязать проблему классификации с проблемой словообразования и морфологического членения. Гораздо легче говорить о продуктивности того или иного суффикса, способа образования, чем о продуктивности того или иного разряда. После выяснения словообразовательных суффиксов будет яснее картина продуктивности и морфологического членения.

Теперь разрешите мне поделиться своим опытом классификации ташбунарского глагола (говор относится к группе северо-восточных болгарских говоров).

Глагольной основой мы называем ту часть данного глагола, которая проходит через все его формы, не подвергаясь существенным изменениям, и содержит лексическое значение глагола (т. е. является основой образования глагольных форм).

При формообразовании глагол получает соответствующие окончания (большей частью — согласные звуки), которые присоединяются к глагольной основе двояким образом. Если глагольная основа оканчивается на гласный, то эти окончания присоединяются непосредственно к глагольной основе, например: *гл'эда-ш*, *гл'эда-ши*, *гл'эда-ј*, *гл'эда-н*, *гл'е'да-х*, *гл'е'да-л*; глагольная основа — *гледа-*. Если глагольная основа оканчивается на согласный, то окончания присоединяются при помощи гласных, называемых тематическими, например: *кув'-э-ш*, *кув'-э-ши*, *кув'-у*, *кув'-а-н*, *кув'-а-х*, *кув'-а-л*; *кув* — глагольная основа, *-е-* и *-а-* — тематические гласные.

В соответствии с этим все глаголы делятся на тематические и атематические.

Тематические глаголы, в зависимости от того, какой тематический гласный они получают при образовании основы настоящего времени, делятся на два спряжения.

Глаголы, получающие тематический гласный *-е-*, относятся к I тематическому спряжению (*пос-э-ш*, *кув-э-ш*).

Глаголы, получающие *-и-*, относятся ко II тематическому спряжению (*б'эл-и-ш*, *жув-и-ш*).

Дальнейшее деление на разряды производится в соответствии со способом образования основы аориста.

Первое спряжение в говоре делится на два разряда. В первый разряд входят глаголы, основа аориста которых образована при помощи тематического гласного *-и-/-а-*, например: *нас'э*, *нас'-э-ш*, *нас-а-х*, *нас-и* и т. д. (отмечено 16 глаголов).

Во второй разряд входят глаголы, основа аориста которых образована при помощи тематической гласной *-а-*, например: *кув'-э-ш*, *кув'-а-х* и др. (отмечено 11 глаголов).

Второе спряжение в говоре делится на три разряда.

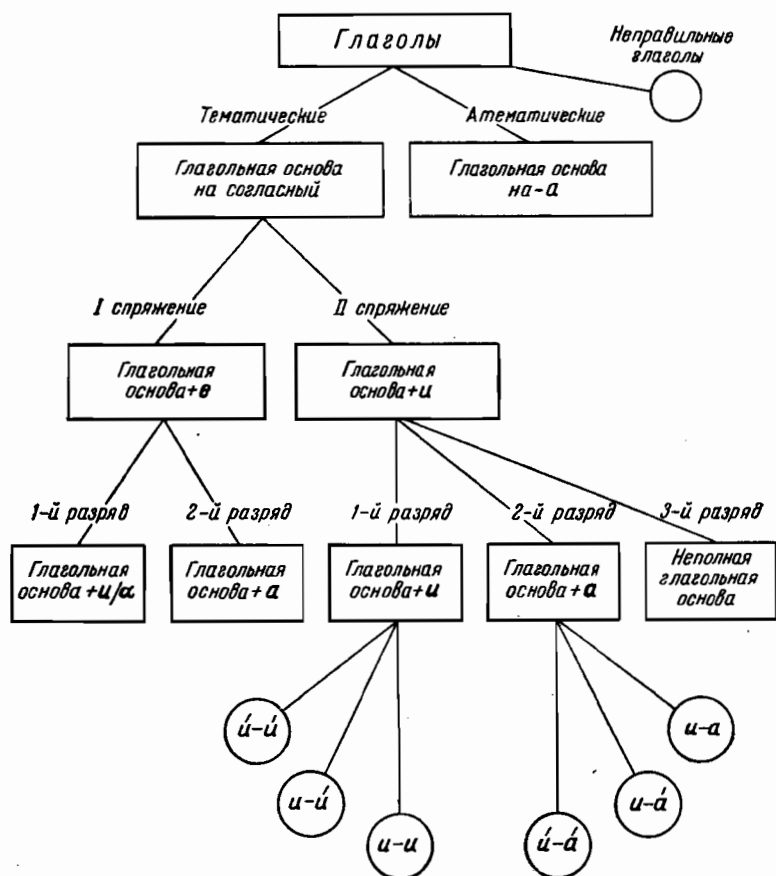
В первый разряд входят глаголы, образующие основу аориста при помощи тематической гласной *-и-*, например: *дим'-и-ш*, *дим'-и-х*, *б'эл'-и-ш*, *б'ил'-и-х*, *к'уп'-и-ш*, *к'уп'-и-х*, *к'уп'-и* (отмечено 55 глаголов).

Во второй разряд входят глаголы, основа аориста которых образуется от глагольной основы при помощи тематического гласного *-а-*, например: *млч'-и-ш*, *млч'-а-х*, *в'ид'-и-ш*, *в'ид'-а-х*, *к'ипн'-и-ш*, *к'ипн'-а-х* (отмечено 74 глагола). В зависимости от ударения глаголы 1 и 2-го разрядов делятся на группы.

В третий разряд входит большинство глаголов с глагольной основой на *-ј-*, которые при образовании основы аориста его отбрасывают. Это глаголы типа *б'иј-а*, *б'и-х*, *ч'уј-а*, *ч'у-х*, *с'идл'ај-а*, *сидл'а-х*, а также глаголы, в которых после выпадения *-ј-* происходит чередование *а/е*, характерное для говора, например: *п'эј-а*, *п'а-х* (отмечено 43 глагола).

Этот разряд является как бы промежуточным между тематическим и нетематическим спряжением: при образовании основы настоящего времени глаголы этого разряда получают тематический гласный (как и все

тематические), а основу аориста образуют без тематического гласного (как атематические глаголы). Интересно подчеркнуть, что именно глаголы, когда-то входившие в этот разряд, например, *казаш*, исторически легли в основу так называемого III, атематического, спряжения. И в настоящее время мы наблюдаем переход в атематическое спряжение глаголов именно этого разряда.

Атематические глаголы. Глагольная основа этих глаголов оканчивается на -а, и формообразующие окончания присоединяются непосредственно к глагольной основе, поэтому нет формальной разницы между основами аориста и настоящего времени, нет и деления на спряжения и разряды.

Неправильные глаголы. За пределами живых грамматических отношений остается небольшая группа так называемых «неправильных глаголов». Число их постепенно уменьшается: они или локализируются (*и́да—и́л*) или переходят в систему живых разрядов, например: *калн́ах* вм. *кал'эх*.

Э. А. Якубинская

(Ленинградский государственный университет)

Проблемы, рассматриваемые в докладе Ю. С. Маслова, очень важны, так как без решения вопроса о морфологической классификации нельзя по-настоящему решить вопрос о глагольных формах, их образовании и о дальнейшем движении глагола к упрощению и к объединению тех или других форм.

Язык в процессе развития совершенствуется. В чем же заключается совершенствование языка?

Прежде всего в том, что он отбрасывает незакономерные, с точки зрения современных норм, формы и старается обобщить, распространить живые формы за счет неживых. Поэтому понятен рост «атематических» групп в болгарском глаголе за счет «тематических» групп.

Основные положения доклада мне представляются вполне приемлемыми, а предложенная морфологическая классификация болгарских глаголов в основе своей правильной, отвечающей современным нормам болгарского языка.

В своих выводах Ю. С. Маслов совершенно правильно отмечает, что морфологическое членение и морфологическая классификация не остаются неизменными и поэтому требуют к себе исторического подхода.

Совершенно правильно Ю. С. Маслов объединяет целый ряд классов глаголов. Прежде всего объединяется группа глаголов 1, 2 и 3-го классов в тех случаях, когда они оказываются одинаковыми по своим формообразованиям. Этот принцип надо приветствовать, так как он упрощает усвоение норм болгарского языка и правильно отражает восприятие всех этих отношений живого языка.

Хочу сделать несколько критических замечаний. Прежде всего о так называемых «незначимых» морфемах. Мы привыкли определять морфемы как носителей того или иного значения, лексического или грамматического, как минимальные значимые элементы. Ю. С. Маслов выдвигает положение о том, что существуют морфемы, которые не имеют своего специального значения и выделяются только в сравнении с другими формами слова. При формообразовании глагола, несомненно, есть некоторые морфемы, которые выделяются только на основе противопоставления форм настоящего и прошедшего времени, но они имеют значение — значение основы прошедшего времени.

Хочу еще возразить против терминов «сильное» и «слабое» спряжение. Зачем эти новые термины? Мне кажется, что они ничего не дают. Это пустые термины и совершенно ненужное деление. Не спасают положения и такие названия, как «старое» спряжение и «новое» спряжение, так как все три спряжения, с точки зрения говорящего на болгарском языке, совершенно одинаковы. Никто не замечает, что одно из спряжений возникло позже. Правда, оно более живое, более продуктивное и поэтому развивается за счет других типов спряжения. Это и есть процесс совершенствования языка.

Мне кажется, что нам нужно придерживаться обычного деления на три спряжения, следуя существующей традиции. Кроме того, мы не должны отрывать научную постановку вопроса от практической, всячески приближая их друг к другу, где только это возможно.

У меня еще одно замечание по поводу делений глаголов. На мой взгляд, у Ю. С. Маслова получается очень дробная классификация — четырехстепенная. Прежде всего он делит глаголы на «слабые» и «сильные»,

затем на спряжения, потом идут классы, разряды, за ними группы, причем иногда эти деления перекрещиваются.

Облегчает ли такое дробное деление классификацию глаголов и уместно относить данный глагол непременно к той или другой группе? Думаю, что нет. Мне кажется, что разделение на группы не нужно давать, оно только усложняет классификацию.

Не следует также употреблять термин «класс», который принят в старославянском языке. Нужно говорить о трех спряжениях, а уже внутри этих спряжений — о разрядах.

Основа настоящего времени есть первооснова для деления глагольных спряжений, затем идет второй признак, тут и надо давать разряды или группы, в которые войдут и чередующиеся и нечередующиеся основы как отдельные группы.

Что касается акцентологических типов, о них нужно говорить обязательно, но только не в самой классификации.

Ю. С. Маслов выделяет глагольную основу как некую идеальную основу, а потом дает некоторые варианты. Иногда с глагольной основой совпадает настоящее время, иногда — аорист. А почему не говорить о двух основах, как это вообще принято? Зачем искать какую-то еще идеальную основу в отличие от конкретно выступающей основы настоящего времени и основы прошедшего времени?

Мы должны учитывать особенности каждого славянского языка, но при этом не надо забывать, что материал этот крайне близок и что какой-то совершенно особый подход в каждом отдельном случае, к каждому отдельному языку, нарушает иногда понимание общих закономерностей, присущих всем славянским языкам.

Е. С. Андреева

(Ленинградский государственный университет)

Вопрос о морфологической классификации глагола очень остро стоит не только в болгарском языке, но и в других славянских языках, в частности — в чешском.

В современной чешской грамматике имеются два принципа классификации глагола: деление глаголов по инфинитивной основе или деление глаголов по основе настоящего времени, которая определяется по окончанию 3-го л. ед. ч.

В работе Травничка, переведенной на русский язык, проводится классификация по основе инфинитива. С точки зрения методической, это деление представляет большие неудобства.

Тот же Травничек в некоторых своих работах проводил классификацию глаголов по основе настоящего времени и разделил все глаголы в чешском языке на пять классов (см. его «*Stručná mluvnice česká*, 1945). Эта классификация также неудобна, громоздка, имеет большое число классов с совпадающими окончаниями.

Вопрос о пересмотре классификации совершенно справедливо привлек внимание А. Г. Широковой, которая упростила эту классификацию, предложив деление на три класса и объединив в I классе глаголы типа *něsti*, *minouti*, *bráti*; во II классе — глаголы, оканчивающиеся в 1-м л. ед. ч. на *-m* (*prositi*, *dělati*, *uměti*); в III классе — глаголы, оканчивающиеся в 1-м л. ед. ч. на *-i*, во 2-м л. ед. ч. на *-eš* (*kupovati* — *kupuji*, *píti* — *píji*, *psáti* — *plší*).

Таким образом, во II классе объединены все глаголы, имеющие в 1-м л. окончание **-m**, которому предшествует бывшая тематическая гласная, сросшаяся с основой.

Эту классификацию можно только приветствовать. На ее основе можно было бы почти от каждого инфинитива глагола образовать две основы и почти все глагольные формы.

Однако в предложенной А. Г. Широковой классификации есть некоторые уязвимые места, в частности: трехсложные глаголы типа *tepati — teri* можно было бы объединить с глаголами типа *dělati*, так как они имеют параллельную парадигму — *tepám*; с другой стороны, выделяемые в III класс глаголы, имеющие в 1-м л. ед. ч. наст. вр. окончание **i** (*piši, piji*), ничем не отличаются от спряжения глаголов, которые имеют окончание **-u** в 1-м л. и **-ou** в 3-м л. мн. ч. (*něsti — nesu — nesou*).

Даже Травничек признает право на употребление в языке разговорных форм. Он тоже считает эти окончания вполне допустимыми для литературного языка.

Таким образом, с нашей точки зрения, более целесообразным является объединение глаголов типа *něsti — nesu, minouti — minu, kupovati — kupuj-i/u, píti — pij-i//u* в один класс.

Далее, во II классе, по классификации А. Г. Широковой, имеются три разновидности: *uměti — umím, prositi — prosím, dělati — dělám*.

Поскольку спряжение в настоящем времени двух первых разновидностей почти полностью совпадает (ср. *umím — prosím, umíš — prosíš* и т. д.), а глагол *dělati — dělám* имеет другой гласный основы, последний целесообразно выделить в особый класс.

А. Г. Широкова

(Московский государственный университет)

Прежде всего мне хотелось бы сказать о принципах морфологической классификации и морфологического членения глагольных форм, выдвинутых Ю. С. Масловым. Я полностью согласна с основными положениями его доклада.

Бесспорно, что при классификации глаголов в современных славянских языках необходимо учитывать современное состояние языка, т. е. давать чисто синхронное описание, без смешения планов синхронного и диахронического (не видеть, например, **j** в глаголе *пишу* и пр.).

Далее, для современного языка необходима такая классификация, которая охватила бы закономерные способы образования всех глагольных форм. Для этого при классификации глаголов совершенно недостаточно учитывать какую-либо одну основу (настоящего или прошедшего времени); иными словами — для этого необходимо учитывать основу настоящего и прошедшего времени, а также соотношение между той и другой основой. Только при таком сопоставлении можно учесть основные грамматические признаки глагола и образовать от той или иной глагольной основы все его формы.

Поэтому выделение классов на базе соотношения двух основ, а внутри классов более дробное деление на разряды и группы, связанные с вариантами основы и другими признаками, произведенное Ю. С. Масловым, представляется совершенно правильным и вполне оправданным.

Важным и интересным представляется также положение Ю. С. Маслова о различном подходе к старому и новому спряжению, с учетом переразложения старых глагольных основ, отхода прежних тематических

гласных к окончанию как результат различных (главным образом фонетических) процессов, имевших место в истории славянских языков. В конечном счете Ю. С. Маслов приходит к признанию различных окончаний у разных глагольных классов.

Это требование Ю. С. Маслова, выдвинутое в отношении болгарского языка, может быть в полной мере принято и в отношении чешского языка, где мы находим, с одной стороны, окончания: *-eš* (2-е л. ед. ч.), *-e* (3-е л. ед. ч.), *-me* (1-е л. мн. ч.), *-ete* (2-е л. мн. ч.), например: *neseš, nese, neseme, nesete; kupuj-eš, kupuj-e*; с другой стороны — *-m* (1-е л. ед. ч.), *-š* (2-е л. ед. ч.), *-me* (1-е л. мн. ч.), *-te* (2-е л. мн. ч.), например: *delá-m, dělá-š, delá, dělá-me, dělá-te*.

Выдвинутые Ю. С. Масловым принципы классификации болгарского глагола были раскрыты на конкретном материале четко и убедительно.

Разрешите обратиться к классификации чешского глагола и на этом материале осветить некоторые вопросы, выдвинутые в ходе обсуждения доклада Ю. С. Маслова.

Считая односторонними и неудовлетворительными те классификации, которые производились в зависимости от характера основы инфинитива или в зависимости от окончания 3-го л. ед. ч. наст. вр., так как при подобных классификациях невозможно установить основные грамматические признаки глагола и закономерные способы образования различных глагольных форм, я попыталась создать новую классификацию, основанную на учете соотношений между основой настоящего и прошедшего времени, на учете наиболее характерных признаков чешского глагола в формах настоящего времени, на учете возможностей образования производных форм как от основы настоящего, так и от основы прошедшего времени. В связи с этим в зависимости от окончания 1-го л. ед. ч. выделяются три глагольных класса: 1) *nesu, teru, muni*; 2) *dělám, prosím*; 3) *kupuji, piji*. Внутри каждого класса намечается более дробная классификация посредством сопоставления основ настоящего и прошедшего времени, с учетом закономерных способов образования всех глагольных форм от той и другой основы.

В связи с этим мне кажется неправомерным то перемещение, которое произвела в моей классификации Е. С. Андреева, объединив в один глагольный класс глаголы типа *něsti (nesu)*, с одной стороны, и глаголы типа *kupovati, píti (kupuji, piji)* — с другой, а также выделив в особый класс глаголы типа *dělati (dělám)*.

Хотя Е. С. Андреева также отрицает возможность использования классификаций Травничка, Сметанки, Мазона и др., построенных на основании одного какого-либо признака (характер основы инфинитива или окончание 3-го л. ед. ч. наст. вр.), и признает целесообразность принципов классификации, выдвинутых мной, — на основании сопоставления основ настоящего и прошедшего времени, — тем не менее на практике Е. С. Андреева отказывается от этих принципов.

В самом деле, объединяя глаголы типа *něsti (nesu)* и *kupovati (kupuji), píti (piji)* в один класс, Е. С. Андреева принимает во внимание лишь сходство окончаний этих глаголов в 2—3-м л. ед. ч. и в 1—2-м л. мн. ч. с (*-eš, -e, -eme, -ete*), забывая, однако, что способы образования производных форм от основы настоящего времени здесь будут совершенно разные. Ср., например, образование форм деепричастий. С одной стороны — *nesa, nesouc, nesouce*, с другой — *píje, kupuje, pijíce, kupujíce, pijíce, kupujíce* и т. д.

Кроме того, 1-е л. ед. ч. глаголов типа *kupovati, píti* в литературном чешском языке имеет окончание *-i (piji, kupuji)*, в то время как у

глаголов типа *něsti* находим **-u** (*nesu*). Правда, у глаголов *kupovati*, *píti* **-u** также возможно, но это окончание характеризует, как правило, только устную, разговорную речь. Что же касается 3-го л. мн. ч., то оно совершенно различно: *nesou*, но *kupují*, *píjí*. Окончание **-ou** в 3-м л. мн. ч. у глаголов типа *píti*, *kupovati* возможно только в народно-разговорном чешском языке и в чешских диалектах.

Вызывает также возражение выделение глагола типа *dělati* в особый класс, так как и окончания настоящего времени (**-m**, **-š**, **-me**, **-te**, **-í**) и закономерные способы образования всех производных форм у них те же, что и у глаголов типа *uměti*, *prositi*. От других глаголов этого класса они отличаются только гласными основы, что само по себе является достаточным только для выделения их в особую подгруппу.

Что же касается глаголов типа *česati*, *psáti*, *mazati*, то их, учитывая параллелизм в окончаниях настоящего времени и в образованиях форм дееспричастий и повелительного наклонения, можно было бы отнести к глаголам 1-го класса.

Далее, в классификации Е. С. Андреевой мне кажется неправильным использование основы инфинитива, а не основы прошедшего времени, так как основа инфинитива и основа прошедшего времени не адекватны: у большого количества глаголов основа прошедшего времени не совпадает с основой инфинитива; ср. *řici* — *řekl*, *věsti* — *vedl*, *kvísti* — *květl*, *čísti* — *četl*, *klásti* — *kladl*, *douti* — *dul*, *minouti* — *minul*.

Такие производные формы, как дееспричастие и причастие прошедшего времени, страдательное причастие прошедшего времени и другие, образуются не от основы инфинитива (*uplynouti*), а от основы прошедшего времени (*uplynul*): *uplynuv*, **-vši**, **-vše** — дееспричастие прошедшего времени, *uplynuvši* — причастие прошедшего времени; *kliti* — *klel* — *zaklet* (страдательное причастие); *jiti* — *šel* — *přised*, *přisedši*.

Таким образом, я не могу согласиться с поправками Е. С. Андреевой, ибо поправки эти строятся только на учете окончаний глаголов настоящего времени, без учета соотносительности основ, а главное — закономерных способов образования других глагольных форм.

Ю. С. Маслов

(Заключительное слово)

Товарищи, я хочу прежде всего поблагодарить всех выступавших по моему докладу с очень интересными и ценными для меня замечаниями.

С некоторыми важными для меня положениями доклада все выступавшие как будто были согласны. Это прежде всего касается принципа подхода к современному языку с точки зрения его внутренних закономерностей, а не с точки зрения его прошлого состояния. Такой подход является подлинно историческим подходом потому, что история языка — это медленное, постепенное и постоянное движение, и при классификации глаголов современного болгарского языка необходим тщательный учет тех изменений, которые произошли в современном языке, по сравнению с языком древним. Подход же к современному языку с точки зрения его состояния в прошлом был бы как раз неисторическим, игнорирующим историческое развитие языка.

Второе важное для меня положение моего доклада — это учет всех наличных глагольных форм. Я стремился дать такую классификацию, которая включала бы все различия в образовании форм. Именно такая

классификация должна дать изучающему язык практическую возможность образовать любую форму данного глагола.

Третье положение — ориентировка морфологического членения и морфологической классификации не на орфографию, а на реальное звучание слова. Против этого также никто не возражал.

Почти все были согласны также с выводом о резкой противопоставленности в болгарском языке III спряжения — первым двум. Многие были несогласны с моими терминами, но самый принцип противопоставления двух разных типов спряжения в современном языке как будто встречает поддержку.

Теперь по поводу вопросов, в отношении которых обнаружили некоторые расхождения в выступлениях. Прежде всего — о понятии глагольной основы.

Э. А. Якубинская высказывает сомнение, есть ли нужда в такой абстракции как глагольная основа, когда имеется основа настоящего времени и основа аориста. Мне кажется, что понятие глагольной основы — нужное понятие. Это становится особенно ясным, когда мы рассматриваем вопросы словообразования глаголов и вопросы видовой деривации. Очень хорошо говорить о двух основах, пока мы говорим о спряжении данного глагола. Говоря о глаголе *пиша* в болгарском языке, мы можем говорить об основе настоящего времени **пиш-**, об основе аориста **писа-**. Но если мы будем говорить о том, что в некоторых болгарских говорах, а иногда и в литературном языке у некоторых писателей этот глагол выступает как глагол с совершенным видовым значением, и соответствующая форма несовершенного вида образуется от основы **писва-**, то нам надо будет говорить не только о **пиш-**, но и о **писа-**, потому что в отношении видового значения и **пиш-** и **писа-** — одно и то же.

Вот для этих, в частности, случаев я и считаю нужным и полезным понятие глагольной основы как определенного единства, потому что и **пиш-**, и **писа-** как определенное единство противопоставлено основе **писва-** с другим видовым значением. Отбросив в **писа-** суффикс «основы аориста» **-а-**, мы получаем **пис-** и можем обозначить основу глагола в виде дроби **пиш-||пис-**.

В других случаях у нас нет необходимости прибегать к обозначению посредством дроби. Так, в глаголе *играя* звуковой комплекс **игра-** является глагольной основой потому, что этот комплекс проходит через все формы этого глагола. Это же **игра-**, являясь основой глагола, выступает и в качестве «основы аориста». В форме настоящего времени присоединяется суффикс «основы настоящего времени» — **ј**, суффикс, проходящий только через часть форм.

Наоборот, в таких глаголах, как *кова*, *ковеш*, глагольная основа **ков-** (равная корню) является одновременно и «основой настоящего времени»; с прибавлением **-а-** она превращается в «основу аориста».

Понятие глагольной основы необходимо еще потому, что оно способствует разделению формообразовательных и словообразовательных суффиксов.

Суффикс **-а-** в форме *играх* и суффикс **-а-** в форме *ковах* — не одно и то же. В форме *играх* суффикс **-а-** повторяется во всех формах этого глагола, а в *ковах* — он встречается только в одной части глагольных форм. Значит, первое **-а-** (в *играх*) можно признать словообразующим суффиксом, а второе **-а-** (в *ковах*) — нет.

Второй момент, который вызвал возражения, — тезис об асемантических морфемах. Мне кажется, что у нас есть основание говорить об асемантических морфемах не только в глаголах, но и в некоторых других

случаях. Например, соединительные **о** и **е** в сложных существительных — это, конечно, морфемы. Возьмите такое слово, как *землемер*. Что такое соединительное **е**? Конечно, это морфема. Но это морфема, не имеющая никакой семантики, а служащая только для того, чтобы соединять два корня. Она имеет в языке служебную функцию. То же самое и **-а-** в *кова-*. Э. А. Якубинская говорит, что это **-а-** есть показатель прошедшего времени. Но ведь **-а-** выступает не только в аористе, но и в инфинитиве, и в причастии, в том числе — и в страдательном. А это причастие в глаголах несовершенного вида очень часто получает значение одновременности и, следовательно, никакого отношения к прошедшему времени не имеет, как и инфинитив. Потому-то основа *кова-* только условно называется нами «основой аориста», по существу — это не только основа аориста, но и основа инфинитива, основа действительного аористного причастия на **-л** и основа страдательного причастия. Мы условно, для краткости, называем ее «основой аориста» и берем этот термин как условный в кавычки, а по существу — это основа такой разношерстной группы форм, для которой, при всем желании, не подберешь никакого «семантического» наименования.

Короче говоря, я настаиваю на понятии «асемантическая морфема» и считаю его очень существенным. Это понятие, на мой взгляд, должно помочь в борьбе с той переоценкой семантики, которая проповедовалась в недавнем прошлом «школой» Н. Я. Марра и которая, к сожалению, нашла отражение и в прежних моих работах.

Указав, что семантика, смысловая сторона языка имеет серьезное значение, что изучению ее должно быть обеспечено в языкознании подобающее место, И. В. Сталин подчеркнул, что, «разрабатывая вопросы семантики и используя её данные, никоим образом нельзя переоценивать её значение, и тем более — нельзя злоупотреблять ею»¹. Исходя из этих сталинских указаний, советские языковеды должны на конкретном языковом материале показать, что смысловая сторона, хоть она и очень важна, есть именно лишь сторона, одна из сторон языка, что она не определяет собою всего в языке, что в любом современном языке имеется немало моментов асемантических, не связанных с семантикой и не обусловленных ею, но тем не менее весьма существенных для языка и для науки о языке.

Теперь относительно предложений, связанных с вопросом о старом тематическом гласном и гласном **і** в окончаниях II спряжения. Некоторые товарищи предлагают выделить этот гласный в особый элемент и членить так: *бер-е-ш*, *ход-и-ш*. Так, И. К. Бунина говорит: «Сравнение должно опираться и опирается на звуковые тождества. Всякое звуковое тождество способно вызвать в языке связь и аналогию. Когда мы проводим морфологическое членение, мы должны учитывать всю совокупность возможных и возникающих сопоставлений». И. К. Бунина делает вывод, что **е** и **и** следует выделить в качестве отдельных элементов, поскольку между «старым» и «новым» спряжением существует определенная связь, и эта связь позволяет производить такое деление. С этим же положением связано и предложение И. К. Буниной при разборе флексий больше подчеркивать не их противоположность, а единство.

Я считаю, что И. К. Бунина исходит из очень правильной мысли. Да, мы должны учитывать всю совокупность возможных сопоставлений. Но именно учитывая все возможные сопоставления и связи, мы никак не можем обойти несомненную связь этих **-е-** и **-и-** в формах 2-го л. с окон-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 38

чанием *-е* и *-и* в 3-м л. ед. ч. тех же глаголов. И. К. Бунина умалчивает о 3-м лице, а между тем в 3-м л. *-е* и *-и* нельзя назвать «соединительными морфемами»: после них ничего нет. Ведь нельзя же сказать, что это *е* и *и* соединяет корень с «нулем». А оторвать *-е* и *-и* в 3-м лице от *-е-* и *-и-* в других лицах тоже невозможно. Потому-то, я думаю, и нельзя согласиться с предложением И. К. Буниной относительно морфологического членения форм 2-го л. ед. и 1 и 2-го л. мн. ч.

Я не могу также согласиться с возражениями против моего анализа форм *пеко-х*, *пече*, *пече-и* и т. д. и с предложениями выделить *-о-* в *пекох* в особый соединительный элемент. Почему, собственно, нас должно пугать то, что «основа аориста» выступает здесь в двойственном облике *пеко-//пече-* или что суффикс этой основы имеет двойственный облик *о//е*? Что здесь страшного? То ли, что формула *о//е* как бы претендует на связь со старым индоевропейским чередованием по аблауту, тогда как исторически данное соотношение форм сложилось иначе, в порядке контаминации двух разных парадигм аориста? Вряд ли это может иметь какое-либо значение. Как бы ни сложилось данное соотношение, сейчас оно налицо и с ним нельзя не считаться.

Последний вопрос — относительно терминов. Как называть старое и новое спряжение — «старым» и «новым», «сильным» и «слабым», «тематическим» и «атематическим» или еще как-нибудь иначе? Термины «тематическое» и «атематическое» явно не подходят, если не признавать сохранения современным языком «тематического гласного». Да и исторически термин «тематическое» спряжение применим, собственно говоря, только к «*е*-спряжению», но не к «*и*-спряжению». «Старое» и «новое» — термины, исторически оправданные, но они кажутся не совсем уместными при описании системы современного языка. Повидимому, все же «сильное» и «слабое» — наиболее подходящие термины, хотя они и вызвали много возражений. Я несколько не держусь за них и не стал бы на них настаивать, но я хочу еще раз подчеркнуть, что сохранение старых цифровых наименований (I, II, III спряжение) смазывает самое важное — факт резкой противопоставленности III спряжения двум первым. Поэтому просто сохранить старую систему обозначения нельзя, ее надо реформировать.

С. Б. Бернштейн

Товарищи, наше совещание подходит к концу. В течение трех дней мы обстоятельно обсуждали «Проспект» и связанные с ним доклады. По некоторым вопросам развернулись очень содержательные споры, в которых, что очень радостно отметить, приняли активное участие наши молодые товарищи. Важно указать, что наше первое совещание болгароведов собрало большую аудиторию. Об активности участников совещания свидетельствует не только большое число выступавших, но и многочисленные реплики, которые раздавались в нашем зале во время выступлений. Споры продолжались часто и во время перерыва между заседаниями.

Преподавание болгарского языка получило широкий размах в нашей стране. Болгарский язык преподается во многих учебных заведениях. Перед преподавателями болгарского языка возникает много трудностей не только методического характера. Распространенная у нас в русском переводе хорошая грамматика проф. Л. Андрейчина не дает, однако, ответов на многие вопросы. Это касается прежде всего фонетики, словообразования, функции предлогов и некоторых других вопросов. Наши болга-

роведы стали на путь создания оригинальных исследований, предназначенных прежде всего для русских читателей.

Могу сказать от имени всего авторского коллектива, что прошедшее обсуждение «Перспектив» и докладов дало нам очень много. Думаю, что оно принесло пользу и всем участникам нашего совещания.

Все материалы этого совещания мы будем тщательно изучать. Нами уже внесены существенные коррективы и дополнения в «Перспектив»¹. Будет существенно расширена вводная глава. Много изменений будет внесено в раздел фонетики. Значительно расширяется раздел словообразования. Мы согласны с теми выступавшими товарищами, которые указывали на необходимость расширения синтаксиса. Однако в настоящее время мы этого сделать не сможем. Завершение нашей книги не будет завершением работы по болгарской грамматике. Я убежден, что у нас еще будет возможность серьезно заняться специально вопросами болгарского синтаксиса.

Некоторые товарищи сетовали на то, что мы не пишем полной грамматики болгарского языка, потребность в которой в настоящее время велика. Я думаю, что нужны разные труды. Наш метод дает возможность более углубленно рассмотреть отдельные вопросы, нежели это можно сделать в сводной грамматике. Нужно лишь правильно выбрать наиболее трудные и наименее разработанные вопросы. Дискуссия показала, что мы выбрали именно такие вопросы.

Наша работа находится в начальной стадии. Основная работа еще впереди. Перед нами стоит много трудностей, о которых говорилось на совещании. Мы знаем, что без помощи всех наших специалистов по болгарскому языку, без вашей помощи нам не обойтись. Вот почему аналогичные совещания мы будем устраивать ежегодно. Тексты докладов будут рассылаться заблаговременно.

Выступали на нашем совещании специалисты по грамматике чешского языка. Они высказывали пожелания, чтобы в Институте славяноведения началась аналогичная работа по чешской грамматике. Нет сомнения, что со временем мы сможем приступить и к этой работе.

Разрешите от имени дирекции Института славяноведения поблагодарить всех присутствующих товарищей, принявших активное участие в нашем совещании, и выразить уверенность, что оно принесет пользу нашему болгароведению.

Разрешите на этом закрыть наше совещание.

¹ См. стр. 115—140 наст. издания.

О Т З Ы В
ИНСТИТУТА БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА БОЛГАРСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК¹

Ученый совет Института болгарского языка БАН полагает, что труд «Основные проблемы болгарской грамматики» явится очень ценным вкладом в научное исследование современного болгарского языка на основе сталинского учения о языке.

Поставленные темы выбраны удачно. Их освещение благоприятно скажется на дальнейшей разработке болгарской грамматики. С особой радостью отмечаем, что в «Перспективе» ставится ряд принципиальных вопросов, которые до настоящего времени в болгарском языкознании не исследованы достаточно глубоко. Методологические положения и практические приемы работы, представленные в «Перспективе», мы считаем правильными.

По некоторым отдельным вопросам Ученый совет Института делает следующие замечания:

К стр. 5. К источникам изучения болгарского языка XIX в. следовало бы прибавить и творчество Л. Каравелова (отчасти и творчество Петко Райчева Славейкова).

К стр. 11 и 16. Из заглавия можно заключить, что фонология отделяется от фонетики.

К стр. 12 и 18. Положение о том, что частицы сравнительной степени *по* и *най* следует рассматривать как элементы агглютинации, не является убедительным. Они имеют собственное ударение, а в некоторых случаях (например, перед глаголом) между ними и следующим словом могут вставляться энклитические формы: *по му вярвам, най го обичам*.

К стр. 13. Энклитические формы местоимений *ми, ти, си, ни, им* и другие с современной точки зрения могли бы рассматриваться и как краткие формы притяжательных местоимений, а не только как параллельные притяжательным местоимениям.

К стр. 14, пункт «д». Вопрос о видовых значениях форм пересказывательного наклонения является несущественным (так как здесь нет характерных особенностей), и не следовало бы ставить его наряду с вопросом о временных значениях.

К стр. 14. Не ясно, на каком основании перфект, плюсквамперфект и будущее предварительное время рассматриваются как неопределенные времена. С нашей точки зрения, это разграничение не является естественным.

Вопрос о «степени обязательности и факультативности пересказывания» можно уточнить, если внести следующее добавление: «при отдельных временах и в различных случаях употребления».

¹ Перевод с болгарского языка.

К стр. 18. Было бы неправильным рассматривать как склонение в болгарском языке («болгарское склонение») выражение некоторых синтаксических отношений с помощью предлогов. Было бы неуместным говорить и об «аналитическом инфинитиве» в болгарском языке. В этих случаях имеется опасность безосновательного перенесения некоторых грамматических категорий из русского языка в болгарский.

К стр. 19. Говоря, что «наряду со сложными временами с причастием на -л полностью сохраняются и чрезвычайно широко используются в языке простые чисто флективные формы прошедшего времени — имперфект и аорист», необходимо пояснить, что в данном случае речь идет не о соперничестве между этими двумя видами форм (синтетическими и аналитическими), а о сосуществовании их в общей системе языка, в которой каждая форма имеет свою определенную функцию.

К этому можно было бы прибавить, что вообще в «Перспекте» не выделяется достаточно ясно аналитический характер болгарского языка в области имен существительных и их синтаксиса, имеется известная переоценка остатков падежных форм, которые и сейчас продолжают терять почву в литературном языке.

К стр. 21. Форму *се* при возвратных глаголах, с точки зрения болгарского языка, следовало бы рассматривать как местоименную форму, а не как частицу.

К стр. 24. Вопрос о том, можно ли в некоторых случаях говорить о существовании неопределенного члена в болгарском языке, в «Перспекте» поставлен правильно, но в большинстве указанных примеров (за исключением, может быть, последнего) функцию числительного *един* нельзя рассматривать как функцию неопределенного члена.

К стр. 26. Глаголы несовершенного вида типа *млъкнавам* не употребляются в современном болгарском литературном языке, и не следует их ставить наряду с глаголами типа *млъквам*.

К стр. 31. В таких случаях, каким является пример, приведенный в проспекте: *Казват — станал е логофет при някой си мушиерин*, — мы имеем дело с косвенной речью, в которой употреблено не пересказывательное глагольное время, а перфект изъявительного наклонения. Категории косвенной речи и пересказывательного наклонения нужно правильно разграничивать (первая — синтаксическая, вторая — морфологическая, употребление первой не вызывает обязательного употребления и второй).

К стр. 32—33. Безосновательно рассматривать употребление пересказывательных времен как «формальную» или «механическую» принадлежность определенного стиля (в сказке, в историческом повествовании).

Кроме сказанного выше, позволим себе указать и на некоторые неисправленные в «Перспекте» опечатки:

на стр. 11: чередование *а* — *е*;

на стр. 13 и 22: параллельным предлогу *след* является предлог *зад*, а не *за*;

на стр. 17: *к'осé* — *к'осе*;

на стр. 13: *книгата лежи на масата* (*книгата е на масата*);

на стр. 23: *ухана*, а не *ухáни*.

Зам. директора член-корр. БАН Л. А н д р е й ч и н

О Т З Ы В
КАФЕДРЫ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
КАРЛОВА УНИВЕРСИТЕТА¹

Члены кафедры славяноведения филологического факультета Карлова университета посылают славной Академии Наук СССР следующие замечания (проработанные на заседании кафедры 19 января 1952 г.) по поводу проекта грамматики болгарского языка («Основные проблемы болгарской грамматики»).

Мы считаем план хорошо продуманным, так как он затрагивает множество проблем, на которые до сих пор в болгарских грамматиках или совсем не обращалось внимания, или недостаточное (например, синтаксическое выражение падежей, соотношение времени и вида, колебание ударений в аористе и имперфекте и др.). В плане удачно соединен разбор современного литературного языка как с рассмотрением его развития, так и с изложением его соотношения с другими славянскими языками (с точки зрения сравнительного изучения).

Некоторые из наших замечаний являются, вероятно, скорее результатом сжатости плана, чем его неполноты.

А. Мы предлагаем, чтобы в грамматику были включены еще следующие части:

1) Общая характеристика болгарского языка, в которой бы были даны и основные даты истории литературного болгарского языка в новый период и характеристика состава лексики и так называемых балканизмов (об общих чертах балканских языков).

2) Изложение типологических особенностей болгарского языка с полемическим заострением против некоторых представителей болгарской лингвистики, которые, исходя из наличия в болгарском языке аналитического склонения и члена, делают вывод, что болгарский язык — самый совершенный из всех славянских языков. Специального объяснения заслуживают типологические понятия, как агглютинация (надо, например, остерегаться того, чтобы рост агглютинации не был понят как влияние агглютинативных языков).

3) Раздел, посвященный правилам произношения, силе ударения (различение главного и побочного ударений, особенно при образовании степеней сравнения прилагательных: *пб-хубав*); его колебанию (*раббтя*, *Димитрѡв*, *обед-обяд*).

4) Раздел об употреблении звуков в болгарском языке (употребительность, степень использования звуков при образовании грамматических форм и т. д.). Например, различие между так называемыми палатальными и непалатальными согласными (*т* — *ть*) проявляется только перед гласными переднего ряда. В разделе о функциональном использовании звуков.

¹ Отзыв написан на русском языке.

надо было бы обратить внимание и на морфологическое чередование типа *бял-бели* и дать иногда исторический комментарий (это, разумеется, не совпадает с тем, что будет сказано о внутренней флексии на стр. 19). Общая характеристика ударения могла бы быть дана вместе с фонетикой и фонологией, а рассмотрение грамматического употребления ударения — в разделе морфологии. Таким образом, отпала бы необходимость изложения акцентологии в специальном отделе.

5) В разделе о словообразовании надо было бы рассмотреть морфологические категории сложных слов и определить распространенность соединений типа: *письмо-обещание, нота-отговор, начальник-влак*, затем надо было бы обратить внимание и на новые слова-сокращения, а далее — на способ морфологического освоения языком заимствованных слов. Более подробно на основе сравнительного метода надо было бы разобрать приставки.

6) В склонении надо было бы разобрать вопрос приименной (адноминальной) функции отдельных падежей и вообще функции отдельных падежей; так же подробнее разобрать особенные случаи беспредложного соединения существительных типа:

- а) *чаша вино*, в отличие от *чаша за вино, шепа жито, хубав вид пшеница*;
- б) *склячване договор, лепене афиши*.

7) Синтаксический раздел должен был бы быть расширен сложными предложениями. Там надо было бы разобрать и вопросы порядка слов и вопросы отношения грамматического и семантического субъекта и предиката: *Много са мили двамата хлапаци*;...— *каза нетърпеливо тя*, а также вопрос глагольного управления, употребления личных местоимений с глаголами, конструкции типа: *като монтира бързо картещницата той откри веднага огън* (П. Вежинов). Специальный раздел должен был бы быть посвящен изложению фонологии предложения.

8) Исторические экскурсы должны бы были быть прежде всего там, где болгарский язык отличается от других славянских языков, особенно в изложениях о склонении и глаголах — историческое развитие семантических пар типа *нести-носить (неса-нося)* и пр.

9) При изложении грамматических форм надо было бы обращать внимание на взаимоотношения между грамматикой и лексикой. Определить сходства и различия в образовании семантических и грамматических категорий (например, спорным является включение в изложение болгарской грамматики категории состояния — стр. 13).

10) Описание грамматических форм надо было бы всегда сопровождать указанием на их распространенность. Например, следовало бы указать, в каком отношении находятся описательная форма страдательного залога глагола и возвратный глагол, следовало бы также определить широту употребления деепричастий по сравнению с другими славянскими языками.

Б. Надо было бы уточнить и детальнее разработать следующие моменты:

1) В частях о глагольном виде надо было бы обращать внимание не только на морфологическую сторону вида, но и на семантику глаголов. К глаголам, колеблющимся по видам, относятся большей частью глаголы заимствованные (*монтирам, телефонирам* и пр.). У колеблющихся глаголов надо установить, какой именно вид у них встречается более часто. Надо уделять внимание и видовым парам *вести-водить (веда-водя)*; см. и разд. А., п. 8). При изложении так наз. многократных глаголов (что правильно не принимается за третий вид) надо было бы привести способы образования многократных глаголов, как морфологические, так и синтаксические.

2) Это же самое относится к модальности (срав. *такава била работата* — Йовков). В болгарском языке наряду с выражением модальности особой формой («преизказано време») употребляются и такие слова, как *уж, сякаш* и пр., которые, однако, в отличие от русского языка, не перерывают мелодию предложения.

3) Правильно подчеркивается важность соотношения времени и вида (стр. 30). Надо более детально разработать и раздел о болгарском кондиционале (выяснить употребление так называемого «минало предстояще време» в его функции: *цях да вярвам*); почти лексикализованные формы, вроде *ядвам, пиввам*.

4) Спорным является различие определенности и неопределенности у существительных после числительных (стр. 24; срав. *сто войници*).

5) План разбора энклитических форм местоимений разработан хорошо, но надо также иметь в виду вопросы порядка слов (краткие формы местоимений могут быть также проклитическими).

Заведующий кафедрой славяноведения

Карлова университета проф. Б. А. Гавранек

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ
БОЛГАРСКОЙ ГРАММАТИКИ

ПРОСПЕКТ

І. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Авторы книги «Основные вопросы болгарской грамматики» ставят перед собой задачу дать исследование ряда наиболее сложных и спорных вопросов современного болгарского литературного языка в свете учения И. В. Сталина о грамматическом строе языка.

Книга не является систематическим и сколько-нибудь полным описанием всего грамматического строя современного болгарского языка. Авторы стремятся дать углубленное, построенное на исследовании освещение лишь некоторого количества узловых, наиболее важных вопросов. При отборе вопросов, подлежащих разработке, авторы руководствуются следующими соображениями: во-первых, берутся вопросы наиболее общие, представляющие наибольший общетеоретический интерес (например, вопрос о соотношении флективных и так называемых «аналитических» средств выражения грамматических значений в современном болгарском языке, проблема частей речи, общая теория словообразования); во-вторых, вопросы, не получившие достаточно полного и четкого освещения в трудах по болгарской грамматике или вовсе игнорировавшиеся традиционной грамматикой болгарского языка. Ясно, что исследование ряда спорных вопросов болгарской грамматики должно иметь и непосредственное практическое значение, в первую очередь — для преподавания болгарского языка на славянских отделениях университетов.

Исходя из того, что вместе с основным словарным фондом языка его грамматический строй составляет «основу языка, сущность его специфики»¹, авторы обращают особое внимание именно на своеобразие и специфическое в грамматическом строе болгарского языка, что, однако, ни в какой мере не означает какого-либо игнорирования или преуменьшения значения удельного веса тех особенностей, которые являются общими у болгарского языка со всеми другими славянскими языками и в первую очередь с русским языком. Наоборот, специфика болгарского языка и есть прежде всего его с л а в я н с к а я специфика, несмотря на все скрещивания, пережитые болгарским языком на протяжении его истории.

Непосредственный объект рассмотрения — грамматический строй современного общенародного национального болгарского языка, причем в первую очередь учитывается его литературная норма.

Целью каждой главы является наиболее полное описание фактов современного общенародного болгарского языка, учет существующих колебаний, определение условий и границ этих колебаний, по возможности выяснение реального соотношения между закономерностями живого употребления и признанной литературной нормой.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 26.

Факты диалектные учитываются лишь в порядке параллелей, но ни в коем случае не как прямой объект исследования. При издании книги ссылки на факты диалектной речи, где они будут необходимы, предполагается дать петитом.

Что касается хронологических рамок исследуемого материала, то авторы руководствуются тем единственно правильным освещением понятия «современный язык», которое дано применительно к русскому языку в следующих указаниях И. В. Сталина: «Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина»¹.

«Что касается структуры пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась во всем существенном, как основа современного русского языка»².

Применяя сталинское понимание современного языка как болгарскому материалу, мы приходим к выводу, что язык таких классиков болгарской литературы, как Любен Каравелов (1837—1879), Христо Ботев (1848—1876) и Иван Вазов (1850—1921), заложивших основы болгарского литературного языка и сыгравших в его развитии роль, приближающуюся к роли Пушкина в истории русского литературного языка, должен составить начальную хронологическую грань обследуемого периода. Однако основными источниками будут произведения классиков болгарской литературы XX в. и современных авторов — писателей народно-демократической Болгарии, лауреатов Димитровских премий (Л. Стоянова, Елин-Пелина, Караславова, Вежинова, Даскалова), современные литературные и общественно-политические журналы («Септември», «Ново Време») и газеты, язык научной литературы. Важной задачей авторы считают прослеживание отдельных изменений грамматического строя болгарского языка, которые имели место за последние полвека.

Поскольку язык «является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется»³, поскольку он создан «усилиями сотен поколений»⁴, «абстрагирующей работы человеческого мышления»⁵, во многих случаях полное научное объяснение тех или иных грамматических явлений современного языка оказывается невозможным без исторических экскурсов. Вместе с тем авторы не могут перегружать грамматику современного языка историческим материалом. Поэтому исторические справки будут даны лишь в тех случаях, где они наиболее необходимы и где их можно сделать краткими. Все они будут набраны петитом.

Для получения наиболее полной картины грамматического строя современного болгарского языка авторы считают желательным привлечение разных жанрово-стилистических вариантов употребления общенародного языка. Однако главный упор делается на художественную и научно-публицистическую прозу. Стихотворная речь,

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 9.

² Там же, стр. 10.

³ Там же, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 7.

⁵ Там же, стр. 24.

обнаруживающая свои специфические особенности в употреблении некоторых грамматических форм, учитывается лишь для некоторых разделов (например, для изучения ударения). По некоторым разделам будут проведены наблюдения над устной речью болгар — студентов вузов Москвы и Ленинграда. Так, для раздела фонетики предполагается экспериментальное обследование некоторых явлений в речи болгар-студентов.

«Отличительная черта грамматики, — указывает И. В. Сталин, — состоит в том, что она даёт правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она даёт правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы»¹.

Конечно, разные грамматические категории обнаруживают разную степень абстрактности, разную степень отвлечения от конкретного и частного в словах и предложениях. В частности, например, некоторые «исключения» представляют нередко меньшую степень абстракции, чем правила в собственном смысле. Существенные различия наблюдаются и в самом направлении абстракции, характерном для отдельных грамматических категорий: так, говоря о частной морфологической категории, например о I спряжении в болгарском языке, мы абстрагируемся от конкретных особенностей отдельных глаголов, составляющих это спряжение (от их лексического значения, также и от тех особенностей их формы, которые несущественны для категории I спряжения, например от чередования *к//ч* в глаголе *лека* и некоторых др.). Говоря же, например, в синтаксическом плане о категории того или иного лица, мы абстрагируемся и от различий между оформлением этого лица по норме I, II или III спряжения и имеем в виду лишь определенную общность функций (скажем, если речь идет о 2-м л. — функцию обозначения лица собеседника и функцию своеобразного «общенно-личного значения», свойственную всем формам 2-го л. ед. ч. независимо от их оформления окончанием *-еш*, *-иш* или *-ш*). Вместе с тем, как правильно отмечает академик В. В. Виноградов, грамматика, рассматривая разные грамматические категории «в их живом движении во всех формах их выражения, не может уклониться от определения самого характера охвата ими лексического материала»², т. е. от определения того, как а именно лексика охватывается этой грамматической категорией и почему именно эта лексика охватывается, а другая лексика не охватывается ею. Так, говоря, например, о глаголах, непарных в видовом отношении, «грамматика, естественно, не может отстранить от себя вопроса о том, какие лексические разряды и словообразовательные типы глаголов и по каким причинам не могут функционировать в двух соотносительных видовых формах и значениях»³. В частности, во многих случаях сколько-нибудь полное рассмотрение того или иного грамматического вопроса требует даже приведения списков той лексики, которая охваты-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

² В. В. Виноградов. Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания. Изд. Академии педаг. наук РСФСР. М., 1950, стр. 44.

³ Там же, стр. 44—45.

вается данным грамматическим явлением. Повидимому, и в книге в определенных случаях подобные списки окажутся необходимыми.

Сопоставление с русским языком предполагается проводить во всех тех случаях, где это будет необходимо. В отдельных случаях понадобятся краткие ссылки на факты других славянских языков. Разумеется, грамматика отдельного славянского языка не может давать развернутой картины языкового родства славянских наций в области грамматического строя, но она должна быть построена так, чтобы в максимальной степени облегчить осознание фактов этого родства для читателя, знакомого с другими языками или хотя бы с одним каким-либо языком славянской группы.

Общая структура книги такова: после введения и разделов, посвященных некоторым вопросам фонетики и фонологии, графики и орфографии (включение этих разделов диктуется рядом соображений, о которых ниже), дается раздел, озаглавленный «Общий характер грамматического строя болгарского языка», в котором рассматривается вопрос о грамматических средствах болгарского языка, о его специфике и понятии отдельного слова применительно к болгарскому языку. Этот раздел должен служить как бы теоретическим введением к конкретным грамматическим разделам, следующим далее.

В связи с группировкой этих последующих разделов перед авторами вплотную встает вопрос о размежевании двух основных грамматических дисциплин — морфологии и синтаксиса. И. В. Сталин указывает: «Грамматика (морфология, синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении»¹. Отсюда, как и из дальнейших разъяснений И. В. Сталина, вытекает, что морфология определяется как наука о словоизменении, о формах слова, а синтаксис — как наука о сочетании слов в предложении, т. е. словосочетании и предложении, о формах словосочетаний и предложений.

В грамматической науке различно решается вопрос о месте, которое занимает раздел, рассматривающий значение и употребление отдельных форм слова, отдельных морфологических категорий. С одной стороны, вопросы значения форм не могут быть обойдены при рассмотрении самих форм, поэтому морфология должна давать не голые парадигмы, а какие-то, хотя бы основные, значения рассматриваемых форм (без чего ведь было бы невозможно даже их осмысленное наименование, а оставалось бы лишь занумеровать их и называть по этим номерам). С другой стороны, несомненным фактом остается и то, что полное обнаружение и развертывание всех значений данной формы осуществляется лишь в контексте, в сочетании с другими словами, в предложении и, следовательно, должно рассматриваться в синтаксисе. Употребление формы, собственно, и есть ее функционирование в сочетании с другими словами, ее использование в предложении, что, как явствует из приведенной сталинской цитаты, несомненно, должно входить в компетенцию синтаксиса. В этой связи авторы считают очень плодотворным восстановление понятия, которым с таким успехом пользовался в своем «Синтаксисе русского языка» академик А. А. Шахматов, — понятия «синтаксиса частей речи». Однако по соображениям компактности изложения, ввиду тесного переплетения ряда вопросов, синтаксис частей речи не выделяется в книге в особый раздел, а рассматривается в рамках одного раздела с морфологией, причем конкретно берутся следующие проблемы: проблема частей речи; две проблемы из области имени и синтаксиса имени — проблема выражения синтаксических отношений имени в болгарском языке и проблема

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23—24.

определенности и неопределенности имени; далее — проблема энклитических местоимений и, наконец, две проблемы, связанные с глаголом, — вид и время и вопрос о значении простых и сложных времен и «пересказывательного» наклонения. После этих разделов, составляющих основное ядро книги, следует раздел о словообразовании, краткий очерк об ударении и небольшой раздел, посвященный некоторым проблемам синтаксиса простого предложения. Очерк об ударении оторван от раздела фонетики и поставлен после морфологии и словообразования из соображений практических, поскольку углубленное рассмотрение этих вопросов предполагает хорошее знакомство читателя с основными фактами морфологии языка и его словообразовательной системой.

II. ОБЩИЙ ПЛАН КНИГИ

ВВЕДЕНИЕ

- А. Учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка.
- Б. Краткие сведения о славянских языках и месте болгарского языка среди других славянских языков. Краткие сведения о диалектах болгарского языка и его истории.
- В. Критический обзор трудов по болгарской грамматике.

Часть первая

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОНЕТИКИ И ФОНОЛОГИИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА. ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

А. Фонемы и оттенки фонем в современном болгарском литературном языке

Звуковая характеристика современного болгарского языка. Понятие фонемы и оттенков. Анализ гласных фонем современного болгарского языка. Описание артикуляций оттенков гласных фонем. Вопрос о йотации. Редукция гласных. Система гласных фонем.

Анализ согласных фонем и описание их артикуляций. Твердость и мягкость согласных. Согласные в положении перед *е* и *и*. Система согласных фонем.

Фонемы в потоке речи. Живые фонетические чередования. Чередования *'а/е*.

Структура слога в болгарском языке.

Словесное ударение в современном болгарском языке; его фонологическое использование.

Фразовые ударения.

Орфоэпическая норма современного болгарского языка.

Б. Принципы болгарской графики и орфографии

Графика. Краткий обзор истории болгарской графики.

Коренная демократическая реформа графики и орфографии 1945 г. Современная болгарская орфография и ее основные принципы.

Краткий обзор истории болгарской орфографии со второй половины XIX в. до наших дней.

Часть вторая

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

А. Грамматические средства болгарского языка

Обзор флективных средств болгарского языка. Аналитические средства: служебные слова и служебные частицы. Служебные частицы как своего рода «подвижные аффиксы». Роль ударения, интонации, порядка слов. Сложность формального строя современного болгарского языка.

Б. Понятие отдельного слова применительно к болгарскому языку

Графический и фонетический критерий для выделения слова. Семантический (лексико-грамматический) критерий. Понятие о сложных (аналитических) формах слова и вопрос о границе слова в потоке речи. Соотношение словообразования и словоизменения и вопрос о границе слова в системе языка.

Часть третья

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА ЧАСТЕЙ РЕЧИ

А. Части речи в болгарском языке и их грамматические категории

Общий обзор частей речи. Слова знаменательные и служебные. Лексико-грамматические группы слов внутри частей речи. Грамматические категории, присущие каждой части речи, и различия, существующие в этом отношении между отдельными лексико-грамматическими группами слов. Вопрос о возможности и целесообразности выделения в качестве особой части речи так называемой «категории состояния» в болгарском языке. Переходные случаи и промежуточные рубрики в области частей речи.

Б. Выражение синтаксических отношений существительного в болгарском языке

Падежные отношения. Система флективных падежей болгарского местоимения. Средства выражения падежных отношений имени в болгарском языке: остатки падежной флексии, предлог *на*, использование энклитических местоимений и порядка слов. Различия в трактовке личных и неличных существительных. Флективные падежи личных существительных. Звательная форма.

Предлоги как выразители синтаксических отношений имени. Двойная трактовка предлогов — в грамматике и словаре. Сочетания с предлогами *на, от, за, със, из, по*. Общий обзор остальных предложных сочетаний. Параллелизм *на — върху, зад — след* и т. п.

В. Категория определенности и неопределенности имени в болгарском языке

Формы определенного члена при именах разных морфологических типов. Синтаксическое употребление определенной и неопределенной формы существительного. Проблема неопределенного члена и его употребление. Категория количественно-определенной множественности существительных.

Г. Употребление энклитических местоимений и «двойных форм» личного местоимения

Употребление личных энклитических местоимений в притяжательном значении и параллелизм с притяжательными местоимениями. Употребление в объектном значении — самостоятельное и «плеонастическое» (с однозначным существительным или с полной формой того же местоимения). Разные типы «плеонастического» употребления. Вопрос о месте энклитик в предложениях.

Д. Вопросы морфологического членения глагольных форм

Структура глагольного спряжения в болгарском языке. Вопросы морфологического членения глагольных форм. Строение основ. Вопросы морфологической классификации глаголов.

Е. Вид и время

Виды болгарского глагола — совершенный и несовершенный. Критерии совершенности и несовершенности. Морфология вида. Вид как словообразовательная и словоизменительная категория. Видовые пары и непарные глаголы. Вид и «способ действия». Вопрос о выражении второстепенных видовых значений — многократности и начинательности. Значение и употребление отдельных форм времени от глаголов совершенного и несовершенного вида.

Ж. Простые и сложные времена в болгарском языке

Классификация времен болгарского глагола. Аорист и имперфект. Перфект, плюсквамперфект, будущее предварительное. Модальные оттенки в значениях сложных времен. Пересказывательное наклонение. Промежуточные формы между пересказывательным и изъявительным наклонением. Употребление пересказывательного наклонения и выражаемые им модальные оттенки. Степень обязательности и факультативности пересказывания при отдельных временах и в различных случаях употребления. Пересказывание как стилистическая норма.

Часть четвертая

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИМЕНИ

А. Теория болгарского словообразования

Проблема морфологического членения именных основ. Случаи переразложения и опрощения. Словосложение и словосочетание. Продуктивные и непродуктивные словообразовательные типы. Славянские и неславянские элементы в болгарском словообразовании.

Б. Агентивные суффиксы имен существительных

Значения агентивных суффиксов, продуктивные и непродуктивные агентивные суффиксы. Явления синонимизма и параллелизма в области агентивных суффиксов.

Часть пятая

КРАТКИЙ ОЧЕРК УДАРЕНИЯ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Общий характер болгарского ударения. Акцентологические типы существительных и прилагательных. Существительные с подвижным и неподвижным ударением. Ударение некоторых суффиксальных образований. Ударение сравнительной и превосходной степени. Ударение глагола. Колебания в формах аориста, связанные с борьбой восточных и западных болгарских говоров. Ударение причастий.

Часть шестая

ИЗ СИНТАКСИСА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Классификация простых предложений. Предложения односоставные и двусоставные. Члены предложения в болгарском языке и способы их выражения. Составное сказуемое и его типы. Связка и ее отсутствие.

Предикативный член в составном сказуемом (так называемые «второй именительный» и «второй винительный» падежи и их замены). Причастные и деепричастные обороты.

Безличные предложения и их основные типы.

III. РАЗЪЯСНЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ К ОТДЕЛЬНЫМ ЧАСТЯМ И РАЗДЕЛАМ

К части первой

(Основные проблемы фонетики и фонологии болгарского языка. Графика и орфография)

Включение вопросов фонологии (и орфоэпии) в состав книги связано с необходимостью пристального внимания к «природной материи языка» в самом прямом смысле слова, т. е. к его «звуковой оболочке». Глава эта тем более необходима, что в «Грамматике болгарского языка» Л. Андрейчина, доступной советскому читателю в русском переводе, мы не находим фонологической трактовки звуков болгарского языка, да и многие фонетические вопросы еще остаются неразъясненными, несмотря на появление в последнее время статей и работ по болгарской фонетике.

При работе над этой главой необходимо исходить из следующих посылок.

Отрыв фонемы от физической природы звука был бы грубым идеализмом и типичной переоценкой семантики, злоупотреблением ею. Поэтому работа над определением состава фонем, выяснением их оттенков должна начинаться с экспериментальной работы по установлению отдельных оттенков, а в дальнейшем должна состоять в установлении того, обусловлен ли данный оттенок — по сравнению с другими близкими оттенками — его фонетическим окружением или такой обусловленности нет. В первом случае этот оттенок войдет в состав одной фонемы вместе с другими ближайшими оттенками. Во втором случае между этим звуком и другими пройдет граница двух фонем.

Конкретно подлежат рассмотрению следующие вопросы:

1. В области гласных: а) анализ болгарских гласных под ударением, описание их артикуляции (на основе экспериментальных данных); выяснение их оттенков и условий их существования в болгарском языке; б) анализ безударных гласных; их оттенки, степень их редукции в различных фонетических положениях (предударных слогах, заударных и т. д.).

2. В области согласных: а) анализ болгарских согласных, описание их артикуляций (на основе экспериментальных данных); б) выяснение вопроса о фонематичности мягких согласных и, в частности, о мягкости согласных перед е и и.

3. Установление, на основе анализа артикуляции фонем в потоке речи, живых фонетических чередований болгарского языка, как в области гласных, так и согласных; выяснение характера чередования.

4. Исследование (на основе экспериментальных данных) типов слогов в болгарском языке в связи с вопросом о группах согласных.

5. Поскольку детальному анализу ударения посвящена отдельная глава, то здесь предполагается дать лишь в общих чертах вопрос о характере и месте словесного ударения и, в связи в этом, о его фонологическом использовании.

В частности, предполагается экспериментальное исследование относительной силы ударения на префиксе и на корне в образованиях степеней сравнения с *по* и *най*.

Кроме словесного ударения, будет рассмотрено и фразовое ударение, т. е. вопрос о ритмико-синтаксическом строении фразы в болгарском языке.

Для выяснения некоторых спорных вопросов рифмы надо исследовать:

а) подвергаются ли йотации и в какой мере начальные и поствокальные *е* и *и* в разных группах слов и стилях произношения; какой характер носит *ј*, возникающий в подобных случаях;

б) необходимо проверить произношение глагольной флексии 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. наст. вр. глаголов I и II спряжения и некоторых других окончаний у носителей литературного языка из разных районов Болгарии.

К РАЗДЕЛУ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ

Необходимость включения этой главы в состав книги обусловлена тем, что русский читатель пока недостаточно ознакомлен с коренной демократической реформой графики и орфографии, которая была проведена в Болгарии вскоре после прихода к власти правительства Отечественного фронта. В этой связи приходится отметить, что русское издание «Болгарской грамматики» Андрейчина не может удовлетворить нас именно в вопросах графики и орфографии, так как дает, по существу, смесь действующих и уже отмененных правил.

Для четкого и научно правильного изложения поставленных в данной главе вопросов необходимо исходить из строгого разграничения понятий графики и орфографии (чего нет у ряда болгарских ученых, писавших по этому вопросу).

Краткий обзор истории болгарской графики и орфографии будет иметь также и практическое значение, поскольку лицам, имеющим дело с болгарским языком, приходится читать книги, написанные и по старой орфографии.

К части второй

(Общий характер грамматического строя болгарского языка)

А. Зачисление болгарского языка в разряд «аналитических» с фактической стороны страдает односторонностью, так как опирается, по существу, лишь на отсутствие «синтетических» флективных форм падежей в имени существительном. По существу, можно и нужно говорить не об аналитическом строе болгарского языка, а лишь о выражении с помощью служебных слов синтаксических отношений имени. Что касается членных форм, то они представляют скорее новую флексию, хотя и особого типа; в глаголе конструкции с *да* не должны рассматриваться как «аналитический инфинитив». Хотя они и включают служебное слово — союз *да*, но наряду с ним включают и совершенно флективную (характеризуемую личным окончанием) форму глагола в том или ином лице единственного или множественного числа. То же надо сказать о форме будущего времени

с частицей *ще*, отрицательного будущего с *няма да* и о других подобных сложных формах, включающих в себя личную форму соответствующего знаменательного глагола. Более «аналитический» характер имеют сложные времена с причастиями на *л*, но наряду с ними, как хорошо известно, полностью сохраняются и чрезвычайно широко используются в языке простые чисто флективные формы прошедшего времени — имперфект и аорист.

Правильная, объективная оценка соотношения в строе болгарского языка разных приемов грамматического выражения, показ живого сочетания этих разных приемов в языковом строе имеет большое значение.

Как известно, флексия характеризуется сочетанием в одном грамматическом показателе — форманте — ряда разнородных грамматических значений (например, лица, числа и времени; падежа, числа и рода и т. п.), а также сосуществованием для одной и той же категории ряда однозначных показателей, используемых каждый для своей группы слов, т. е. наличием «классов», «разрядов» и других морфологических групп в склонениях и спряжениях. Именно эти типичные черты характеризуют и болгарскую флексию (ср. спряжение болгарского глагола, разряды глаголов по образованию аориста, разные типы образования множественного числа существительных и т. д.). Известную роль играет в болгарском языке и внутренняя флексия, представляющая собой ряд чередований гласных и согласных, используемых в различных словоизменительных целях.

Б. Понятие отдельного слова имеет два аспекта:

а) отдельное слово в системе языка, т. е. вопрос о том, где кончается словоизменение (формы того же слова) и начинается словообразование (другое слово); примеры см. ниже, в замечаниях к разделу о глагольном виде;

б) отдельное слово в потоке речи, т. е. вопрос о том, где в потоке речи кончается одно и начинается другое слово, т. е. в какой мере разного рода служебные частицы, хотя бы они и писались отдельно, а может быть, и служебные слова, входят в состав данного знаменательного слова, образуя его сложные (составные) формы, или где кончается словоизменение и начинается словосочетание.

В этом, втором, плане все «просто» лишь постольку, поскольку мы остаемся в пределах чисто графического понимания слова (слово — то, что, например, в печатном тексте отделяется шпацией от другого слова). Уже «фонетическое» понимание слова в ряде случаев оказывается иным (ср. трактовку конечных согласных предлогов, подчиняющихся в отношении ассимиляции законам «внутрисловной», а не «междусловной» фонетики, что, кстати, восходит, повидимому, к глубокой древности, когда еще «аналитического строя» не было и в помине). С точки же зрения смысла, было бы странно считать, например, в русском языке форму будущего времени *буду писать* сочетанием двух слов, если прошедшее время *писал* есть одно слово, хотя, с другой стороны, критерий «раздельной морфологической оформленности» говорит здесь о том, что мы имеем дело с сочетанием двух слов. Аналогичные вопросы встают, разумеется, и применительно к многочисленным сложным временам болгарского языка. Если мы включаем их в парадигму, называем их временами глагола, то мы, значит, считаем их все же не словосочетаниями, а формой данного глагола, сложной формой слова. Тот же вопрос возникает применительно к формам страдательного залога, который в «Болгарской грамматике» Л. Андрейчина не включается, например, в парадигму глагольного спря-

жения (это относится как к страдательному глаголу с возвратным местоимением *се*, так и к типу: глагол *быть* плюс пассивное причастие). Сложнее обстоит дело в некоторых других случаях, например в случае предложных сочетаний существительного, что особенно актуально для болгарского языка.

Практически здесь встает целый ряд вопросов, которые требуют к себе сугубо конкретного подхода и могут в разных случаях решаться по-разному; однако какие-то общие критерии все же должны быть сформулированы, что и должно составить задачу данной главы.

К части третьей

(Основные проблемы морфологии и синтаксиса частей речи)

В первом разделе дается общий обзор частей речи с их грамматическими категориями. Как указано выше, наибольшую трудность в этом разделе представит, очевидно, вопрос о категории состояния, который потребует детального рассмотрения.

Во втором разделе рассматривается важный вопрос о выражении синтаксических отношений существительного в болгарском языке.

Раздел начинается с определения понятия падежных отношений и рассмотрения той системы падежей, которую находим в формах болгарского местоимения. Далее следует обзор средств выражения падежных отношений имени существительного.

В частности, здесь будет необходимо выяснить на конкретном материале, насколько живыми и употребительными являются формы вроде *Стояна, Ивана, Стояну, Ивану*, в каком типе речи и в каких вообще случаях они употребляются, а в каких заменяются господствующими аналитическими формами.

Внимательному анализу должны быть подвергнуты и другие способы выражения падежных значений, такие, как порядок слов и использование энклитических местоимений (типа *котката я ухапа кучето, Стоян го назначиха учител* и т. п.).

Далее следует рассмотрение предложных сочетаний, служащих выразителями синтаксических отношений имени.

В болгарской грамматике существует традиция рассматривать синтаксические отношения имени с точки зрения системы падежей славянских языков. Исходя из положения товарища Сталина о том, что грамматический строй и основной словарный фонд определяют национальную самобытность языка, авторы книги считают, что единственно правильным научным подходом к изучению грамматического строя любого языка является рассмотрение его с точки зрения его собственной системы, его собственных связей и закономерностей. Это требование обязывает нас изучать формы самого языка, а не способы передачи в данном языке значений тех или иных категорий, свойственных другим языкам.

В современном болгарском языке имеются особые флективные формы именительного, винительного и дательного падежей, различаемые в местоимении-существительном и частично в имени существительном. Об этих падежах, да еще о звательной форме, только и можно говорить применительно к современному болгарскому языку, как об особых грамматических категориях.

Исследовать эти категории — это значит не только определить значение данной формы, но вскрыть все способы, при помощи которых

передается данное падежное значение в словах, не имеющих соответственной падежной формы.

В сложной системе выражения синтаксических отношений существительного болгарского языка выделяются две группы отношений: 1) собственно падежные отношения, выражаемые системой падежей (именительного, винительного и дательного приглагольного и приименного), соответствующие по своему значению так называемым грамматическим падежам индоевропейских языков (именительному как падежу подлежащего, винительному как падежу прямого дополнения, дательному как падежу косвенного дополнения и родительному как падежу приименного дополнения); 2) синтаксические отношения, которые нельзя назвать падежными, так как они не имеют в болгарском языке падежного выражения и передаются сочетаниями предлогов с так называемой общей падежной формой. Эти отношения соответствуют отношениям, передаваемым в индоевропейских языках так называемыми конкретными падежами; это главным образом локальные и другие обстоятельственные значения.

Звеном, объединяющим эти две системы, являются предложные конструкции, в которых предлог утратил свое реальное значение и превратился в простой показатель определенного синтаксического отношения. В такой роли выступает в болгарском языке предлог *на* в конструкциях, имеющих значение дательного падежа (приглагольного и приименного). Эти конструкции с предлогом *на* должны быть включены в систему дательного падежа.

В современном болгарском языке есть и другие предложные сочетания, в которых предлоги подверглись грамматикализации, в той или иной степени утратив свое реальное значение (например, конструкции с предлогом *от* в страдательных оборотах, конструкции с предлогом *с* в значении орудия действия и др.). Однако эти предложные сочетания нельзя рассматривать как падежные конструкции, поскольку выражаемые ими синтаксические отношения в современном болгарском языке формами падежей не выражаются.

С другой стороны, притяжательные конструкции с предлогом *от*, хотя и выражают отношение, передаваемое дательным притяжательным, не могут быть признаны падежными конструкциями, так как предлог *от* не утрачивает своего лексического значения, что придает обороту особый оттенок значения — принадлежность по происхождению.

Таким образом, синтаксические отношения, выражаемые предложными сочетаниями, можно считать выразителями падежных отношений при условии, если данное синтаксическое отношение может быть выражено в языке соответствующей падежной формой и если предлог в данном сочетании грамматикализовался, утратил свое реальное значение, превратившись в простой показатель грамматической связи слов, вследствие чего данное предложное сочетание может заменять соответствующую падежную форму во всех ее синтаксических значениях, как это наблюдается в конструкциях дательного падежа с предлогом *на*.

В отличие от других славянских языков предлоги болгарского языка в сочетании с существительными не вступают во взаимодействие со значением падежной формы, в силу чего несут на себе основную смысловую нагрузку выражения синтаксических отношений. Тем не менее предлог, в силу своей многозначности, не выражает данного синтаксического отношения самостоятельно. Общий смысл последнего зависит от значения сочетающихся слов и роли данного сочетания в контексте предложения. Исследование этих вопросов является обязательным условием изучения

функций предлогов как выразителей синтаксических отношений имени в болгарском языке.

В болгарской грамматике вопрос о предложном употреблении имен рассматривался обычно как вопрос о значении предлогов. При этом часто смешивались вопросы о собственном значении предлогов и о значении словосочетаний, в которых выступает данный предлог. Давался обычно простой перечень значений предлога без указаний на условия проявления того или иного значения. Так, например, Л. Андрейчин, говоря о значении предлога *на*, указывает, что он употребляется в пространственном, временном значении, для обозначения принадлежности, для выражения дательного падежа и в различных переносных значениях, и иллюстрирует все эти рубрики и их более частные подрубрики примерами из литературы. Между тем следовало бы указать, что, например, значение принадлежности выражается предлогом *на* в тех случаях, когда он стоит между двумя существительными (*книгата на ученика*); значение косвенного дополнения — когда он употреблен в контексте с глаголом, способным иметь косвенный объект — адресат действия, и с существительным или местоимением, преимущественно личного значения (*казвам на ученика*, ср. с неличными существительными — *казвам на шега, чета на глас*); пространственное значение — когда мы имеем дело с глаголом покоя или передвижения в пространстве, а существительное обозначает пространственное понятие (*книгата лежи на масата, отивам на нивата*) и т. д.

Представляется целесообразным исследовать и осветить в данной главе вопрос об употреблении новых предлогов типа *върху*, которые более точно (более однозначно) передают некоторые из значений старых предлогов, ныне очень многозначных и получивших во многих случаях «чисто грамматические» функции (*несъщински* или *обликов предлог* у А. Теодорова-Балана). В настоящее время наблюдается в ряде случаев параллелизм *върху* и *на*, *след* и *зад*. Надо определить границы этого параллелизма, выявить закономерности или тенденции его развития, которые, как можно предполагать, заключаются в постепенном вытеснении старых предлогов из некоторой части их позиций, выяснить далее, не наблюдается ли аналогичных тенденций и в отношении других предлогов.

Внимательного исследования заслуживает, вероятно, также употребление двойных предлогов типа *откъм*.

Центральным вопросом данного исследования явится, однако, вопрос о предложном употреблении имен, вопрос же о собственном значении предлогов займет в нем подчиненное положение.

Конечной целью работы является определение правил предложного употребления имен в современном болгарском литературном языке; определение случаев, где употребление данного предлога является единственно возможным, и случаев, где допустимы варианты, синонимические обороты с разными предлогами; определение различий в оттенках значения синонимических оборотов.

Следующий, третий раздел этой части рассматривает категорию определенности и неопределенности имени в болгарском языке. В этом разделе следует осветить вопросы употребления члена и, в частности, выяснить возможность «генерализующей» его функции (т. е. его употребления при существительных в обобщенном значении в предложениях вроде *человек смертен*) и соотношение «индивидуализирующей» и обобщающей функции друг с другом; выяснить смысловое содержание противопоставления форм без члена — формам с членом в разных сочетаниях и типах контекстов, вопрос обязательности и факультативности члена в определенных сочетаниях и при определен-

ных словах, соотношение смысловых (осмысленных) и чисто механических моментов в употреблении и неупотреблении члена; выявить те различия, которые в отношении употребления члена наблюдаются между современной литературой и классиками.

Пора, повидимому, отказаться от сложившегося в болгарской грамматической науке предубеждения против неопределенного члена: *един — една — едно*, объявляемого «варваризмом», «галлицизмом» и т. д., выяснить правила употребления этого неопределенного члена, степень его обязательности или факультативности в отдельных случаях и другие колебания в его употреблении, передаваемые им оттенки значения. В частности, интересны случаи употребления неопределенного члена перед существительным во множественном числе, резко отличающиеся от западноевропейских норм употребления неопределенного члена. Ср., например, у Кр. Велкова: «*Ще му дам аз е д н и помощи, песа му неден*» («Село Борово») и т. п.

Вообще при рассмотрении вопросов употребления как определенного, так и неопределенного члена нужно выяснить и хотя бы кратко показать отличие болгарского употребления от употребления члена в других западноевропейских, а также некоторых балканских языках, например сочетаемость члена с притяжательным местоимением — определением имени в болгарском при невозможности подобного сочетания в западноевропейских языках и т. п.

В этом же разделе будет рассмотрен и совсем другой тип «определенности», встречаемый в имени существительном: категория количественно-определенной множественности (*пет вестника, няколко вестника*) в противоположность нейтральной или неопределенной (количественно-неопределенной) множественности (*вестници*).

Четвертый раздел той же части посвящен в основном плеонастическому употреблению энклитических местоимений, составляющему своеобразную черту болгарского синтаксиса (их употреблению совместно с однозначной «полной» формой местоимения или с существительным, обозначающим то же самое лицо). Надлежит выяснить, в каких именно случаях (имея в виду и порядок слов и ряд других моментов) такое употребление является строго обязательным, в каких — только возможным и какие оттенки значения (стилистические, эмоциональные и другие) связаны с плеонастическим употреблением в тех случаях, когда оно факультативно. На основе тщательного фактического изучения материала следует затем выяснить сущность данного грамматического явления и тех вариантов, которые будут выяснены в результате исследования.

В разделе «Вопросы морфологического строения глагола» будут поставлены некоторые проблемы глагольного словообразования (строение основ, коренные и суффиксальные типы) и проблема структуры спряжения болгарского глагола. При разрешении этих вопросов обычно исходили в большей или меньшей мере из той группировки основ, которая давалась для старославянского глагола, не учитывали в должной мере специфических особенностей современной системы, в большей степени ориентировались на написание глагольной формы, а не на ее звучание. Ясно, что подобный подход к этим вопросам не может привести к правильному их решению.

Морфологическое членение и морфологическая классификация не остаются неизменными на протяжении истории языка. Они меняются и именно потому требуют к себе исторического подхода. Но исторический подход не означает, что современный болгарский язык надо мерить аршином общеславянской древности. Именно исторический под

ход предполагает учет изменчивости морфологической структуры, учет тех процессов переразложения, опрощения, которые происходят в жизни языка и без учета которых не может обойтись грамматическая наука.

Необходимо подчеркнуть, что в системе современного болгарского языка старые (общеславянские) типы спряжения (по принятой нумерации I и II) резко противостоят исторически более молодому спряжению основ на -а- (по принятой нумерации III спряжению), что проявляется как в строении основ, так и во флексиях.

В III спряжении все без исключения формы одного глагола образуются от одной и той же основы, всегда оканчивающейся на -а-. Древнее противоположение «основы настоящего» — «основе аориста» может проявиться лишь в ударении, да и то лишь в некоторых формах. Внутри этого спряжения нет никаких дальнейших подразделений на морфологические группы. В I и II спряжении формы каждого глагола образуются от двух разных основ (нередко — с рядом дополнительных вариантов одной и другой основы). Внутри каждого из двух старых спряжений имеется большое число более дробных морфологических групп, связанных с различиями в соотношении двух главных основ, с особенностями дополнительных вариантов основ и с различиями акцентных типов.

Различие III и первых двух спряжений во флексиях наиболее очевидно в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. (ср. *пита-м*, но *чет-а*, *лез-а*). Что касается остальных лиц, то окончания одного и другого типа спряжения обнаруживают несомненное сходство, но не могут рассматриваться как тождественные. Гласные е и и в I и II спряжении, исторически относившиеся к основе, в результате процесса морфологического переразложения вошли в состав окончания, гласный а в III спряжении является частью основы. Этим определяется принципиальное различие окончаний настоящего времени III спряжения и двух старых. Так, например, для 2-го л. ед. ч. окончаниями соответственно будут -еш, -иш, -ш, для 3-го л. ед. ч. -е, -и, нуль и т. д. Аналогичным образом производится морфологическое членение форм повелительного наклонения, причастия наст. времени и деепричастия. Полное совпадение флексий обоих типов спряжения имеет место в имперфекте и в аористе, где гласный, предшествующий согласному окончанию, всегда относится к основе: *пита-х*, *четя-х*, *ходе-х*, *пита-х* *чето-х*, *ходи-х* и т. д. То же самое имеем и в причастиях, образованных от основы аориста и имперфекта.

В разделе «Вид и время» прежде всего встает вопрос о морфологической системе вида. Здесь необходимо будет дать критику старых концепций «трехвидовости» славянского и, в частности, болгарского глагола, поскольку эти концепции до сих пор имеют хождение в болгарской лингвистической литературе. Очевидно, что видов в собственном смысле имеется только два — несовершенный и совершенный — и что видовое значение многократности передается в болгарском языке разными способами, но не образует специального вида. Надо дать развернутое описание морфологических признаков несовершенного и совершенного вида. Именно в связи с категорией вида наиболее остро встает вопрос о границе между словоизменением и словообразованием, затронутый выше в объяснениях ко второй части. Для правильного разрешения этого вопроса в данном конкретном случае необходим учет следующих положений:

1. П е р ф е к т и в а ц и я глагола (превращение глагола несовершенного вида в глагол совершенного вида) связана всегда с присоединением приставки либо суффикса -н- и тем самым почти всегда — с большим или меньшим изменением лексического, т. е. относительно-конкретного,

значения данного глагола¹. Ср., например, *плетя* и *вплета*, *доплета*, *заплета*, *наплета*, *поплета* (*малко, няколко време*), *преплета*, *приплета*, *разплета*, *сплета*. Конечно, сложения с разными приставками обнаруживают разную степень абстракции от частного и конкретного. В сложениях с приставками, сохраняющими пространственные значения, степень абстракции будет меньшей, в сложениях с приставками, имеющими начинательные, результативные, финитивные значения, значение «охвата длительности» и т. п., степень абстракции окажется большей. В таком глаголе как *изплета* изменение лексического значения по сравнению с *плетя* является минимальным, но все же и здесь различие двух глаголов *плетя* и *изплета* не сводится только к различию вида. Подобным же образом разными словами являются глаголы *светя* и *светна*, *мълча* и *млъкна*, *седя* и *седна* и т. д., так как указанные формы с суффиксом *-н-*, помимо общего значения совершенного вида, имеют еще специальное значение начинательности, к тому же систематически выступающее в болгарском языке в *о б о и х* видах (ср. *светвам*, *млъквам* или устар. *млъкнுவам*, *сядам* — все несовершенного вида, но начинательного значения). Другие глаголы с суффиксом *-н-* (образованные не от глаголов состояния) также, помимо общего значения совершенного вида, имеют еще специальное значение действия, производимого одним движением (*бодна*), моментального и однократного действия (*гръмна*) и т. п. оттенки, хотя в данной группе случаев оснований в пользу признания простого и производного глагола (*бодя* и *бодна*, *гръмя* и *гръмна*) двумя разными словами оказывается уже меньше.

2. Совершенно иное положение имеем в случаях *и м п е р ф е к т и в а ц и и* (превращение глагола совершенного вида в глагол несовершенного вида). Имперфективация создает чисто грамматические видовые пары: *вплета* — *вплетам*, *напиша* — *написвам*, *хвърля* — *хвърлям*, не ведет к возникновению новых лексических оттенков значения, не создает каких-либо специальных значений («подвидов», «способов действия») помимо общего значения несовершенного вида, конкретизируемого уже в каждом данном случае в зависимости от синтаксических факторов. Таким образом, в случаях имперфективации категория вида в наибольшей степени выступает, «абстрагируясь от частного и конкретного»², т. е. в полном смысле как грамматическая и чисто грамматическая категория. Поэтому формы *хвърля* и *хвърлям* (также *напиша* и *написвам* и т. д.) надо рассматривать как формы одного слова. Так же трактует подобные случаи и академик В. В. Виноградов применительно к русскому языку: «Соотносительные парные формы совершенного и несовершенного вида — при отсутствии различий в лексических значениях — являются формами одного и того же глагола»³. Различие между русским и болгарским языком здесь в том, что в русском формами одного слова нередко могут являться и пары, возникшие в процессе перфективации (*делать* — *сделать*, *писать* — *написать*), в результате присоединения приставки, полностью утратившей лексическое значение⁴, а в болгарском подобных случаев оказывается гораздо меньше, что отражается в более свободной,

¹ Об относительно-конкретном значении говорится здесь потому, что «всякое слово (речь) уже обобщает» (В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 256); следовательно, уже лексическое значение слова есть результат обобщения; это значение является конкретным лишь в относительном плане, по сравнению с более обобщенным грамматическим значением, представляющим дальнейшую, более высокую, качественно новую ступень абстракции.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24

³ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 498.

⁴ Ср. там же, стр. 533 и сл.

чем в русском языке, имперфективации приставочных глаголов (ср. русское *желать* — *пожелать* и болгарское *пожела* — *пожелавам*, русское *писать* — *написать* и болгарское *напиша* — *написвам* и т. д.). Одной из задач исследования и будет выявление наличия и определение с максимальной точностью состава глаголов с приставками, которые и в болгарском языке не подвергались бы вторичной имперфективации и тем самым создавали бы «чистые» грамматические пары с соответствующими простыми глаголами, т. е. формы одного глагольного слова.

В параграфах, посвященных морфологии глагольного вида, необходимо разрешить следующие вопросы:

1. Вид простых (коренных) глаголов. Выявить точный список простых глаголов совершенного вида, с разбивкой на «стойкие» (вроде *дам, купя, лиша, реша*) и «колеблющиеся» (встречающиеся иногда и в значении несовершенного вида, вроде *видя, чуя*; ср. *видиш ли* вм. *виждаш ли* и у классиков и у современных авторов). Выявить условия и пределы колебаний для каждого из них. Выявить состав глаголов обычно несовершенного вида, но выступающих иногда (в некоторых своих формах) в значении совершенного вида (ср., например, глагол *мога* в формах аориста, особенно — с отрицанием, адекватный русскому *не смог*), как и другие случаи видовой омонимии.

2. Вид некоторых суффиксальных образований без приставок, в том числе — глаголов с двойственным видовым значением на *-ича, -ува, -ира* и др., глаголов с назальным суффиксом (учесть разные оттенки видového значения в разных образованиях этого типа). Выявить случаи суффиксального образования несовершенного вида (суффикс *-ва-*) рядом с глаголами, которые сами по себе являются несовершенными, и специфический оттенок, выражаемый такими образованиями (*мазвам* рядом с *мажа*, как *се каляваше стоманата* рядом с *каля* и др.). Необходимо еще раз рассмотреть вопрос об остатках многократного вида в болгарском языке в связи с известными расхождениями в этом вопросе между традиционной грамматикой и взглядами Андрейчина. Уже сейчас видно, что истина в этом вопросе в основном на стороне Андрейчина: признание особого «многократного вида» как равноправного члена видовой системы рядом с несовершенным и совершенным — отголосок старых видовых теорий, несостоятельность которых давно показана. Однако возникает вопрос, не преуменьшает ли Андрейчин количество случаев, в которых все же сохраняется специфическое значение многократности, не говоря уже о том, что значение многократности находит себе широкое выражение в языке при помощи некоторых форм словоизменения (настоящее время и имперфект глаголов совершенного вида, аорист глаголов несовершенного вида и др.).

3. Вид и «способ действия» в приставочных глаголах. Выявить точный круг глаголов, не изменяющих свой вид при присоединении приставки (вроде *надлежа, състоя* и т. д.). Исследовать слабо разработанный на болгарском материале вопрос о «способах действия» или подвидах, выраженных отдельными приставками.

4. Так называемые «вторичные несовершенные глаголы, образованные путем суффиксации от совершенных», т. е. вид как категория словоизменительная. Видовые пары и их структура. Частичная конкуренция между отдельными суффиксами имперфективации. Остатки использования супплетивности в тех же целях.

5. Глаголы, содержащие более одной приставки, их смысловые группы, их видовое значение.

6. Непарные глаголы. Глаголы частично дефективные, у которых отсутствует или является крайне неупотребительной часть форм.

Выявить наличие таких глаголов и их состав. Непарные глаголы в собственном смысле (у некоторых совсем нет форм другого вида).

Различие между болгарским и русским языком в отношении непарности состоит в том, что в русском языке значительно больше непарных глаголов совершенного вида (например, большинство начинательных глаголов вроде *зареветь*, *закричать* и много др.), тогда как в болгарском таких случаев оказывается значительно меньше (ср. болгарские глаголы: *заревавам*, *заридавам*, *изтръбявам* и др.). Надлежит выяснить, какие именно типы совершенных глаголов являются непарными и в болгарском. Например, глаголы с двумя и даже тремя приставками, вроде *заразотивавам се*, в тех случаях, когда первая из этих приставок имеет начинательное значение, почти всегда относится к числу глаголов perfectiva tantum; однако если первая приставка неначинательная, глагол, как правило, будет иметь значение несовершенного вида. Ср. у Камена Калчева: «*До тях в купето хъркаше един старец, две жени в черно гледаха пред себе си, и един свещеник доизяждаше крилцата на пържено пиле*» («В края на лятото»). В этих случаях мы будем иметь дело с парным глаголом (*доизям* — *доизяждам*). Однако встает и более трудный вопрос — насколько широко употребляются в языке имперфективированные формы, вроде вышеупомянутых *заревавам*, *заридавам*, *махвам* и т. д., образуют ли они все возможные времена или нет.

В отношении непарных глаголов несовершенного вида положение не отличается существенно от положения в русском языке, хотя таких непарных глаголов в болгарском оказывается больше за счет широкого развития имперфективации приставочных глаголов, разрывающей старые связи простых несовершенных глаголов с соответствующими приставочными. Сравни в русском языке *влиять* — *повлиять* и в болгарском *повлияя* — *повлиявам* (ср. у Вазова: «*Това закъсняване беше една от ония фаталности, които често повлияват въз съдбините на цял народ*» («Под игото», III, VI). Но благодаря наличию такой пары простой глагол *влиая* остается в одиночестве, в отличие от соответствующего русского *влиять*. В ряде случаев это может вести к исчезновению простого глагола.

В параграфах, посвященных синтаксису вида и времени, прежде всего надо будет остановиться на «синтаксических критериях» вида (невозможности определенных сочетаний, например, совершенного вида с определениями фазовости процесса, с определениями продолжительности типа *дълго* и т. д.) и отсюда определить сущность видового противопоставления. Надо будет проверить на конкретном материале болгарского языка правильность дававшихся в грамматической литературе общих определений значения совершенного и несовершенного вида. Не смешивая видовых и временных категорий, надо будет наглядно показать теснейшую их взаимосвязь и взаимодействие в языке, особенно — в формах аориста и имперфекта.

В частности, при рассмотрении взаимоотношений вида и времени должны быть освещены следующие вопросы:

1. Вопрос о значениях настоящего времени несовершенного и совершенного вида. Отношение вида к различным типам «абстрактного настоящего», «фиктивного настоящего» и т. д. (ср. историческое настоящее, настоящее «вечных истин» и т. д.). Настоящее время глаголов совершенного вида в значении многократности. Обследовать, встречается ли в какой-то мере в современном литературном языке западноболгарское использование настоящего времени совершенного вида в качестве «исторического настоящего» (ср. у Михалаки Георгиева).

2. Аорист несовершенного и совершенного вида. Сочетание временного и видового момента в значении аориста. Связь вопроса об аористе глаголов несовершенного вида с проблемой видовой непарности. Аорист глаголов несовершенного вида и имперфект. Роль определений продолжительности. Итеративный и ингрессивный аорист глаголов несовершенного вида. Другие оттенки значения, передаваемые аористом парных глаголов несовершенного вида.

3. Имперфект, его «относительное» и «абсолютное» употребление. Односторонность трактовки имперфекта как чисто относительного времени («прошедшего одновременности»). Имперфект совершенных глаголов в модальном употреблении и в специфическом видо-временном употреблении. Архаические и отмирающие типы употребления имперфекта совершенных глаголов.

4. Эквиваленты аориста и имперфекта совершенного и несовершенного вида в системе «пересказывательных форм». Вопрос о соотношении видовых и временных моментов в значении других временных форм и форм «пересказывания».

Последний раздел той же части посвящен проблеме соотношения значений простых и сложных времен.

Прежде всего здесь возникает большой и сложный вопрос о смысловом размежевании аориста и перфекта. Этот вопрос требует внимательного учета самых разнообразных факторов. Отношение двух указанных времен представляет сложную гамму от взаимоисключения их в одних случаях и типах контекста до полного синонимизма — в других. Особенно неясным и вместе с тем интересным является вопрос об употреблении этих двух времен в диалоге. Здесь же рассматривается и предпрошедшее, специфические оттенки его значения, не сводимые к простому предшествованию во времени другому прошедшему действию, рассматриваются случаи выражения «предпрошедших» во времени действий простыми аористами и имперфектами, модальные оттенки в значении перфекта, предпрошедшего и предварительного будущего.

Пересказывательное наклонение рассматривается как специальный случай и дальнейшее развитие «неопределенности», заключенной во временах, образованных с причастием на -л. Здесь прежде всего надлежит уточнить вопрос о морфологической границе между пересказывательным наклонением и перфектом изъявительного.

Очевидно, та граница, которую проводит Андрейчин и (менее категорично) Теодоров-Балан, — наличие связки в 3-м л. перфекта и ее отсутствие в 3-м л. «пересказывательных времен», — является довольно относительной, так как в языке нередко встречаются случаи явного «пересказывания» при наличии связки (например, у Вазова: «— *Де е Македонски?* — *В Молдова. Казват, — станал е логофет при някой си мушиерин*»; или: «— *Уверяват, че до снощи само са се продали пет хиляди притурки от тая*». — «Немили—недраги»), как и обратные случаи — отсутствия связки в формах перфекта. Что касается «причастия имперфекта», то оно также встречается в сочетании со связкой в 3-м л., причем как в «пересказывательном» значении, так и в значении прошедшего времени без какого бы то ни было «пересказывательного» оттенка, хотя, казалось бы, это причастие должно составлять специфическую принадлежность одних только пересказывательных форм; Теодоров-Балан потому ведь и называет его «приказно причастие»¹. Ср., например, у И. Иванова: «*Там осо-*

¹ Проф. Андрейчин также пишет в параграфе 339, специально посвященном этому причастию: «Вън от състава на съответните глаголни времена за преизказване това причастие не се употребява».

бено, дето Паиси е заемал на готово някои текстове, в л и я л с е е от техния правопис» (автор здесь не передает чужое высказывание, а выражает собственное наблюдение); у Караславова: «Не всички младежи и девойки, когато са тръгвали за Хаинбоаз, са имали едни и същи представи за онава, която ги очаква. Някои са си мислели, че това ще бъде обикновена работа» (здесь форма *са си мислели* выстраивается в один ряд с «обыкновенными перфектами», предшествующими ей и следующими за ней, и по сути дела сама является своеобразной формой перфекта). Необходимо на большом фактическом материале выяснить удельный вес всех этих «аномалий» и условия их появления. Возможно, что надо будет признать существование каких-то промежуточных категорий между пересказыванием и перфектом. С другой стороны, возникает вопрос о правомерности и целесообразности самого отнесения «пересказывательных форм» к особому наклонению (против чего выступал, как известно, Андрейчин). В этой связи надо детально разработать модальные оттенки, выраженные разными формами пересказывательного наклонения, от ярких модально-эмоциональных оттенков (удивление, ироническое предразнвание собеседника) и кончая полной утратой модальности и превращением «пересказывательных форм» в формальную особенность «сказочного стиля» повествования. Надо признать, что если под наклонением мы будем понимать глагольную категорию, отражающую модальность данного предложения, т. е., в частности, оценку говорящим достоверности высказывания, то мы не сможем просто включить рассматриваемые формы в изъявительное наклонение — наклонение полной реальности. С другой стороны, конечно, пересказывательные формы иногда употребляются, так сказать, механически, как принадлежность определенного стиля (в сказке, в историческом повествовании). Однако, как известно, и во многих других языках употребление, например, конъюнктива становится в определенных случаях (например, в косвенной речи) чисто механическим, шаблонным, в результате чего конъюнктив все же не перестает в грамматиках этих языков рассматриваться как наклонение.

В ходе работы надо будет решить важный вопрос об обязательном или факультативном применении форм пересказывательного наклонения в разных случаях его употребления — вопрос, тесно связанный с его смысловой и стилистической насыщенностью и в первую очередь именно с модальностью (в широком смысле) данного высказывания.

Далее встает вопрос о составе форм пересказывательного наклонения (в частности, и о «сверхсложных» формах с двумя причастиями на -л, которые Андрейчин называет формами «за по-силно преизказване», о будущем пересказывательном и т. д.) и об оттенках значения, передаваемых этими формами.

Наконец, приступая к работе над вопросами «пересказывательных форм», необходимо иметь в виду, что для пересказывательного наклонения особенно важны вопросы терминологии, так как в этой наиболее специфической области, лишь недавно ставшей объектом грамматической разработки, царит еще больший терминологический хаос, чем в любой другой области болгарской грамматики.

К части пятой

(Краткий очерк ударения болгарского языка)

Необходимость выделения данного вопроса в специальный раздел обусловлена тем, что в предшествующих разделах рассматриваются не все морфологические категории болгарского языка.

Отдельные сведения по болгарскому ударению будут даны в других местах книги при рассмотрении тех или иных морфологических категорий. Однако авторы считают крайне необходимым дать общий очерк болгарского ударения, который сведет воедино замечания, рассеянные в разных разделах, дополнит и изложит в систематизированном виде.

В частности, должны быть детально рассмотрены (с приведением полных списков слов) случаи подвижного ударения в существительных мужского рода, случаи колебания ударения и т. д. Одним из наиболее интересных вопросов болгарского ударения является вопрос об ударении в формах аориста очень многих глаголов. То, что дает по этому вопросу Андрейчин и другие грамматики (Младенов), далеко не достаточно и частично противоречит некоторым наблюдениям над устной речью. Необходимо точнее определить предел возможных колебаний ударения, связанных с влиянием восточных и западных диалектов, и, главное, осмыслить вопросы ударения в формах аориста с точки зрения смыслоразличительной функции ударения в этих формах. Повидимому, тенденция к противопоставлению ударения форм аориста ударению форм настоящего времени вступает в противоречие с другой тенденцией литературного языка — оказывать предпочтение восточному ударению (на корне), как и с тенденцией к корневому ударению у многосложных глаголов. В результате в некоторых случаях в аористе имеет место нарушение традиционного правила «одинаковости ударения во всех лицах одного времени» (например, по некоторым наблюдениям: *говóрих* чаще, чем *говорíх*, но в 3-м л. норма: *той говорí* чаще, чем *той говóри*, где в последнем случае получается совпадение с формой настоящего времени). Там, где совпадение форм не может повести к недоразумению, господствует восточный тип ударения. Так обстоит дело, например, в глаголах совершенного вида, употребление которых в формах настоящего времени связано обычно со строго определенными типами контекстов, по крайней мере в восточно-болгарских говорах и обычном литературном языке: *ако помéри, да помéри, когато помéри* (также *ще помéри*) и др. и аорист в литературном произношении тоже *помéри* (ударение *помéри* воспринимается как грубый западный диалектизм).

Обстоятельного освещения заслуживает и вопрос об ударении в причастных формах (в частности, противопоставленность по ударению форм «аористного» и «имперфектного» причастия на -л, вопрос об ударении причастий страдательного залога) и другие вопросы.

К части шестой

(Из синтаксиса простого предложения)

Развернутое изложение вопросов болгарского синтаксиса не предусматривается в рамках «Очерков». Однако главу, посвященную некоторым вопросам синтаксиса простого и сложного предложения, все же представляется целесообразным включить в книгу. В главе этой будут даны классификация простых предложений на односоставные и двусоставные и обзор членов предложения, причем центральное место займут разные типы составного сказуемого, представляющие наибольшую специфику и наибольшее разнообразие в языке.

Кроме того, будет дано описание типов безличных предложений.

IV. ПОРЯДОК РАБОТЫ

Работа над книгой должна быть начата с наиболее конкретных глав, чтобы избежать элементов априоризма при подходе к вопросам, поставленным в более общих разделах. По разделам фонетическим потребуется экспериментально-фонетическое исследование отдельных вопросов, которое могло бы быть проведено в лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского университета.

Все разделы будут строиться на основе обстоятельного исследования литературных текстов. Потребуется прочитать и расписать на карточки большое количество литературы. Ряд произведений классической и современной болгарской литературы будет расписан полностью в порядке сплошного обследования. Авторы считают, что только такой метод работы обеспечит надежность и строго научную объективность выводов.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
От редакции	3
З А С Е Д А Н И Е 1-е	
<i>П. Н. Третьяков.</i> Вступительное слово	7
<i>С. Б. Бернштейн.</i> Задачи изучения современного болгарского литературного языка	9
<i>Е. В. Чешко.</i> Об изучении функций предлогов в болгарском языке	23
З А С Е Д А Н И Е 2-е	
Выступления по докладам С. Б. Бернштейна и Е. В. Чешко и по «Проспекту»	
<i>П. С. Кузнецов</i>	36
<i>Э. А. Якубинская</i>	37
<i>Н. С. Поспелов</i>	40
<i>Т. П. Рыбальченко</i>	42
<i>Е. И. Безикович</i>	44
<i>В. В. Бородич</i>	46
<i>Т. М. Бузуева</i>	49
<i>Н. И. Толстой</i>	49
<i>А. М. Френкель</i>	52
<i>Е. И. Демина</i>	53
<i>Е. А. Захаревич</i>	55
З А С Е Д А Н И Е 3-е	
<i>Ю. С. Маслов</i>	56
<i>Е. В. Чешко.</i> Заключительное слово	61
<i>С. Б. Бернштейн.</i> Заключительное слово	65
<i>Ю. С. Маслов.</i> О морфологическом членении глагольных форм и морфологической классификации глаголов в современном болгарском литературном языке	68
З А С Е Д А Н И Е 4-е	
Выступления по докладу Ю. С. Маслова и по «Проспекту»	
<i>И. К. Бунина</i>	93
<i>Э. И. Полтораднева</i>	95
<i>Е. И. Безикович</i>	95
<i>В. К. Журавлев</i>	96
<i>Э. А. Якубинская</i>	100

<i>Е. С. Андреева</i>	101
<i>А. Г. Широкова</i>	102
<i>Ю. С. Маслов</i> . Заключительное слово	104
<i>С. Б. Бернштейн</i>	107

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Отзыв Института болгарского языка Болгарской Академии Наук	109
Отзыв кафедры славяноведения филологического факультета Карлова университета	111
Основные вопросы болгарской грамматики (Проспект)	115

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии Наук СССР*

*

Редактор Издательства Г. А. Лескиис
Технический редактор Н. А. Неврава

*

РИСО АН СССР № 65—58В. Т-03169. Издат. № 3946

Тип. заказ № 1141. Подп. к печ. 9/V 1953

Формат бум. 70×108^{1/16}. Бум. л. 4,5. Печ. л. 12,33.

Уч.-издат. 11 л. Тираж 2000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 6 руб. 60 коп.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР

Москва, Шубинский пер., д. 10

6 руб. 60 коп.

525310
RU